

Дебор Ги. Общество спектакля

1967, Источник: [здесь](#). Перевод: А. Уриновский. Работа посвящена анализу современного капиталистического общества. С помощью понятия «спектакль» Ги Дебор объясняет целый ряд современных культурных и идеологических феноменов: специфику современных индустриальных обществ развитых стран, проблему глобализации (в самом широком смысле), порочность репрезентации, доминанту визуальности в современной культуре, и многое другое.

Сюда также включено позднее сочинение Дебора "Комментарии к "Обществу спектакля"" (1988).

- [Лапшин Алексей. Неприми́мый enfant terrible](#)
- [Усманова Альмира. "Общество спектакля" Ги Дебора](#)
- [ГЛАВА I. Всеобщее разделение](#)
- [ГЛАВА II. Товар как спектакль](#)
- [ГЛАВА III. Единство и разделение видимости](#)
- [ГЛАВА IV. Пролетариат как субъект и представление](#)
- [ГЛАВА V. Время и история](#)
- [ГЛАВА VI. Зрелищное время](#)
- [ГЛАВА VII. Обустройство территории](#)
- [ГЛАВА VIII. Отрицание и потребление в культуре](#)
- [ГЛАВА IX. Материализованная идеология](#)
- [Комментарии к «Обществу спектакля» \(1988\)](#)
- [Примечания](#)

Лапшин Алексей.

Непримиримый enfant terrible

Ги Дебор покончил с собой выстрелом в сердце. 1994 год. Время глобального триумфа общества спектакля. Идеологической конкуренции больше не существует. Непримиримый enfant terrible получает посмертное признание. Сознательная гибель не помогла ему разрушить ненавистные декорации. Я думаю, он это предчувствовал. Вы не хотели быть персонажем нашего шоу при жизни, значит станете им после смерти — гласит страшный приговор системы. Выстрел в сердце — самый радикальный вид самоубийства. Согласно христианской традиции, именно в сердце находится душа человека. Дебор стрелял не только в тело, но и свою душу? Может быть, было именно так. Он больше не хотел жить в этом мире. Ни телом, ни душой.

Биография Ги Дебора? О нём уже много написано. Успели подсуетиться, как бы он сам, конечно, высокомерно бросил. Но всё же несколько слов для справки. Путь бунтаря Ги начал с жестокого наезда на Чаплина. В компании молодых, таких же безумных ребят устроил шумную акцию. Обвинил режиссёра в псевдогуманизме, эксплуатации человеческих нервов. Крокодиловы слёзы капитализма были осмеяны. Возможно, именно тогда Дебор вышел на тему «Общества спектакля».

Потом был Ситуационистский интернационал. Апология нонконформизма. Идёт провоцирование системы на агрессию. «Будьте реалистами! Требуйте невозможного!». Но революции, о которой мечтали ситуационисты не случилось. Назревавший бунт закончился пшиком 68-го. Подвело, видимо, всё заполонившее «we want love»... После Дебор постепенно замыкается. Ему становится мало что интересно. Продолжают периодически появляться его авангардистские фильмы, известные своими «провалами» внутри сюжета. Представьте: идёт картина, вдруг действие обрывается и начинается многоминутная пауза. Пустой экран. Задумайтесь в это время о жизни! Просмотры в кинотеатрах прерывались скандалами.

Выходят в свет «Комментарии к Обществу спектакля». Следует ещё более жёсткая критика цивилизации. Дебор беспробудно пьянствует. Вот какую замечательную в своём роде исповедь толкнул он сам:

“ «Хотя я очень много читал, но пил я значительно больше. Я написал намного меньше книг, нежели многие литераторы и публицисты, но выпил много больше самых усердных пьяниц.»

Отличный стиль очень крупного человека.

Дебор, этот алкоголик и смутьян, безусловно, один из самых радикальных и глубочайших критиков современного мира. Среди «левых» он в одном ряду с Маркузе, Бодрийяром... Своей непримиримостью к духу времени близок к крайне правому Юлиусу Эволе. Дебор уловил самое главное — поддельность существования, чётко обозначил имплантаты в мире. Спирт в его случае делал взгляд более ясным, резким. Можно сказать, что он описывал «одномерного человека» в «обществе спектакля». Сам Ги был обособленной личностью, дифференцированным человеком. В последние годы жил затворником.

Напрасно только философ думал, что разверзнувшаяся перед ним бездна — последний круг ада. В двадцать первом веке, до которого он не захотел дотянуть, время действительно изменилось. Вывернулось ещё более кошмарной гримасой. Речь уже нужно вести не просто об «обществе спектакля», а о виртуализации самой истории. Тараны манхеттенских небоскрёбов, вне зависимости от причин и авторов трагедии, рассекли реальность пополам. На ТВ-картинку и действительность. Подобное, несомненно, было и раньше, но именно глобализация СМИ плюс возможности интернета сделали ресурсы лжи подавляющими. Историю теперь можно снимать на студийных площадках и писать в новостной ленте. Компьютер зомбирует сейчас даже сильнее, чем телящик. Возьмите как пример войну в Ливии. Реальность подменяется видеорядом и «сообщениями».

Процитирую коротко самого себя:

“ «Конечная цель всех политехнологий власти — это программирование времени. Власть стремится сформировать некую параллельную реальность, которая была бы более важна, чем настоящая.»

Сегодня мы видим результаты этого программирования... ТВ-картинка теперь не только эрзац живой истории, пропагандистская агитка, но и способ формирования событий. Войны под фальшивым предлогом в Афганистане, Ираке, Грузии, мнимые рейтинги политиков становящиеся данностью... Но самое страшное — вытеснение из истории личности. Посмотрите на этих «пляшущих человек» или даже на «закулисье» спектакля! Слов нет! Эти «пляшущие» не выносят «Я», свободно мыслящего и действующего Героя, самим фактом своего бытия бросающего вызов комедиантам. Именно сопротивление этого «Я» способно нарушить законы и традиции глобального шоу.

На самом деле «общество спектакля» уничтожает само себя. Виртуализация реальности превратила его в «апофеоз беспочвенности». Снова на повестке дня прямое человеческое действие, казалось бы, нивелированное работой универсальной системы растворения. Не стоит пробивать себе сердце пулей. Посражаемся ещё за наши «Я».

Усманова Альмира.

"Общество спектакля" Ги Дебора

«Общество спектакля» (La Société du spectacle) — это основное произведение французского теоретика искусства, художника-авангардиста, социального философа и писателя Ги Эрнеста Дебора (Guy-Ernest Debord; 1931–1994). Книга написана Ги Дебором в 1967 году и вскоре после выхода в свет принесла автору широкую известность в европейских интеллектуальных кругах.

Работа Ги Дебора посвящена анализу современного капиталистического общества западного типа с леворадикальных позиций. По словам самого Ги Дебора, это произведение стало «выражением наиболее радикальной позиции» в момент социально-политического кризиса во Франции в мае 1968 года, который привёл в итоге к смене правительства, отставке президента Шарля де Голля, и значительным изменениям во французском обществе: «даже последние простофили того времени смогли наконец-то понять то, что же означало «отрицание жизни, ставшее видимым», «утрата качества», связанная с формой-товаром, или же пролетаризация мира». Впоследствии Ги Дебор, который не был активным участником этих событий, написал, что «общество спектакля превратило восстание против себя в спектакль».

Произведение Ги Дебора выстроено как совокупность тезисов, по форме напоминающих «Тезисы о Фейербахе» К. Маркса и воспринимается, прежде всего, как художественный манифест, предоставляющий концептуальный аппарат для анализа политических и экономических подтекстов современной визуальной культуры. В то же время её можно считать переводом экономических идей К. Маркса на язык современной культурной теории: не случайно для многих интерпретаторов она выступает как «Капитал» нового поколения. Ги Дебор анализирует не только экономическую, но и политическую [не]состоятельность марксизма в современных условиях. Он полагает, что невозможность преодоления товарного фетишизма ставит под вопрос возможность любого революционного движения, по крайней мере в терминах оппозиции рабочего класса и буржуазии, которые по сути представляют собой нерасторжимое целое, они тождественны: в непонимании этого заключалось историческое фиаско так называемой пролетарской революции и лично К. Маркса (глубоко буржуазного мыслителя, по мысли Ги Дебора) как её пророка.

Одним из источников вдохновения для Ги Дебора выступала «Диалектика Просвещения» М. Хоркхаймера и Т. Адорно, постулировавших тотальность культуриндустрии в современном обществе, а также показавших, что «развлечение становится пролонгацией труда в

условиях позднего капитализма», а «искусство есть лишь разновидность товара, сделанного, поставляемого, приравненного к индустриальной продукции, продающегося и заменимого», или же Das Passagen-Werk В. Беньямина, задавшего современный ракурс интерпретации феномена Modernity — реальность (и наиболее характерная особенность) последнего состоит в потреблении иллюзий взамен или наряду с материальными благами. Не менее важна в этом контексте и концепция Д. Лукача: именно из разработанной им оппозиции становления и ставшего, овеществляющего отчуждения и праксиса вытекает предложенная Ги Дебором интерпретация «спектакля».

С помощью понятия «спектакль» Ги Дебор объясняет целый ряд современных культурных и идеологических феноменов: специфику современных индустриальных обществ развитых стран, проблему глобализации (в самом широком смысле), порочность репрезентации, доминанту визуальности в современной культуре, и многое другое. За основу определения «спектакля» можно взять тезис 34: «Спектакль есть капитал на той стадии накопления, когда он становится образом», причём капитал перестаёт быть «невидимым центром, управляющим способом производства»: всё протяжении общества — это его портрет. Спектакль, по мысли Ги Дебора, — это идеология универсально значимая, и в качестве таковой, несмотря на впечатление тотальной абсолютной видимости, он оказывается дискурсом непрозрачным и эллиптическим: «помимо того, что является собственно секретным, очевидно, зрелищный дискурс замалчивает всё, что ему не подходит». Не удивительно, что любые спонтанные (то есть свободные, не «срежиссированные») действия и мнения представителей общества спектаклю не подходят: «власть спектакля достаточно часто возмущается, когда замечает, как под её покровительством формируется некий спектакль-политика, спектакль-юстиция, спектакль-медицина, или множество непредвиденных издержек масс-медиа».

Термин «спектакль» в интерпретации Ги Дебора содержит в себе совокупность разнообразных (и не всегда вычитываемых) коннотаций, например:

- пассивность субъектов-зрителей;
- визуальный характер поздней капиталистической экономики;
- постановочность действий власти;
- условность социальных конвенций, которая носит в театральном спектакле гораздо более выраженный характер, нежели в кино — в театре она осознаваема и блокирует полную идентификацию, тем самым «разделение» сохраняет свою силу.

Ги Дебор наделяет «общество спектакля» следующими характеристиками:

1. Вся жизнь обществ, в которых господствуют современные условия производства, проявляется как необъятное нагромождение спектаклей.
2. Спектакль — это не совокупность образов, но общественное отношение между людьми, опосредованное образами.
3. Спектакль нельзя понимать ни как злоупотребление неким миром визуальности, ни как продукт массированного распространения образов. Это объективированное видение

мира.

4. Спектакль, взятый в своей тотальности, есть одновременно и результат, и проект существующего способа производства. Он не является неким дополнением к реальному миру, его надстроенной декорацией. Он есть средоточие нереальности реального общества. Во всех своих частных формах, будь то информация или пропаганда, реклама или непосредственное потребление развлечений, спектакль конституирует наличную модель преобладающего в обществе образа жизни. Форма и содержание спектакля служат тотальным оправданием условий и целей существующей системы.

5. Анализируя спектакль, мы в какой-то мере говорим самим языком спектакля, тем самым переходя на методологическую территорию того общества, которое выражает себя в спектакле.

6. Общество, базирующееся на современной индустрии, не является зрелищным случайно или поверхностно — в самой своей основе оно является зрительским. В спектакле, этом образе доминирующей экономики, цель есть ничто, развитие — всё. Спектакль не стремится ни к чему иному, кроме себя самого. Таким образом, спектакль есть «основное производство современного общества». Он есть не что иное, как экономика, развивающаяся и функционирующая ради себя самой.

Характерно, что Ги Дебор выстраивает свою концепцию спектакля как завуалированную критику «окуляроцентризма» европейской философии, поскольку спектакль, как тенденция предъявлять мир, который уже не схватывается непосредственно, через различные специализированные опосредования, полагает зрение привилегированным человеческим чувством, каковым в прежние эпохи было осязание. Ги Дебор объявляет спектакль наследником всей слабости западного философского проекта, представлявшего собой понимание деятельности, в котором первенство принадлежало категориям видения.

Та критика, которую Ги Дебор адресует буржуазному обществу, ещё более подчёркнута по отношению к обществу, построенному в духе квазиреволюционных идеалов и породившему примитивный спектакль тоталитарного бюрократического общества: по мнению Ги Дебора, пролетариат всегда был лишь коллективным зрителем затевавшейся якобы ради его блага революции. Так, присвоение «голосов» рабочего класса небольшой группой «репрезентантов» их мнения создало, по мысли Ги Дебора, величайшую историческую иллюзию, фиктивный мир «государства рабочих и крестьян». Схожим образом западная революция 1968 года, в преддверии которой была написана эта книга, также завершилась «интегрированной театрализацией», о чём Ги Дебор писал в многочисленных «Комментариях» к различным переизданиям «Общества спектакля». Впрочем, согласно тезису 23, потенциальная угроза спектакуляризации существовала всегда — ибо власть нигде и никогда никого, кроме самой себя, не репрезентировала, хотя, казалось бы, требование репрезентативности лежит в основании всей политической системы общества. В действительности цель любой политической системы состоит в фальсификации общественной жизни. Поэтому демократия есть, прежде всего, видимость демократии. Спектакль (как зрелище) и власть (не только в буржуазном государстве) — взаимополагающие категории, поскольку оба являются продуктами «древнейшей

общественной специализации», заключающейся в том, чтобы говорить от имени других.

Таким образом, допуская множественные интерпретации «видимого мира» позднего капиталистического общества, Ги Дебор не оставляет никаких иллюзий относительно его эстетизированной поверхности. Не то чтобы Ги Дебор демонизировал видение как таковое, однако критикуя тот способ, которым западное общество научилось манипулировать видением и злоупотреблять им, автор оказывается очень близок к другому французскому мыслителю — М. Фуко, считавшему, что современный человек живёт не в обществе спектакля, но в обществе надзора, и что люди находятся не в амфитеатре и не на сцене (местах органичного существования спектакля), но в паноптической машине, где «глаз власти» управляет миром и ими. В то же время Ги Дебор лишает наблюдателя его привилегированного положения: и его (наблюдателя) терзает мания подглядывания, в «обществе спектакля» и он может в любую минуту оказаться под прицелом чужого взгляда, он сам подвергается опасности «объективирования» и «овеществления» — посредством превращения в образ.

ГЛАВА I. Всеобщее разделение

“ «Определенно, в нашу эпоху, когда образ предпочитают вещи, копию — оригиналу, представление — действительности, а видимость — бытию, лишь иллюзия обладает святостью. Истина же профанирована. Более того, святость возрастает в той мере, в какой уменьшается истина, а иллюзия при этом возрастает, да так, что высшая степень иллюзорности являет собой высшую степень святости.»

Л. Фейербах «Сущность христианства», предисловие ко второму изданию

1

В обществах, достигших современного уровня развития производства, вся жизнь проявляется как огромное нагромождение спектаклей. Всё, что раньше переживалось непосредственно, отныне оттеснено в представление.

2

Образы, оторванные от различных аспектов жизни, теперь слились в едином бурлящем потоке, в котором былое единство жизни уже не восстановить. Реальность, рассматриваемая по частям, является нам уже в качестве собственной целостности, в виде особого, самостоятельного псевдомира, который можно лишь созерцать. Все образы окружающего мира собрались в самостоятельной вселенной образов, насквозь пропитанной кичливой ложью. Спектакль вообще, как конкретное отрицание жизни, есть самостоятельное движение неживого.

3

Спектакль одновременно представляет собой и само общество, и часть общества, и инструмент унификации. Как часть общества он явно выступает как центр, притягивающий к себе все взгляды и сознания. Однако уже в силу того, что этот центр является разделённым, он оказывается сосредоточением ложных взглядов и ложного сознания, а достигаемая им унификация — не чем иным, как официальным языком всеобщего разделения.

4

Спектакль — это не совокупность образов, но общественные отношения между людьми, опосредованные образами.

5

Спектакль нельзя понимать ни как искажение видимого мира, ни как продукт технологии массового внедрения образов. Скорее, это мировоззрение, *Weltanschauung*, реализовавшееся в действительности, облекшееся плотью материального. Это видение мира, вдруг ставшее объективным.

6

Во всей своей полноте спектакль есть одновременно и результат, и содержание существующего способа производства. Он не является каким бы то ни было дополнением к реальному миру, надстройкой к нему или декорацией. Это краеугольный камень нереальности реального общества. Во всех своих проявлениях, будь то информация или пропаганда, реклама или непосредственное потребление развлечений, спектакль являет собой модель преобладающего в обществе образа жизни. Спектакль — это повсеместное утверждение выбора, который уже был сделан в производстве, не говоря уже о последующем потреблении. Форма и содержание спектакля служат полным оправданием условий и целей существующей системы. Но спектакль, помимо этого, обуславливает постоянное наличие этого оправдания, ибо он заполняет собой основную часть времени, проживаемого вне рамок производства.

7

Разделение само по себе является частью единства мира, частью совокупности общественной деятельности, расколотой на образ и действительность. Общественная деятельность, перед которой разыгрывается не зависящий от нее спектакль, есть также и реальная целостность, которая содержит в себе спектакль. Но расщепление этой целостности до такой степени калечит ее, что вынуждает представлять спектакль как самоцель. Язык спектакля состоит из знаков, исходящих от производства, в то же самое время являющихся и конечной целью этого производства.

8

Неверно было бы считать, что спектаклю противостоит та кипучая деятельность, что происходит в современном обществе. На самом деле спектакль, извращающий реальность, является продуктом этой деятельности. Переживаемая реальность материально заполняется созерцанием спектакля и при этом впитывает его порядок в себя, одновременно придавая ему позитивное обоснование. Получается, что объективная реальность представлена с обеих сторон: реальность возникает в спектакле, а спектакль — в реальности. Это взаимное разделение и есть сущность и опора существующего общества.

9

Если мир перевернуть с ног на голову, истина в нём станет ложью.

10

Понятие спектакля объединяет в себе и объясняет огромное количество различных явлений. Разнообразие и контрасты являются лишь внешней стороной общественно организованной видимости, которая утверждает себя как нечто истинное и непреложное. Если рассматривать спектакль через призму его собственного о себе мнения, он подтверждает эту видимость, а также подтверждает то, что человеческая, да и социальная жизнь являются всего-навсего простой видимостью. Однако критика, добравшаяся до сути спектакля, разоблачает его как видимую негацию жизни, как отрицание жизни, ставшее видимым.

11

Чтобы описать спектакль, его структуру и функции, а также обнаружить средства, с помощью которых спектакль можно уничтожить, мы должны в уме разложить его на составные части. Анализируя спектакль, мы, в какой-то мере, сами вынуждены разговаривать его языком, тем самым вторгаясь на методологическую территорию того общества, которое и выражает себя в спектакле. Но спектакль есть не что иное, как смысл деятельности определенной социально-экономической формации, ее способ использования времени. Мы находимся под влиянием проживаемого нами исторического момента.

12

Спектакль рассуждает о себе как о чём-то чрезвычайно хорошем, неоспоримом и недостижимом. Он просто заявляет: «всё, что мы видим, — всё прекрасно; и всё прекрасное — перед нами». Отношение, которого спектакль к себе требует, есть в основе своей пассивное приятие; впрочем, он его уже добился, ему никто и не думал возражать — да и как мог возразить, если спектакль обладает монополией на видимость!

13

Источником тавтологического характера спектакля является тот простой факт, что его методы одновременно являются и его целями. Это солнце, которое никогда не заходит над империей современной пассивности. Оно освещает всю поверхность мира и беспечно купается в собственной славе.

14

Общество, основанное на современной промышленности, является зрелищным вовсе не случайно и не поверхностно. Оно фундаментально подчинено спектаклю, является зрелищным в самой своей основе. В спектакле, который является образом господствующей экономики, цель — ничто, развитие — всё. Спектаклю не нужно ничего, кроме самого себя.

15

В качестве необходимого украшения производимых сегодня объектов, в качестве общего подтверждения рациональности системы, в качестве наиболее развитого экономического центра, непосредственно фабрикующего всё возрастающее множество объектов-образов, зрелище, спектакль — это основной продукт производства современного общества.

16

Спектакль подчиняет себе живых людей в той же мере, в какой их уже целиком подчинила себе экономика. Спектакль есть не что иное, как экономика, развивающаяся ради себя самой. Он представляет собой правдивое отражение производства вещей и ложную объективизацию трудящихся.

17

Первая стадия господства экономики над общественной жизнью привнесла в человеческое существование очевидную деградацию понятий «быть» и «иметь». Нынешняя же фаза тотальной оккупации общественной жизни достижениями экономики приводит к следующему обескураживающему искажению: теперь человек уже не имеет, но ему кажется, что он имеет; иначе говоря, фиктивное «обладание» уже не влечёт за собой ни престижа, ни какой-либо иной функции. В то же время всякая индивидуальная реальность начинает регламентироваться общественной, т. е. становится напрямую зависящей от общественной власти. Индивидуальная реальность отныне легко фабрикуется и управляется общественной властью, ей позволяют казаться лишь в той мере, в какой она не является.

18

Там, где реальный мир расщепляется на простые образы, эти простые образы обретают плоть и становятся эффективными мотивациями гипнотического поведения, красочным сном для лунатиков. Спектакль, как тенденция заставлять смотреть на мир с помощью различных специализированных опосредствовании (мир больше не может восприниматься непосредственно), естественным образом выбирает зрение в качестве привилегированного человеческого чувства, которым в предыдущие эпохи было осязание; это самое абстрактное, наиболее подверженное обману чувство вполне соответствует всеобщей абстрактности современного общества. Но спектакль не тождествен простому созерцанию, даже вкупе со слухом. Это нечто избегающее сферы деятельности людей, избегающее переосмысления и исправления трудом. Это нечто противоположенное диалогу. Спектакль воссоздает себя в каждом дискурсе, где прежде ещё оставалась независимая точка зрения.

19

Спектакль унаследовал все слабые места западного философского проекта, который пытался постигнуть деятельность в категориях созерцания, более того, он основан на

всеобъемлющем распространении точной технической рациональности, которая выросла из этого мышления. Спектакль не реализует философию, но философизует реальность. Конкретная жизнь каждого человека деградировала, превратившись в спекулятивную вселенную.

20

Философия — власть отчужденной мысли и мысль отчужденной власти — никогда не сможет в одиночку заменить теологию. Спектакль и есть искомое материальное воссоздание религиозной иллюзии. Много веков назад люди добровольно заключили свои собственные силы и способности в непроницаемые облака религии — технология спектакля не разогнала их, а лишь связала с земной юдолью. Сама земная жизнь таким образом становится непрозрачной и бездыханной. Никто больше не выдумывает рай на небесах, загоняя себя вместо этого в темницы абсолютного отрицания, в свой фальшивый земной рай. Спектакль — это техническая реализация изгнания человеческих сил в преисподнюю; это окончательное разделение внутри самого человека.

21

В той же мере, в какой необходимость является общественной мечтой, мечта становится необходимой. Спектакль — это ночной кошмар закабалённого современного общества, которое если чего и желает — то только спать. Спектакль надёжно охраняет этот сон.

22

Тот факт, что практическая мощь современного общества оторвалась от самого общества и выстроила независимую империю в лице спектакля, объясняется исключительно тем, что этой мощи все еще не доставало целостности, и она оставалась в противоречии с собой.

23

В основе спектакля лежит самая древняя общественная специализация — специализация власти. Таким образом, спектакль — это специализированная деятельность, которая говорит за всё остальное. Это крайне дипломатичный и вежливый отзыв об иерархическом обществе, исходящий от самого этого общества, причём иные точки зрения внутри него строго запрещены. Как мы видим, и здесь самое современное одновременно является самым архаичным.

24

Спектакль — это непрерывное рассуждение, ода существующего порядка о самом себе, его хвалебный монолог. Это автопортрет власти в эпоху тоталитарного управления условиями существования. Фетишистское, чисто объективное представление отношений внутри общества спектакля нагло скрывает тот факт, что они на самом деле являются отношениями между людьми и классами: такое впечатление, что вторая природа с ее неизбежными законами подчинила себе наш мир. Но спектакль не есть необходимый

продукт технического развития, рассматриваемого, конечно, как естественное развитие. Напротив, общество спектакля — это форма, которая сама выбирает свое техническое содержание. Рассмотрим спектакль в узком смысле «средств массовой информации». Mass media являются наиболее ярким и поверхностным проявлением спектакля. На первый взгляд, СМИ вторглись в жизнь как простое оборудование для мгновенной коммуникации, очередное удобство — однако это новшество обернулось настоящим Троянским конём, со своими эгоистическими целями и помыслами о саморазвитии. Если уж так вышло, что общественные нужды эпохи, в которую развивается подобная техника, могут быть удовлетворены лишь при помощи этой техники; если управление данным обществом и контакты между людьми больше не могут осуществляться иначе, как посредством мгновенной коммуникации, то это только потому, что «коммуникации» по сути своей стали односторонними. Концентрация «коммуникаций» есть, таким образом, накопление в руках власть предержащих существующей системы средств, которые позволяют им продолжать навязывать свой диктат. Всеобщее расслоение, создаваемое спектаклем, неотделимо от современного государства, т. е. от общественного расслоения, вызываемого разделением труда и прочих орудий классового господства.

25

Разделение — это альфа и омега спектакля. Когда взору исследователей впервые открылось разделение труда и классовая структура общества — тогда-то мы наконец и увидели тот таинственный порядок, мифический строй, в который власть облакала себя изначально. В прошлом категория «священного» оправдывала космический и онтологический порядок, который отвечал интересам господ; она показывала и приукрашивала то, что обществу было запрещено. Поэтому власть как сфера разделения всегда имела зрелищный аспект. Однако всеобщее преклонение перед застывшими религиозными образами означало лишь признание за бедными права на воображаемое продолжение реальной жизни, иллюзорную компенсацию за нищету, которая по-прежнему маячила перед глазами угнетённых классов. Спектакль, напротив, указывает на то, что обществу разрешено, однако разрешённое абсолютно противоположно возможному. В рамках спектакля всё дозволено, но ничего не возможно. Спектакль допускает лишь бессознательную реакцию на практическое изменение условий существования. Спектакль является продуктом самого себя, самоцелью, эта самовоспроизводящаяся структура диктует собственные правила: спектакль это псевдосакральная сущность. Он и не скрывает того, чем является: разделяющей властью, которая развивается сама по себе благодаря постоянно расширяющемуся рынку, благодаря росту производительности, который, в свою очередь, достигается все большей специализацией в разделении труда — отныне труд заменён монотонными механическими движениями сборщика на конвейере. Любое течение, не согласное с таким положением дел, любое критическое сознание уничтожаются тяжёлой, победоносной поступью спектакля. Впрочем, грандиозные силы, выпущенные на волю разделением, всё ещё не нашли возможности объединиться.

26

Всеобщее отчуждение трудящихся от продуктов их деятельности означает также конец непринуждённого общения между трудящимися об объекте их деятельности. По мере того,

как происходит дальнейшее накопление отчужденных продуктов, по мере нагнетания производственного процесса, права на общность и общение становятся эксклюзивным достоянием управленцев системы. Результатом реализации экономической системы, основанной на отчуждении, является пролетаризация мира.

27

По причине успеха отчужденной системы производства, чьим продуктом является отчуждение как таковое, фундаментальная область опыта, которая на ранних ступенях развития человеческого общества ассоциировалась с деятельностью человека, теперь медленно переходит в сферу не-работы, бездеятельности. Но эта бездеятельность ни в коем случае не означает свободу от производственной деятельности: она зависит от производственной деятельности и находится в тяжёлой, рабской зависимости от нужд и результатов производства; она сама есть продукт рационализации производства. Не может быть свободы вне деятельности, вне труда, поэтому в рамках спектакля труд медленно, но верно подпадает под запрет, — это естественный результат того, что всякая деятельность отныне подчинена единственной цели, а именно созданию спектакля. Поэтому то, что сейчас называют «освобождением от труда», то есть увеличение свободного времени, досуга, не является ни освобождением в рамках самого труда, ни освобождением от мира, созданного этим трудом. Никакая деятельность, похищенная из труда, не может окупиться его результатами.

28

Экономическая система, основанная на изоляции, состоит в циклическом производстве изоляции. Изоляция служит основанием для технического прогресса, и технический прогресс, в свою очередь, также приводит к изоляции. От автомобиля до телевизора — все товары, выбираемые по указке спектакля, одновременно являются орудиями постоянного навязывания условий изоляции «одиноким толпам». Спектакль раз за разом, с возрастающей настойчивостью и упорством, воспроизводит собственные предпосылки.

29

Вместе с возникновением спектакля утрачивается былое единство мира, а массовое распространение спектакля превосходно демонстрирует, насколько ужасной была эта потеря: абстрагирование всякого частного труда, да и всего производства в целом, находит своё идеальное выражение в спектакле, для которого формой конкретного существования как раз является абстракция. В спектакле одна крошечная часть мира хочет выдать себя за весь мир в целом, она даже считает себя лучше и полноценней этого мира. Спектакль есть не что иное, как обыденный язык этого разделения. Зрителей ничто не связывает друг с другом, кроме спектакля — завораживающего центра, стягивающего к себе все взгляды и сознания, и, тем самым, поддерживающего изоляцию зрителей друг от друга. Спектакль объединяет отдельные части, но объединяет их именно как отдельные.

30

Отчуждение зрителя и подчинение его созерцаемому объекту (который является продуктом собственной бессознательной деятельности зрителя) выражается следующим образом: чем больше он созерцает, тем меньше он живет; чем с большей готовностью он узнает свои собственные потребности в тех образах, которые предлагает ему господствующая система, тем меньше он осознаёт своё собственное существование и свои собственные желания. Влияние спектакля на действующий субъект выражается в том, что поступки субъекта отныне не являются его собственными, но принадлежат тому, кто их ему предлагает. Вот почему зритель нигде не чувствует себя дома: вокруг него сплошной спектакль.

31

Рабочий представляет не самого себя, но независимую от себя рабочую силу. На его силе и зиждется производство вместе с его изобилием, однако результат труда возвращается к рабочему лишь в виде изобилия лишений. Вместе с потреблением отчуждённых ранее продуктов, всё время и пространство данного мира становятся ему чуждыми. Отныне он попадает в новый мир, чья территория точно очерчена спектаклем. Те самые силы, которые уже покинули нас, теперь предстают перед нами во всей своей красе и величии.

32

Функция спектакля в обществе заключается в постоянном производстве отчуждения. Экономический рост соответствует, в основном, расширению именно этого сектора промышленного производства. Если что-то и растёт само по себе, параллельно с ростом экономики, то это лишь то самое отчуждение, которое является её первоначалом.

33

Человек, отчужденный от продукта своего труда, тем не менее, добровольно и упорно продолжает производить фрагменты окружающего мира, вкладывая в этот процесс всё больше своих сил, и в результате оказывается ещё более отчужденным от этого мира. Чем больше его собственная жизнь является продуктом его собственного труда, тем больше он отчужден от своей жизни.

34

Спектакль — это капитал, находящийся на такой стадии накопления, когда он превращается в образ самого себя.

ГЛАВА II. Товар как спектакль

“ «Товар раскрывает перед нами свою подлинную сущность, когда становится универсальной категорией всего общества. Только в этом контексте овеществление, порождённое товарными отношениями, начинает влиять как на объективную эволюцию общества, так и на позицию человека по отношению к этому развитию. Лишь затем товар становится решающим фактором для покорения человеческого сознания и сведения его к формам, в которых это овеществление уже выражено.... По мере механизации и рационализации труда отсутствие воли у человека приводит к тому, что его деятельность становится всё менее и менее деятельной, но зато всё более и более созерцательной.»

Д. Лукач «История и классовое сознание»

35

Сущность развития спектакля заключается в том, что он перехватывает и заставляет застыть всё, что ранее в человеческой деятельности пребывало в текучем состоянии. Эти застывшие формы посредством отрицательной переформулировки жизненных ценностей обретают невиданный спрос — и здесь мы снова встречаемся со старым врагом — товаром, который так легко умеет выдавать себя за нечто простое и само собой разумеющееся, тогда как на самом деле он имеет очень сложную структуру и полон метафизических тонкостей.

36

То, что в обществе выражается господством «вещей скорее сверхчувственных, чем чувственных», называется принципом товарного фетишизма. Этот принцип безоговорочно выполняется в обществе спектакля, где чувственный мир заменён существующей над ним надстройкой из образов, которая заявляет себя как чувственное *par excellence*.

37

Мир, демонстрируемый спектаклем, существует и не существует одновременно. Он является миром товара, который господствует надо всем чувственно и непосредственно переживаемым. Его мы ощущаем по воздействию на человека: он способствует не только отдалению людей друг от друга, но и отчуждению произведённого ими продукта.

38

Утрата качества очевидна на всех уровнях языка спектакля: от объектов, которые он восхваляет, до поведения, которое он предписывает. Этот язык лишь передаёт указания реального производства, которому, впрочем, нет дела до самой реальности: оно создаёт товар, а товар имеет лишь количественную оценку. Производство делает упор лишь на количество и может развиваться лишь в рамках количества.

39

Развитие, исключившее из себя критерий качества, само претерпевает качественное изменение: спектакль указывает на то, что оно перешло порог собственной избыточности. Пока это верно лишь для некоторых областей производства, однако во всемирном масштабе эта тенденция уже восторжествовала. Ведь товарные отношения существуют именно во всемирном масштабе, что подтверждается на практике: воссоединение Земли произошло под эгидой мирового рынка.

40

Развитие производственных сил являлось реальной бессознательной историей, в рамках которой сперва были созданы первоначальные условия существования и выживания человеческих сообществ, а потом — расширены рамки этих условий, ибо они являлись экономическим основанием всех их предприятий. В экономике первобытных сообществ товарный сектор появился как избыток предметов, которые не были нужны для выживания. Товарное производство, предполагающее обмен разнообразными продуктами между независимыми производителями, еще долго могло бы оставаться ремесленным и выполнять лишь незначительную экономическую функцию, тем самым, маскируя свою чисто количественную суть. Однако там, где возникли благоприятные социальные условия для обширной торговли и накопления капитала, там товарное производство захватило полное господство над экономикой. В результате вся экономика превратилась в то, чем является товарное производство, — в процесс количественного развития. Это непрекращающееся развертывание экономической мощи в форме товара, превратившее человеческий труд в товар, в наемный труд, постепенно приводит к избытку товаров, при котором первоначальный вопрос о выживании уже кажется решенным — однако на деле он оказывается ещё более актуальным и важным. Экономический рост освобождает общество от давления природной среды, требовавшего от него непосредственной борьбы за выживание, но теперь общество оказывается зависимым от своего освободителя. Статус независимости товара распространился на всю свою сферу его господства — на экономическую систему. Экономика преобразует мир, но преобразует его только в мир экономики. Та псевдоприрода, в какую был отчужден труд человека, требует, чтобы её обслуживали вечно. Это обслуживание само себя ценит и оправдывает, при этом все официальные общественные проекты и силы направлены единственно на него. Избыток товаров, точнее, товарных отношений, отныне превращается в прибавочную стоимость выживания.

41

Когда товар достаточно незаметно утвердил своё безраздельное господство в экономике, сама экономика всё ещё оставалась не воспринятой и не понятой как материальная база общественной жизни: настолько она казалась всем обыденной и до конца разгаданной. В обществе, где конкретный товар встречается редко или утрачивает первостепенное значение, явно господствующей силой становятся деньги, которые выступают посланником от имени той же могущественной и неведомой силы. Одновременно с промышленной революцией, мануфактурным разделением труда и массовым производством, ориентированным на мировой рынок, товар проявляется как сила, готовая оккупировать всю общественную жизнь. Именно тогда политическая экономия становится господствующей наукой и наукой о господстве.

42

Спектакль — это стадия, на которой товару уже удалось добиться полной оккупации общественной жизни. Оказывается видимым не просто наше отношение к товару — теперь мы только его и видим: видимый нами мир — это мир товара. Современное экономическое производство распространяет свою диктатуру и вширь, и вглубь. Даже в тех уголках планеты, которые ещё не были затронуты индустриализацией, его царство ощущается через наличие нескольких товаров-звёзд и империалистического господства стран, лидирующих в развитии производства. В передовых странах общественное пространство заполнено целыми геологическими пластами товаров. На данном этапе «второй индустриальной революции» отчуждённое потребление становится новой обязанностью масс, дополнительно к отчуждённому производству. Весь без исключения проданный труд общества повсеместно превращается в тотальный товар, циклическое воспроизводство которого и является самоцелью. Для этого воспроизводства требуется, чтобы такой тотальный товар частично возвращался частному индивиду, абсолютно отделённому от производственных сил, действующих как единая, целостная система. Следовательно, с этого момента специализированная наука о власти должна, в свою очередь, специализироваться — и она дробится на социологию, психотехнику, кибернетику, семиотику и т. д., поддерживая при этом саморегуляцию на всех этих уровнях.

43

Если на ранней стадии капиталистического накопления «политическая экономия видела в пролетарии лишь рабочего», который должен был получать лишь необходимый минимум для поддержания своей рабочей силы, и ни в коем случае не нуждавшегося в «досуге и человеческом облике», то теперь эта идейная позиция господствующего класса изменилась, так как производство товаров достигает такого уровня избыточности, который требует от рабочего избытка соучастия. Этот рабочий, внезапно отмытый от тотального презрения, на что ему недвусмысленно указывают способы организации производственного процесса и контроля, вдруг находит своё «я» вне производства. Он ежедневно обнаруживает, что в сфере потребления с ним обращаются с потрясающей вежливостью, почти как с барином. Впрочем, товарный гуманизм берёт под свою заботу «досуг и человеческий облик»

трудящегося просто потому, что политическая экономия сегодня может и должна господствовать над этими сферами именно как политическая экономия. Таким образом, «всеобщее отрицание человека» берет под свой контроль всю полноту человеческого существования.

44

Спектакль — это непрерывная опиумная война, которая ведётся с целью уничтожить даже в мыслях людей различия между товарами и жизненными ценностями, между развлечениями и выживанием. Конечно! Понятие «выживания» становится всё шире, туда включается даже то, что ранее считалось неуёмной роскошью. Но если потребление выживания должно постоянно возрастать, то это значит, что оно обязано продолжать содержать в себе лишение. Выживание постоянно дорожает, и нет предела росту его потребления — это происходит потому, что нет такого «лишения», которое не могло бы быть удовлетворено: это «лишение» будет просто более дорогим, нежели предыдущее.

45

Автоматизация, которая представляет собой одновременно и самый развитой сектор современной индустрии, и экономическую модель, которая превосходно воплощает её деятельность, приводит мир товара к следующему противоречию: техническое совершенствование, явно способное заменить человеческий труд, одновременно должно сохранить и труд как товар, и труд как единственный источник возникновения товара. Для того чтобы автоматика или любая другая, менее радикальная форма, повышения производительности труда, не уменьшала времени, затрачиваемого обществом на какой-либо труд, следует создавать новые рабочие места. С этой задачей прекрасно справляется сектор услуг, так называемый, третичный сектор. Он представляет собой целую армию людей, занятых в распределении и восхвалении современных товаров; именно на создание и удовлетворение этих искусственных потребностей мобилизуются все, кто не занят в реальном производстве товаров.

46

Меновая стоимость могла сформироваться лишь как выражение потребительной стоимости, однако ее самостоятельная победа создала условия для своего безоговорочного господства. Мобилизуя всё человеческое потребление и захватывая монополию на его удовлетворение, она дошла до того, чтобы управлять потребностями. Процесс обмена отождествился с любыми возможными потребностями и низвел их до зависимости от себя. Меновая стоимость — это *condottiere* потребительной стоимости, она покупает победу в борьбе за управление потреблением.

47

По причине постоянного снижения себестоимости производства в капиталистической экономике становится характерной тенденция к непрерывному снижению потребительной стоимости. От этого внутри понятия «выживания» возникают всё новые и новые «лишения»,

и ради их удовлетворения большинство людей вынуждены идти в наёмные рабочие: ведь эти «лишения» прежде всего ассоциируются с нищетой. Именно поэтому у рабочего нет выбора: ему остаётся либо восполнить «лишение», либо умереть. Это самый настоящий шантаж: отныне иллюзии превращаются в самый ходовой товар, а потребление в самой минимальной и бедной его форме (питание, жильё) теперь является лишь каплей в иллюзорном море подорожавшего выживания. Отныне потребитель начинает потреблять иллюзии. Товар — это реально существующая иллюзия, а спектакль — манифестация этой иллюзии.

48

В поставленной с ног на голову вселенной спектакля потребительная стоимость, которая раньше имплицитно содержалась в меновой стоимости и была скрыта от посторонних глаз, теперь вынуждена эксплицитоваться, выйти на свет. Это происходит потому, что её подлинная сущность подтачивается сверхразвитой товарной экономикой, потому что псевдожизни теперь требуется некое псевдооправдание.

49

Спектакль является новой личиной денег, которые, как известно, являются всеобщим абстрактным эквивалентом всех товаров. Деньги подчинили себе общество, играя роль главного эквивалента и меры: с их помощью можно оценить различные товары, которые нельзя сравнить исходя из их полезности. Спектакль — это современное дополнение к деньгам: с его помощью можно оценить сразу весь мир товара. Спектакль является мерой всех общественных потребностей. Спектакль — это деньги, на которые мы можем лишь любоваться, ибо в нём всё, что можно было потребить, уже заменено абстрактным представлением. Спектакль не просто слуга псевдопотребления, он уже сам по себе есть псевдопотребление жизни.

50

В эпоху экономического изобилия сосредоточенный результат общественного труда становится видимым и подчиняет всю реальность этой видимости, которая отныне является главным продуктом этого труда. Капитал более не является скрытым центром, управляющим способом производства — процесс его накопления теперь происходит даже на самых далёких земных окраинах, причём это накопление начинает медленно но верно принимать видимую форму. Экспансия «цивилизованного общества» — ясное тому подтверждение.

51

Торжество автономной, самодостаточной экономики неминуемо обернётся её последующей гибелью. Выпущенная, точно джинн из бутылки, она уничтожает один жизненно важный элемент, который раньше служил незыблемой основой всех прежних обществ — экономическую необходимость. Когда эта необходимость подменяется гедонистической жадой бесконечного экономического роста, удовлетворение основных человеческих

потребностей превращается в непрерывное создание новых псевдопотребностей, которые, в свою очередь, служат единственной цели — торжеству самодостаточной экономики. Впрочем, нужда в автономной экономике постепенно перестаёт быть фундаментальной потребностью человеческого общества — это осознаётся по мере того, как она исчезает из общественного бессознательного, которое, само о том не подозревая, от неё зависело. «Всё сознательное рано или поздно изнашивается. Бессознательное — остаётся неизменным. Но чуть стоит ему высвободиться, не превратится ли и оно, в свою очередь, в руины?» (Фрейд).

52

В тот момент, когда общество вдруг понимает, что оно зависит от экономики, на самом деле уже экономика находится в зависимости от общества. Вся эта монструозная сила, которая постоянно возрастала до тех пор, пока не добилась абсолютного господства над миром, по мере своего высвобождения теряет всё своё могущество и власть. То, что ранее было экономическим Оно, теперь должно стать Я. Но как будет выглядеть этот новый субъект? Предпосылки к этому могут возникнуть только из общества, точнее, из борьбы, ведущейся в обществе. Его возможный вид целиком зависит от исхода классовой борьбы, которая является как продуктом, так и создателем экономического основания истории.

53

Имеем ли мы право осознавать наши желания, даже более того, обладать сознанием!? — вот что стоит на кону современной классовой борьбы. У неё может быть только два исхода: в одном случае, нас ожидает уничтожение классов, мир, где трудящиеся смогут контролировать все сферы своей собственной деятельности. В другом... общество спектакля, в котором товар созерцает сам себя в им же созданном мире.

ГЛАВА III. Единство и разделение видимости

“ «По всей стране на философском фронте разворачивается новая оживленная полемика по поводу концепций „одного, разделяющегося на два“, и „двух, сливающихся в одно“. Этот спор олицетворяет собой борьбу тех, кто за и кто против материалистической диалектики, между двумя концепциями окружающего мира: пролетарской и буржуазной. Те, кто утверждают, что „одно разделяется на два“ — фундаментальный закон всех вещей, придерживаются материалистической диалектики, а утверждающие, что основной закон вещей в том, что „два сливаются в одно“ — против материалистической диалектики. Две эти стороны прочертили между собой четкую демаркационную линию, и их аргументы диаметрально противоположены. Эта полемика отражает на идеологическом уровне острую и сложную классовую борьбу, которая разворачивается в Китае и во всем мире».

«Красное знамя» (Пекин), 21 сентября 1964

54

Подобно всему современному обществу, спектакль един и разобщён одновременно. Как и общество, спектакль надстраивает своё единство именно там, где этого единства быть не может. Однако спектакль опровергает это противоречие, переиначивая его смысл на противоположный: оказывается, что видимый раскол являет собой незыблемое единство, тогда как на самом деле всякое подобное единство зыбко и представляет собой явный раскол.

55

Факт того, что и в мировом масштабе, и в рамках каждой отдельно взятой страны кипит борьба различных сил за контроль над социально-экономической системой, является видимым опровержением официальной концепции единого мира.

56

Театрализованная, показательная борьба соперничающих форм разделённой власти имеет под собой вполне реальную подоплёку, так как она указывает на дисбаланс и конфликты в развитии всей системы, на противоречия между классами и подклассами, которые признают

систему и хотят получить свою долю власти. Так же, как развитие стран с передовой экономикой протекает при постоянных столкновениях различных приоритетов, так и тоталитарное управление экономикой со стороны государственной бюрократии не уничтожает разногласий, касающихся способов производства и распределения властных полномочий; то же самое относится и к странам, пребывающим в колониальной или полуколониальной зависимости. Спектакль включает в себя эти экономические противоречия и трактует их как явления абсолютно разных типов общества. Однако за такой дифференциацией можно увидеть фундаментальную закономерность: все эти различные формы управления экономикой объединены в общую систему, в согласованное движение, подчинившее себе весь мир, — все они являются формами капитализма.

57

Общество носитель спектакля господствует над слаборазвитыми регионами не только с помощью экономической гегемонии, но в качестве общества спектакля. Современное общество в облике спектакля захватило уже все континенты; спектакль раскинул свои тенёта даже там, где ещё отсутствует должная материальная база. Общество спектакля диктует программу правящему классу и участвует в его формировании. Подобно тому, как оно предоставляет псевдоблага для их вождения, оно предлагает местным революционерам фальшивые модели революции. Спектакль с бюрократической моделью власти, довлеющий над некоторыми индустриальными странами, на самом деле, является неотъемлемой частью всемирного спектакля, одновременно его псевдоотрицанием и опорой. В любом случае спектакль для каждого общества по-своему определяет тоталитарные задачи для аппарата коммуникации и администрирования; однако эти задачи на уровне глобального функционирования системы участвуют в мировом разделении задач спектакля.

58

Разделение задач спектакля сохраняет общую структуру существующего порядка и, что особенно важно, его доминирующий полюс развития. Спектакль возникает на почве избыточной экономики, и именно из неё вызревают плоды, призванные установить гегемонию на мировом рынке спектакля, невзирая на идеологические и полицейские протекционистские барьеры любого локального спектакля, претендующего на автократию.

59

Спектакль представляет собой плотную ширму видимого разнообразия и изобилия, но если заглянуть за неё, можно убедиться, что в мире господствует банальность. Благодаря высокоразвитому товарному производству, во много раз увеличился выбор социальных ролей и объектов потребления. Пережитки религии и семьи остаются для человека главной формой наследования классового и социального статуса, но, несмотря на всё то моральное давление и угнетение, что они оказывают, эти пережитки входят в понятие наслаждения этим миром, этой жизнью. Иначе говоря, этот мир есть не что иное, как гнетущее псевдонаслаждение. Аналогично с блаженным приятием действительности может хорошо сочетаться показной бунт — и этим выражается то, что даже неудовольствие превратилось

в некий товар, чуть только промышленность освоила его производство.

60

Знаменитость является не живым человеком, но его ряженым образом, репрезентацией в рамках спектакля. Его имидж целиком зависит от текущей роли, тем самым, собой он выражает исключительно банальность. Удел звезды — мнимое проживание жизни; люди ассоциируют себя со звездой, чтобы хоть как-то компенсировать этим убогость окружающего мира, своей жизни; хоть на миг, пока идёт кино, отвлечься от монотонного конвейерного труда. Знаменитости для того и созданы, чтобы обладать своим стилем жизни, они могут свободно выражать свой взгляд на мир; всего этого лишены те, кто может лишь ассоциировать себя со звездой. Знаменитости воплощают результат общественного труда, к которому не может прикоснуться рабочий. Звёзды имитируют побочные продукты этого труда: они правят и развлекаются, принимают решения и потребляют — всё это представляет собой одностороннюю коммуникацию, глумление над трудящимся, который может лишь издали наблюдать за пиршеством на звёздном Олимпе. Бывает, что государственная власть персонифицируется в виде псевдозвезды, а иногда и звезда потребления через плебисцит наделяется псевдовластью. Но все действия и поступки знаменитостей являются лишь ролевыми, они не свободны, а значит — банальны.

61

Действующее лицо спектакля, выставленное на сцену в качестве звезды, является противоположностью индивида, его врагом, как сам по себе, так и во всех, кто ему уподобляется. Войдя в спектакль как объект для подражания, он отказывается от всех своих индивидуальных черт ради того, чтобы отождествить себя с общим законом подчинения существующему порядку. Звезда потребления занимается непосредственной репрезентацией различных типов личности и недвусмысленно указывает на то, что каждый из тех типов в равной степени обладает доступом ко всей полноте потребления и равным образом обретает в ней счастье. А волевая знаменитость должна обладать полным набором тех качеств, которые принято называть человеческими достоинствами. Итак, все видимые различия между ними теряют значение перед тем фактом, что все их типажи построены на общей безупречности и превосходстве во всех сферах жизни. Хрущёв стал генералом, чтобы командовать войсками во время Курской битвы, но не на самом поле боя, а на её двадцатую годовщину, будучи тогда уже главой государства. Кеннеди оставался оратором даже тогда, когда над его могилой произносили надгробную речь, ибо Теодор Соренсен продолжал писать речи его преемнику в том же стиле, с которым ассоциировался покойный. Все эти замечательные люди, олицетворяющие собой систему, становятся известными не потому, что остались сами собой, а как раз наоборот, потому что убили в себе всякую индивидуальность, опустили ниже действительности самой ничтожнейшей индивидуальной жизни, и это ни для кого не секрет.

62

Иллюзорный выбор в показном изобилии позволяет нам также выбирать и между спектаклями: они тоже могут конкурировать между собой или, наоборот, союзничать.

Однако главная сущность этого выбора заключена в том, что нам позволено играть одну из многих предложенных спектаклем ролей (путём потребления вещей, которые ей сопутствуют). Все эти роли одновременно взаимно исключают друг друга и пересекаются, оживляя тем самым потешную борьбу воображаемых качеств; однако всё это показное многообразие создано лишь для того, чтобы добиться ещё большего подчинения и количественной заурядности. Поэтому сейчас и происходит возрождение различных архаических оппозиций регионального или расового толка, они призваны возвысить вульгарные иерархические ограничения в потреблении до фантастических высот онтологического превосходства. Таким же образом происходит реставрация различных соревнований — от спорта до выборов; происходящая в них конфронтация смехотворна, однако они привлекают к себе значительный полуигровой интерес. Везде, где появляется избыточное потребление, главное противостояние происходит между молодёжью и взрослыми, и оно также превращается в фальшивую конфронтацию двух ролей: ибо уже нигде не существует взрослого — хозяина собственной жизни, и молодёжи — стремящейся к переменам и преобразованию мира. К преобразованию мира стремится сейчас только экономическая система, ведь динамизм — одно из основных свойств капитализма. Отныне только вещи могут править в этом мире, быть молодыми, соревноваться и вытеснять друг друга.

63

Все, кто занят показной борьбой в рамках спектакля, объединены нищетой. За маской тотального потребления могут скрываться различные формы одного и того же отчуждения, все они построены на зыбком грунте реальных противоречий. Спектакль может существовать либо в концентрированной, либо в распылённой форме, в зависимости от того, какой уровень нищеты он желает сохранить. И в том и в другом случае спектакль — это лишь образ однообразной, но долгой и счастливой жизни, укрывшейся в норке нищеты от ужаса и скорби.

64

Концентрированный спектакль, как технология государственной власти, присущ бюрократическому капитализму, хотя он может быть использован и в странах со смешанной экономикой, а иногда во время кризисов, и в странах развитого капитализма. Мы называем бюрократическую собственность концентрированной в том смысле, что каждый отдельный бюрократ связан с экономической властью лишь посредством бюрократического сообщества и только как член этого сообщества. Более того, товарное производство, слабо развитое при бюрократическом капитализме, также концентрируется в руках бюрократии, которая контролирует весь общественный труд и продаёт обратно обществу лишь самый минимум, достаточный для выживания. Диктатура бюрократической экономики не предоставляет эксплуатируемым массам значительной свободы самовыражения, она обладает монополией на любой выбор и довольно болезненно относится к любому выбору, сделанному не по её воле, даже если он касается еды или музыки, система считает его призывом к уничтожению бюрократии и решительно пресекает. Подобная диктатура отличается насильственными методами воздействия. Навязываемый в концентрированном спектакле образ блага являет собой официально признанную действительность и, как правило, олицетворяется одним

человеком — гарантом тоталитарной сплочённости общества. Каждый должен магически отождествить себя с этой абсолютной знаменитостью или исчезнуть. Эта знаменитость является не неким абсолютом потребления, но образом героя, который оправдывает своим существованием абсолют эксплуатации, который представляет собой лишь ускоренное террором первоначальное накопление капитала. Если каждый китаец должен учиться у Мао и таким образом быть Мао, так это только потому, что ему больше быть нечем. Там, где господствует концентрированный спектакль, также господствует полиция.

65

Распылённый спектакль сопровождает изобилие товаров и безмятежное развитие современного капитализма. Здесь каждый отдельно взятый товар оправдывает размах производства, а спектакль является апологетическим перечнем всех произведённых товаров. Здесь тон задаёт избыточная экономика. Различные товары-звёзды одновременно отстаивают свои противоречащие друг другу проекты общественного благоустройства: автомобильный спектакль требует для себя хорошую транспортную сеть, которая невольно уничтожит старые города, тогда как спектакль самого города ратует за сохранение памятников старины. Поэтому какое бы то ни было счастье уже становится проблематичным, ибо требует потребления всего. А так как потребитель может дотронуться лишь до малой части всего товарного благоденствия, то и всякое счастье в товаре оказывается недостижимым.

66

Каждый товар сражается только за себя, не признаёт другие товары и навязывает себя повсюду так, будто, кроме него, ничего не существует. Таким образом, спектакль — это эпическое воспевание борьбы между товарами, бесконечной борьбы, в которой ни один товар не возьмёт приступом Трою и не добьётся гегемонии. Спектакль славословит не людей и их оружие, а товары и их войны. В этой слепой борьбе каждый конкретный товар, влекомый желанием победить все остальные, бессознательно добивается большего: отныне товар становится миром, что одновременно означает то, что сам мир становится товаром. В этом и заключается хитрость товарного разума: пока индивидуальные черты товара изнашиваются и стираются в этой борьбе, общая товарная форма движется к своей абсолютной, всеобщей реализации.

67

Несмотря ни на все уловки системы, сегодня мало кого удовлетворяет просто потребление избыточного товара. Однако признание было необходимо, и потому обществу была навязана ценность товара как такового. Потребление товаров становится самодостаточным; потребитель исполнен религиозного благоговения по отношению к полновластной свободе товара. Волны энтузиазма по поводу того или иного продукта молниеносно разносятся и поддерживаются средствами массовой информации. Стиль одежды приходит из фильма, журналы создают имя ночным клубам, которые вводят в обиход всякие причудливые наряды. Здесь возникает феномен забавных безделушек, gadgets: в тот момент, когда товарная масса начинает стремиться к необычности, отклонению от нормы, само

отклонение становится особым товаром. Мы можем распознать даже некую мистическую преданность к трансцендентности товара: как пример можно привести рекламные брелоки, которые обычно прилагаются к дорогим покупкам; их начинают коллекционировать, в среде коллекционеров ими обмениваются. Эти брелоки специально производятся для того, чтобы их собирали, поэтому тот, кто их коллекционирует, накапливает товарные индульгенции — знак преданности, обозначающий реальное присутствие товара среди его верных сторонников. Так овеществлённый человек выставляет напоказ своё доказательство интимной связи с товаром. Товарный фетишизм доводит людей до состояния нервной лихорадки, чем мало отличается от религиозного фетишизма былых времён: такой же экстаз, конвульсии и восторг чудом исцелённых. И здесь потребляется только подчинение.

68

Ясно, что подлинная, аутентичная потребность не сможет соперничать с псевдопотребностями, навязанными современным обществом; ни одно подлинное желание, не сфабрикованное обществом и его историей, не может возникнуть в умах обывателей. Избыточность товара выступает как абсолютный разрыв в органическом развитии общественных потребностей. Его механическое накопление высвобождает нечто безгранично искусственное, перед которым всякое живое желание становится беспомощным. Совокупная мощь безгранично искусственного повсеместно влечёт за собой фальсификацию общественной жизни.

69

В обществе, счастливо унифицированном с помощью потребления, социальное неравенство лишь сглаживается до следующей неудовлетворённости в потреблении. Появление каждого нового продукта расценивается как решающее открытие, олицетворяющее надежду на скорое достижение обетованной земли полного потребления. Существует ведь мода на аристократические имена: иногда одним и тем же именем названы почти все лица одного поколения. Так и здесь: предмет, от которого все ждут чего-то невероятного, может стать объектом массового обожания, но только если он выпущен достаточно большим тиражом, чтобы стать широко потреблённым. Продукт становится престижным лишь тогда, когда его помещают в центр общественной жизни, нарекая конечной целью всего производства и развития. Но предмет, столь разрекламированный спектаклем, становится пошлым и ненужным, чуть только покупатель принесёт его домой из магазина и развернёт упаковку. Продукт слишком поздно открывает покупателю своё убожество, естественно наследуемое им от ничтожности своего производства. Но в этот момент уже новый предмет появится на прилавках и станет требовать признания и внимания к себе, новый предмет будет служить оправданием системы.

70

Покупая новый товар, человек на короткий срок впадает в иллюзию счастья. Эта иллюзия должна со временем разоблачить себя, замещаясь новой иллюзией: появится новый продукт, изменятся условия в производстве. Как в концентрированном, так и в распылённом спектакле, то, что ещё совсем недавно бесстыдно утверждало своё совершенство,

закономерно выходит из обихода — лишь система остаётся неизменной. Так Сталина, словно вышедший из моды пиджак, после смерти охаивали ближайšie его сподвижники и прихлебатели. Каждая новая ложь рекламы — это также признание ее предыдущей лжи. Каждый раз, когда рушится очередной культ личности, оказывается, что вся общественная симфония была лишь иллюзией, и все те толпы, что единодушно славил и одобряли вождя, на деле были лишь скоплением не питающих никаких иллюзий, замкнутых одиночек.

71

То, что спектакль обозначает как вечное, основано на изменении и должно изменяться вместе с основанием. Спектакль абсолютно догматичен, но в то же время, не может установить никакой жесткой догмы. Спектакль — крайне подвижная и динамичная структура, движение является для него естественным состоянием, хотя оно и противоречит его собственным устремлениям.

72

Спектакль провозглашает видимое единство, однако классовое разделение никуда не исчезает, да и как оно может исчезнуть, когда на нём основывается капиталистический способ производства! То, что обязывает трудящихся участвовать в построении мира, также и отчуждает их от этого мира. То, что связывает людей независимо от их локальных и национальных различий, одновременно и отдаляет их друг от друга. То, что призывает к торжеству рационального, на деле содействует иррациональности иерархической эксплуатации и подавлению. То, на чём основывается власть в обществе, обуславливает и его конкретную несвободу.

ГЛАВА IV. Пролетариат как субъект и представление

“ «Одинаковые для всех права на пользование благами и удобствами этого мира, развенчание всех авторитетов, отрицание любых моральных ограничений — вот под какими лозунгами произошло восстание 18 марта, и именно эти лозунги привели к союзу крамольных организаций, обеспечивших его армией сторонников».

Парламентское расследование о восстании 18 марта

73

С тех пор как буржуазия захватила рычаги управления экономикой, в обществе возникла новая сила, способная воздействовать на условия существования общества. После политического оформления победы буржуазии действие этой силы можно увидеть воочию. Развитие производительных сил разрушает отжившие производственные отношения и «пускает в пляс любые окаменелые порядки», самонадеянно встающие у него на пути. Всё то, что некогда считалось абсолютным, отныне становится достоянием истории.

74

С того самого момента, когда человек оказался вовлечённым в исторический процесс и был вынужден трудиться и сражаться ради этого процесса, он обнаруживает, что обязан чётко осознавать своё место в мире и разбираться в общественных отношениях. История не имеет иного объекта, кроме её непосредственного участника, хотя бессознательное, метафизическое восприятие текущей исторической эпохи и склонно видеть в качестве главного объекта истории развитие производства. Субъектом истории может стать лишь человек самосозидающий, являющийся господином и обладателем собственного мира, собственной истории и осознающий правила своей игры.

75

Классовая борьба в революционную эпоху началась вместе с возникновением буржуазии и развивалась одновременно с диалектикой, историческим мышлением, которое не ограничивалось простым объяснением мира, но настаивало на его изменении, решительно выступая против любого отчуждения.

76

Гегель интерпретировал не мир, а преобразование мира. Но так как он лишь интерпретировал преобразование, Гегель был лишь философским завершением философии. Он хотел понять, каким образом мир творит сам себя. Однако историческое мышление появилось слишком поздно и могло лишь констатировать сложившуюся ситуацию *post festum*. Таким образом, оно преодолевает отчуждение лишь в мышлении. Парадоксальная идея о том, что суждение о действительности зависит от исторического момента, а также, что окончательное открытие подобного суждения будет означать конец истории, вытекает из того обстоятельства, что мыслитель эпохи буржуазных революций XVII и XVIII веков своей философией старался лишь оправдать достижения этих революций. «Подобно философии буржуазных революций, она отражает не сам процесс революции, а её итог. В этом смысле она является философией не революции, но реставрации» (Карл Корш, «Тезисы о Гегеле и революции»). В конце концов, Гегель «прославлял сущее», то есть в последний раз проделал работу философа, однако сущее он воспринимал, ни много ни мало, как всю полноту исторического процесса. Фактически, была сохранена внешняя позиция мышления, что можно было скрыть лишь посредством отождествления мышления с предварительным проектом Духа — абсолютного героя, который творит то, что хочет, и хочет, что творит, и чьё воплощение совпадает с его истинной сутью. Таким образом, эта философия, преодолеваемая историческим мышлением, может теперь сколько угодно славить свой мир отрицая его, считать историю уже завершившимся процессом и закрыть заседание того единственного трибунала, где мог быть вынесен приговор истине.

77

Действия и само существование пролетариата подтверждают то, что историческое мышление не забыто. Изобличение неправильности вывода одновременно служит подтверждением правильности метода.

78

Историческое мышление можно спасти, лишь сделав его мышлением практическим. Одновременно с этим задачей пролетариата как революционного класса должно стать сознательное оперирование всей полнотой реальности данного мира. Все теоретические течения революционного рабочего движения произошли из критики гегельянства, и в этом участвовал не только Маркс, но также и Бакунин, и Штирнер.

79

Нельзя отделять теорию Маркса от гегельянского метода, и отрицать её тесную связь с революционным характером этой теории, её истинностью. Однако именно поэтому связь между ними была проигнорирована или воспринята ошибочно или же, ко всему прочему, обличалась как слабость марксистского учения. Бернштейн в «Проблемах социализма и задачах социал-демократии» замечательно показал связь диалектического метода и исторической предвзятости, негодуя по поводу малонаучных предсказаний в Манифесте 1847 года о неизбежности пролетарской революции в Германии: «Это историческое самовнушение было настолько ошибочным, что даже заядлые политические мечтатели вряд ли смогли бы его повторить. И осталось бы непонятным, как. его мог допустить Маркс, уже

тогда основательно изучавший экономику, если не усматривать в этом самовнушении остатки гегелевской диалектики противоречия, от которых Маркс, равно как и Энгельс, так и не смогли себя освободить. Это было для него особенно роковым во времена всеобщего смятения».

80

Отрицание, осуществляемое Марксом ради «сохранения посредством преодоления» мышления буржуазных революций, не просто состоит в том, чтобы банально заменить материалистическим развитием производственных сил движение гегелевского Духа, стремящегося к воссоединению с самим собой во времени, ибо его объективизация сродни отчуждению, а исторические раны на нём не оставляют шрамов. История, ставшая реальной, больше не имеет конца. Маркс также отказался от внешней позиции Гегеля по отношению к происходящему, а также от созерцания какой бы то ни было внешней, божественной силы. Отныне теория должна знать лишь то, что входит в область её применения. И напротив, в современном обществе экономическое движение принято рассматривать именно с точки зрения неотрицаемого наследия недialeктической части гегелевского поиска замкнутой системы: этот взгляд на экономику утратил понятийное измерение, ему больше не нужно оправдывать себя каким-то гегельянством, ибо он принимает экономику лишь как бессознательное, механическое развитие, господствующее над миром. Проект Маркса — это проект осознанной истории. Количественное, возникающее при слепом, чисто экономическом развитии производительных сил, должно впоследствии превратиться в историческое качественное. Критика политической экономии венчает собой эпоху неосознанного исторического развития: «Из всех орудий труда самым совершенным является сам революционный класс».

81

Рациональное осознание того, какие на самом деле силы действуют в обществе, тесно связывает теорию Маркса с научной мыслью. Но в своей основе теория Маркса находится превыше научной мысли, последняя сохраняется в ней, лишь будучи преодолённой: вопрос стоит о понимании борьбы, а не законов. «Нам известна только одна наука — наука истории» («Немецкая идеология»).

82

Буржуазная эпоха, стремящаяся дать истории научное обоснование, пренебрегает тем обстоятельством, что эта наука должна, прежде всего, исторически основываться на экономике. И наоборот, история напрямую зависит от экономики только потому, что является экономической историей. То, в какой мере научные исследователи смогли недооценить роль истории в экономике — глобального процесса, способного изменять собственную базу научных предпосылок — показывает нам тщетность уверений некоторых социалистов, которые якобы установили точную периодичность кризисов. Однако с тех пор как государственное вмешательство позволило компенсировать последствия кризисов, подобные рассуждения обнаружили в этом шатком равновесии окончательную экономическую гармонию. Таким образом, проект преодоления экономики, проект

сознательного управления историей, должен познать и свести к себе все общественные науки, но сам он ни под каким предлогом не может быть научным. Точка зрения о том, что можно контролировать современную историю через научное познание, не является революционной — она остаётся буржуазной.

83

Хотя утопические течения социализма исторически и основаны на критике существующей социальной организации, они являются не более чем утопическими, но не в силу того, что они якобы отрицают науку, а в той мере, в какой они отвергают историю — и как реально существующую борьбу, и как движение времени в неизменном совершенстве их образа счастливого общества. Они не отрицают науку, наоборот, мыслители-утописты целиком находились под властью научного мышления предшествующих столетий. Они стремились лишь к завершению общей рациональной системы, не считая при этом себя за безоружных пророков, ведь они были уверены в том, что научное доказательство подействует на общество. В случае сен-симонизма они верили даже в то, что наука может захватить власть. «Как они хотят заполучить посредством борьбы то, что должно быть доказано?» — спрашивает Зомбарт. Научная концепция утопистов не учитывала, что различные социальные группы имеют свои интересы в существующей ситуации, а значит, не видела ложного сознания, вызванного определённой позицией группы в обществе, и средств, используемых этими группами для самоутверждения. Следовательно, такая концепция даже не достигает уровня науки, которая ориентируется, прежде всего, на социальный заказ, требующий, чтобы её можно было не только признать, но и изучить. Социалисты-утописты остались узниками научного способа изложения истины, они воспринимали истину лишь как абстрактный образ, причём образ устаревший, сформировавшийся на давно прошедших стадиях развития общества. Как отмечал Сорель, утописты надеялись открыть и наглядно объяснить законы общества по образцу астрономии. Гармония, намеченная ими как цель, враждебна истории и являет собой попытку применить в рамках общества такую науку, которая бы наименее зависела от истории. Эта гармония стремится к признанию с такой экспериментальной невинностью, будто она новая физика Ньютона, а постоянно утверждаемый ею счастливый итог «играет в их общественной науке такую же роль, что и инерция в механике» («Материалы для теории пролетариата»).

84

Ещё при жизни Маркса детерминистско-научная сторона его учения оказалась как раз той брешью, через которую процесс «идеологизации» проник в теоретическое наследие, завещанное рабочему движению. Рождение на свет субъекта истории до поры до времени откладывается, и причиной этому служит экономика — историческая наука *par excellence*, однако этим она и подписывает себе смертный приговор, своё будущее отрицание. Однако вне поля зрения теории оказывается революционная практика — единственно возможная форма этого отрицания. Таким образом, нам остаётся лишь терпеливо продолжать изучение экономического развития и с гегельянским спокойствием воспринимать то, что все наши прошлые усилия почтили на «кладбище благих намерений». Вдруг открывается, что, согласно науке о революциях, сознание приходит всегда слишком рано, и ему ещё надо учить. «История показала, что мы, да и все мыслившие подобно нам, были не правы. Она

ясно дала понять, что состояние экономического развития на европейском континенте в то время ещё не было достаточно зрелым...» — будет вынужден признаться Энгельс в 1895 году. Вся свою жизнь Маркс старался сохранить цельность своей теории, но её изложение было вынесено на враждебную территорию господствующей мысли и на ней расплылось в критику частных дисциплин, главным образом, в критику основополагающей науки буржуазного общества — политэкономии. Именно такой искажённый вид теории и приняли за её окончательный вариант, который впоследствии и нарекли «марксизмом».

85

Недостатки теории Маркса автоматически перекочевали и в революционную борьбу пролетариата его эпохи. В 1848 году немецкий рабочий класс не решился на перманентную революцию, Коммуна была изолирована и разгромлена. Революционная теория тогда ещё не получила своего полного воплощения. И сам факт того, что Маркс вдруг решил уточнять и защищать её чисто академической, уединённой работой в Британском Музее, уже подразумевало некий изъян в самой теории. Как раз те научные тезисы о будущем развитии рабочего класса и об его организации, выдвинутые им в тот период, в дальнейшем окажутся помехой для пролетарского сознания.

86

Все теоретические промахи в содержании и в форме изложения научной защиты пролетарской революции могут привести к отождествлению пролетариата с буржуазией с точки зрения революционного захвата власти.

87

Тенденцией обосновывать на повторении прошлого опыта научное доказательство закономерности захвата власти пролетариатом Маркс затуманивает, начиная с самого «Манифеста», своё собственное историческое мышление, заставляет себя придерживаться линейной схемы развития способов производства как следствия классовой борьбы, которая может закончиться «революционным преобразованием общества в целом, либо взаимным уничтожением борющихся классов». Но в обозреваемом прошлом, как подчеркивает Маркс, правда, по другому поводу, «азиатский способ производства» не смогли расшатать никакие классовые столкновения, так же как крепостные никогда не побеждали феодалов, а в античности восставшие рабы — свободных граждан. Линейная схема упускает из виду тот факт, что буржуазия является единственным победившим революционным классом, одновременно с тем — единственным классом, для которого развитие экономики стало причиной и следствием его господства над обществом. Подобное упрощение также привело Маркса к отрицанию экономической роли государства в управлении классовым обществом. И если растущая буржуазия, казалось, освобождала экономику от влияния государства, то только в той мере, в которой само прежнее государство было орудием классового подавления в государственной экономике. В средние века, благодаря ослаблению государства, чьи силы подорвала феодальная раздробленность, создались предпосылки для будущего единоличного экономического господства буржуазии. Но современное государство, начавшее поддерживать развитие буржуазии через политику меркантилизма,

в конце концов, «laissez faire, laissez passer», стало её государством, и, впоследствии, единственной властью, способной на плановое регулирование экономического процесса. Маркс, однако, под именем бонапартизма сумел описать прототип модели современной государственной бюрократии, этого слияния государства и капитала, которая под видом «общественной силы, призванной для обслуживания нужд общества, устанавливает национальную власть капитала над трудом». Здесь буржуазия отказывается от всякой исторической жизни, включая экономическую, избирая «обречённость на то же политическое небытие, что и все остальные классы». Здесь уже заложены социально-политические основы современного спектакля, притворно определяющего пролетариат как единственного претендента на историческую жизнь.

88

По теории Маркса существует только два беспримесных класса — буржуазия и пролетариат, вот основной вывод из его «Капитала». Оба они являются революционными классами, хотя и оказавшимися в разных условиях: буржуазная революция уже произошла, а революция пролетарская — ещё только готовится как проект, основанный на предыдущей революции, но отличающийся от неё качественно. Тот, кто отрицает оригинальность исторической роли буржуазии, может также потерять из виду и оригинальность пролетарского проекта, который ничего не сможет достичь, пока не выступит под собственным знаменем, не осознает «громкость своих замыслов». Буржуазия пришла к власти потому, что была классом развивающейся экономики. Пролетариат же может прийти к власти, только став классом сознания. Рост производительных сил не может этого гарантировать, даже если из-за него будет постоянно возрастать экспроприация. Даже якобинский метод захвата власти не подходит для пролетариата. Ни одна идеология не сумеет заставить пролетариат выдать свои частные цели за общие, потому что пролетариату не нужна какая-то фрагментарная частная реальность, пускай бы даже она была его собственной.

89

Даже если Маркс в определённый период своего участия в борьбе пролетариата слишком уж рассчитывал на научное предвидение и даже создал интеллектуальную основу для иллюзий экономизма, известно, что сам он на эти иллюзии не поддавался. В широко известном письме от 7 декабря 1867 года, сопровождавшем статью, где он сам критикует «Капитал», и которую Энгельс позже должен был передать в газеты под видом статьи оппонента, Маркс ясно обозначил ограниченность своей теории: «...тенденция автора к субъективности, возможно, продиктованная ему политическими пристрастиями и его личным прошлым; то, как он представляет себе и другим окончательные результаты современного движения, общественного процесса, не имеет ничего общего с его же анализом современности». Итак, Маркс, обличая самого себя в «тенденциозных выводах» своего объективного анализа иронизирует словом «возможно», оценивая влияние ненаучных пристрастий на свои труды, но в то же время дает понять, что они действительно оставили след на его методологии.

90

В самой исторической борьбе требуется осуществить слияние познания и действия, так, чтобы каждое из них подтверждало истинность другого. Формирование пролетарского класса как субъекта означает не только то, что он должен организовать революционную борьбу, но и то, что он обязан мобилизовать и организовать общество во время революционной ситуации: уже тогда должны существовать на практике условия для сознательности; тогда и только тогда теория практики подтвердится и станет практической теорией. Однако именно этот центральный вопрос организации менее всего был разработан революционной теорией в эпоху зарождения рабочего движения, то есть тогда, когда эта теория не обладала ещё целостным характером, проистекавшим из исторического мышления. Этот вопрос был поставлен позже, для превращения этой теории в целостную историческую практику. Но всё же это самое непродуманное место этой теории, ибо оно допускает заимствование у буржуазной революции государственных и иерархических методов воздействия. Те формы организации рабочего движения, которые отказались от единой теории, в свою очередь, лишь препятствовали развитию этой теории, расщепляя её на различные, частные формы познания. Предав целостное историческое мышление, это идеологическое отчуждение от теории уже не может более различать практических подтверждений этого мышления, даже тогда, когда подобное подтверждение исходит из спонтанных выступлений пролетариата; эта ересь может лишь потворствовать подавлению подобных выступлений и стиранию всякой памяти о них. Однако подобные исторические формы, возникшие в борьбе, как раз и являются той практической средой, которая придаёт теории истинность. Они являются насущной потребностью для теории, но потребностью не сформулированной теоретически. Советы не были теоретическим открытием; тем не менее, их практическое существование уже доказывало теоретическую правоту Интернационала.

91

Первые успехи в борьбе позволили Интернационалу избавиться от пут влияния господствующей идеологии, которые тогда ещё присутствовали. Однако последующие поражения и репрессии уже выдвинули на первый план конфликт между двумя концепциями пролетарской революции. Впрочем, обе эти концепции содержали авторитарное измерение, из-за чего задача самоосвобождения рабочего класса была отложена под сукно. Непримируемая ссора между марксистами и бакунистами затрагивала два основных аспекта: власть в революционном обществе и организация современного рабочего движения, причём при переходе от одного аспекта к другому, противники менялись концепциями. Бакунин не соглашался с иллюзорной возможностью отмены классового строения общества с помощью авторитарного использования государственной власти, предвидя восстановление господствующего бюрократического класса и диктатуру наиболее компетентных или тех, кого будут считать таковыми. Маркс же считал, что растущее число экономических противоречий, одновременно с демократическим просвещением рабочих, низведёт роль пролетарского государства до временного этапа привыкания к новым общественным отношениям. Он уличал Бакунина и его сторонников в том, что они создали исключительно авторитарную элиту подполья, которая сознательно ставила себя выше Интернационала и создала сумасбродный план навязывания обществу диктатуры «наиболее революционных» или тех, кто захочет себя считать таковыми. И действительно, Бакунин вербовал своих сторонников именно для такой перспективы: «Невидимые штурманы посреди народной бури, мы должны руководить ею, но

не конкретной видимой властью, а через коллективную диктатуру всех ее союзников. Диктатуру без титулов, без знаков отличий, без официальных прав, диктатуру тем более мощную, что она будет лишена внешней видимости власти». Так выглядело противостояние двух идеологий рабочей революции; следует признать, что каждая из них содержала в себе конструктивную критику, но, утрачивая единство исторического мышления, обе они скатывались в сторону идеологического авторитаризма. Сильные организации, такие как Немецкая социал-демократическая партия или Иберийская анархистская федерация, преданно служили той или иной из этих двух идеологий, но в любом случае, результат их действий весьма отличался от ожидаемого.

92

Одновременно сильной и слабой стороной анархистского движения является то обстоятельство, что они считают пролетарскую революцию возможной в любой момент (их же претензии на индивидуальную борьбу просто смехотворны). От исторического мышления современной классовой борьбы коллективистский анархизм оставляет только выводы, и его постоянная потребность в этих выводах приводит к намеренному пренебрежению методами. Поэтому анархистская критика политической борьбы остаётся абстрактной, тогда как результат экономической борьбы, по их мнению, может быть достигнут по единому мановению руки — в результате всеобщей забастовки или восстания. У анархистов есть идеал для его претворения в жизнь. Они легкомысленно отрицают в своей идеологии классы и государство, то есть все общественные условия, которые выдвигает идеология разделения. По сути, это идеология чистой свободы, она уравнивает всех и вся и не приемлет никакого исторического зла. Эта точка зрения, которая, в общем-то, сумела привлечь к себе если не всех, то очень многих, и привела к тому, что концепцию отказа от существующей жизни, а также от специализации, разделения и отчуждения ради смутного идеала жизни абсолютной и возвышенной, приписали в заслуги именно анархизму. Но именно это желание угодить всем, расписав яркими красками ещё не существующее будущее, привело анархистов к следующей хорошо заметной непоследовательности в их действиях. На каждом выступлении анархисты лишь повторяли вновь и вновь одну и ту же заученную формулу, всеобъемлющее заключение, ибо они с самого начала отождествляли его с конечной целью всего движения. Поэтому в 1873 году, покидая Юрскую Федерацию, Бакунин напишет: «За последние девять лет в недрах Интернационала расплодилось столько идей по спасению мира, будто эти идеи могут спасти его сами по себе. Теперь я брошу вызов любому, кто захочет изобрести ещё одну такую идею. Время для идей кончилось, настало время для решительных действий». Несомненно, концепция того, что идеи должны воплощаться на практике, уже существует в историческом мышлении пролетариата, но она лишается исторической почвы хотя бы потому, что полагает, будто адекватные формы этого перехода к действию уже найдены и не нуждаются в исправлении.

93

Анархисты, которые явно не желают слиться со всем остальным рабочим движением, считая себя идеологически более убеждёнными, в дальнейшем воспроизведут это разделение ролей уже внутри своей организации, создав в ней условия для неформального господства пропагандистов и защитников своей идеологии — специалистов, в общем-то,

посредственных: вся их интеллектуальная деятельность сводится к повторению нескольких заученных истин. В самой организации идеологическое почтение к единодушию в принятии решений привело, прежде всего, к неконтролируемой власти этих знатоков свободы; поэтому революционный анархизм ожидал такого же единодушия и от освобождённого народа, причём хотел добиться его теми же средствами. В результате, не принимая предложений меньшинства по поводу текущей борьбы и отказываясь считаться с массами, анархисты добились лишь раскола внутри собственных рядов. Именно это и привело к неспособности анархистов вообще принимать какие-либо решения, что прекрасно иллюстрируют примеры бесчисленных анархистских мятежей в Испании: они были слишком ограничены по размаху и подавлялись на местном уровне.

94

Весь подлинный анархизм строится на иллюзии близости неминуемой революции, которая, свершившись в одно мгновение, докажет правоту идеологии и методов практической организации, производных от идеологии. И на самом деле, в 1936 году анархизм привёл к социальной революции и к самой, что ни на есть, радикальной пролетарской власти. Но нужно отметить, что тогда сигналом к всеобщему восстанию стал мятеж в армии. Однако в связи с тем, что революция не смогла победить в течение первых нескольких дней (это было вызвано тем, что войска генерала Франко контролировали половину страны и получали мощную поддержку извне, в то время как международное пролетарское движение уже было разгромлено, а также тем, что в самом республиканском лагере имелись буржуазные силы и конкурирующие между собой рабочие партии), организованное анархистское движение показало себя неспособным увеличить или хотя бы защитить промежуточные победы революции. Его признанные вожди стали либо министрами, либо заложниками буржуазного государства, которое предало революцию и проиграло гражданскую войну.

95

«Ортодоксальный марксизм» Второго Интернационала являлся научной идеологией социалистической революции, которая считала доказательством своей правоты объективные процессы, происходившие в экономике, а также всеобщее признание необходимости воспитания рабочего класса при помощи организации. Эта идеология заново открывает характерную для утопического социализма уверенность в педагогическом доказательстве, но теперь она добавляет к нему созерцательную установку по отношению к ходу истории. Впрочем, теперь эта установка не относится ни к гегельянскому измерению всеобщей истории, ни к неподвижному образу вселенной, который имел место в утопической критике (особенно у Фурье). Это научная установка смогла лишь реанимировать симметрию этического выбора между добром и злом, и именно из неё вырастают нелепые рассуждения Гильфердинга, в которых он заявляет, что признание необходимости социализма не даёт никакого «указания на практические меры, которые следует предпринять. Так как одно дело — признать необходимость, и совсем другое — поставить себя на службу этой необходимости» («Финансовый капитал»). Для Маркса и для революционного пролетариата всеобщее историческое мышление несколько не отличалось от практических мер, которые требовалось предпринять, и те, кто этого не понимал, просто-напросто становились жертвами собственных практических мер.

Идеология организаций социал-демократического толка наделила властью профессоров, воспитывавших рабочий класс, и выработала такую форму организации, которая бы наиболее способствовала этому пассивному воспитанию. Во II Интернационале позиция социалистов в экономических и политических прениях всегда была предельно жёсткой, но при этом совершенно не критической. Они провозглашали революционную иллюзию, но в соответствии с откровенно реформистской практикой. Таким образом, революционная идеология была уничтожена амбициями её проповедников. Тот факт, что депутаты и журналисты держались особняком по отношению к общему движению, лишь побуждал интеллектуалов, некогда вышедших из буржуазной среды, вернуться к своему прошлому. Даже тех, кто когда-то были простыми рабочими, профсоюзная бюрократия превращала в бесчувственных брокеров, выставлявших на продажу труд и продававших его как товар по выгодной цене. Но из-за того, что их деятельность в чужих глазах всё ещё сохраняла на себе оттенок революционности, капитализм пока ещё не был в состоянии воспринимать экономически этот реформизм, хотя политически — уже мог, благодаря их мирной, законопослушной агитации. Подобное лицемерие оправдывалось их наукой, но всякий раз уличалось во лжи историей.

Выявить суть этого противоречия можно было на примере социал-демократа Бернштейна: он был наиболее далёк от политической идеологии и открыто пользовался методологией буржуазной науки. Также о наличии этого противоречия свидетельствовало реформистское движение английских рабочих, обходившееся вообще без революционной идеологии. Однако его наиболее ясно продемонстрировала сама история. Бернштейн, хотя и сам не был чужд иллюзий, дал чётко понять, что кризис капиталистического производства не позволит социалистам прийти к власти и не даст им провести «законопослушную» революцию. Несмотря на то, что эпоха тяжёлых общественных потрясений, наступившая вместе с Первой Мировой войной, всячески способствовала формированию самосознания, она дважды показала, что социал-демократическая иерархия не смогла революционно воспитать немецких рабочих и тем более сделать из них теоретиков: в первый раз, когда большинство партии открыто поддержало империалистическую войну, и затем, уже после поражения, подавило восстание спартаковцев. Тем более Эберт, между прочим, бывший рабочий, ещё и верил в греховность, признаваясь, что ненавидит революцию «как грех». Он же впоследствии стал предтечей перерождения социализма в представление, которое впоследствии стало абсолютным врагом для русского пролетариата и его союзников. А главное, он чётко сформулировал программу для новой формы отчуждения: «Социализм — это значит много работать».

Ленин, как марксистский деятель, был всего-навсего последовательным и верным каутскианцем: он применил революционную идеологию «ортодоксального марксизма» в русских условиях, где не существовало почвы для политики реформизма, повсеместно

проводимой II Интернационалом. Внешнее руководство пролетариатом, осуществляемое крайне дисциплинированной и законспирированной партией, подчинённой интеллектуалам, превратившихся в «профессиональных революционеров», становится профессией, о создании которой в то время господствующий строй не мог и мечтать (дело в том, что царизм хоть и являлся капиталистическим режимом, позволить себе внешнее руководство пролетариатом он не мог, ибо его, кроме революционной партии, могла обеспечить только развитая буржуазная власть, которой в царской России не было). Впоследствии данное занятие расширит сферу своего влияния и превратится в профессию абсолютного контроля над обществом.

99

Можно сказать, что вместе с войной и связанным с ней крахом социал-демократического интернационала, авторитарный идеологический радикализм большевиков распространился по всему свету. Кровавый конец демократических иллюзий рабочего движения превратил весь мир в Россию, и большевизм, пробивший первую брешь в мировом капиталистическом хозяйстве в самый разгар мирового кризиса, предложил пролетариату всех стран свою иерархическую и идеологическую модель, предложил ему «говорить по-русски» с господствующим классом. Ленин упрекал марксизм Второго Интернационала не за то, что он был революционной идеологией, а за то, что он перестал ею быть.

100

В тот самый исторический момент, когда большевизм триумфально утверждал себя в России, а социал-демократия победоносно боролась за старый мир, возникает новый порядок вещей, который и обеспечивает современное господство спектакля: рабочий класс, переродившийся в представление, решительно противопоставил себя самому рабочему классу.

101

«Во всех предыдущих революциях — писала Роза Люксембург в „Rote Fahne“ 21 декабря 1918 года, — противоборствующие стороны выходили на бой лицом к лицу: класс против класса, программа против программы. В нынешней же революции, защитники и верные слуги старого порядка выступают не под вывеской правящих классов, а под флагом „социал-демократической партии“. Если бы главный вопрос революции был поставлен честно и откровенно: капитализм или социализм — огромным массам пролетариата не пришлось бы колебаться и сомневаться». Вот так, всего за несколько дней до своего окончательного разгрома радикальное крыло немецкого пролетариата открыло для себя новые условия, появление которых было вызвано предшествующим развитием (чему в огромной степени поспособствовало перерождение пролетариата в представление): отныне существует спектакль — организация, призванная на защиту существующего порядка; отныне видимость господствует в обществе, и теперь уже никакой «главный вопрос» не может быть поставлен «честно и откровенно». Революционное перерождение пролетариата в представление стало сразу и главным следствием, и основным результатом всеобщей фальсификации общества.

102

Большевистская модель организации пролетариата основывалась на двух основных предпосылках: на отсталости России и на отказе рабочего движения развитых стран от революционной борьбы. Но именно отсталость вызвала контрреволюционное перерождение данной организации, впрочем, следует отметить, что таковой она была изначально. Продолжающееся отступление европейских рабочих масс перед лицом *Hie Rhodus hie salta* в период 1918–1920 годов, отступление, потворствовавшее насильственному уничтожению радикально настроенного пролетарского меньшинства, только благоприятствовало становлению большевизма и позволило ему заявить о себе, как о единственно возможном исходе для всего рабочего движения. Установление государственной монополии на представление и защиту власти рабочих позволило партии большевиков оправдать себя, но одновременно вынудило её снять все маски и стать тем, чем она и была: партией собственников пролетариата, исключившей прежние формы собственности.

103

В течение целых 20 лет напряжённых дебатов все русские организации социал-демократического толка взвешивали каждое условие, способное помочь в уничтожении самодержавия: среди них была и слабость буржуазии, и давление крестьянского меньшинства, и главное, решающее условие — наличие хоть и малого числом, зато организованного и боевитого пролетариата. Но, как известно, все эти дебаты были прекращены, чуть только власть захватила революционная бюрократия, которая, овладев государственной властью, тут же навязала обществу новое классовое господство — такого исхода, понятно, никто не мог ожидать. Однако нужно отметить, что демократическая революция была тоже невозможна, лозунг «демократической диктатуры рабочих и крестьян» был лишён смысла: власть Советов не смогла бы выстоять одновременно против кулаков, белогвардейщины, интервенции и против собственной репрезентации, которая явилась бы в форме рабочей партии, абсолютно господствовавшей в государстве и экономике, а также подчинившей себе свободу выражения, а позже и мысли. Единственно верной для стран, в которых буржуазия отстала в своём развитии, стала теория перманентной революции Троцкого и Парвуса, к которой в апреле 1917 года неявно присоединился и Ленин. Но эта теория стала верной лишь по причине вмешательства неизвестного доселе фактора: утверждения классовой власти бюрократии. Среди большевистских лидеров Ленин решительнее всех высказывался за сосредоточение диктаторской власти в руках высших представителей идеологии. И Ленин всегда оказывался прав по отношению к своим противникам, потому что отстаивал давно уже сделанный выбор, а именно, власть абсолютного меньшинства. Иначе было и нельзя, ведь при демократии власть пришлось бы сначала отнять у крестьян ради того, чтобы сохранить государство, потом пришлось бы отказать и рабочим, что далее привело бы к отказу в ней коммунистическим лидерам профсоюзов, и так далее, вплоть до самой партийной верхушки. На X Съезде, когда Кронштадтский Совет уже был разгромлен и погребён под горами клеветы, Ленин сформулировал заключение, направленное против левацких бюрократов из «Рабочей оппозиции» (логику этого заключения Сталин впоследствии обобщит до логики свершившегося раздела мира): «Либо — здесь, либо — там, с винтовкой, а не с оппозицией... оппозиции теперь конец, крышка, хватит с нас оппозиций!»

104

После подавления кронштадтского мятежа бюрократия, по сути, стала единоличным собственником при государственном капитализме. Она сумела упрочить свою власть изнутри благодаря временному союзу с крестьянством (НЭП), и снаружи — путём внедрения рабочих в бюрократические партии III Интернационала в качестве поддержки для русской дипломатии. Их задача была саботировать остальное революционное движение и, тем самым, помогать буржуазным правительствам, на чью помощь русская бюрократия рассчитывала в международной политике. Тому примеры: режим Гоминьдана в Китае 1925–1927 гг., Народный фронт в Испании и Франции и т. д. Затем бюрократическое общество продолжило усиление собственной власти, учинив террор по отношению к крестьянству ради того, чтобы осуществить самое жестокое в истории первоначальное накопление капитала. Индустриализация при Сталине сорвала последнюю маску с бюрократии: теперь очевидно, что она сохраняет всевластие экономики и спасает саму суть рыночного общества: труд как товар. Тем самым подтверждается, что самодостаточная, автономная экономика настолько опутала своими сетями общество, что способна ради своих нужд восстанавливать в нём классовое господство. Иными словами, буржуазия создала автономную экономику, которая, в случае сохранения этой автономии, может обходиться без самой буржуазии. Тоталитарная бюрократия не является «последним классом собственников в истории», как верно отметил Бруно Рицци, для товарной экономики она является лишь заместителем правящего класса. Отсутствующая капиталистическая частная собственность заменяется здесь упрощённым, менее дифференцированным суррогатом, но и тот концентрирует в своей собственности бюрократический класс. Данная недоразвитая форма правящего класса является также выражением общей экономической отсталости; для неё нет иной перспективы, кроме как постоянно навёрстывать своё отставание. Именно рабочая партия, организованная по буржуазному принципу общественного разделения, и обеспечила государственными кадрами эту вспомогательную форму господствующего класса. Находясь в сталинской тюрьме, Антон Цилика отмечал: «Выходит, что вопросы технической организации являются социальными» («Ленин и революция»).

105

Ленинизм был величайшей волюнтаристической попыткой воплощения революционной идеологии, которая подразумевает возвращение отчуждённого и решительное изменение мира. Однако сталинизм всем наглядно показал, что возвращать отчуждённое никто даже и не собирался. На этом этапе идеология уже является не оружием, а целью. Ложь, более не опровергаемая, становится безумием. Окружающая действительность, да и сама цель, идеология, растворяется в тоталитарной пропаганде: всё, что она утверждает, следует принимать за истину. Это местечковый, примитивный спектакль, но роль его в развитии мирового спектакля тем не менее огромна. Идеология, получившая в нём своё воплощение, не преобразовала мир, подобно капитализму, достигшему стадии избыточности, — она просто полицейским образом трансформировала восприятие.

106

Власть тоталитарно-идеологического класса означает также и власть перевёрнутого мира: чем она сильнее, тем настойчивее она утверждает, будто её не существует, вся сила её служит прежде всего для утверждения этого небытия. «Слуги народа» — только в этом и проявляется вся скромность бюрократии, ибо формальное небытие должно также совпадать с пес plus ultra исторического развития, чьему существованию перевёрнутый мир и обязан своей нерушимостью. Где бы ни появилась бюрократия — везде она должна оставаться классом, невидимым для сознания, в результате этого, безумной становится вся общественная жизнь. Из этого противоречия и вытекает социальная организация абсолютной лжи.

107

Сталинизм был царством ужаса и для самого бюрократического класса. Террор, основанный на власти этого класса, неизбежно должен был поразить и сам класс, так как он не обладал признанным статусом класса собственников, и у него не было каких-либо юридических гарантий, которые бы он мог распространить на всех своих членов. Его действительная собственность остаётся скрытой от посторонних глаз, бюрократия становится собственником лишь с помощью ложного сознания. В то же время ложное сознание поддерживает свою абсолютную власть лишь через абсолютный террор, подлинных мотивов которого уже никто и не помнит. Члены находящегося у власти бюрократического класса имеют право лишь на коллективное обладание обществом, как соучастники царящего вокруг обмана: они обязаны играть роль пролетариата, руководящего социалистическим обществом, и быть хорошими актёрами, убедительно разыгрывающими идеологическую нелояльность. Но эффективное участие в этом ложном бытии требует, чтобы его рассматривали как подлинное участие. Бюрократ не сможет в одиночку удержать своё право на власть: если он будет доказывать, что является социалистическим пролетарием, он уже не будет бюрократом, но и утверждать, что является бюрократом, он тоже не может, потому что бюрократии официально не существует. Поэтому любой бюрократ целиком и полностью зависит от главного идеологического гаранта, который допускает коллективное участие в «социалистической власти» всех бюрократов, которых он ещё не уничтожил. И если все решения принимают бюрократы, то сплочённость их собственного класса может обеспечить только одна личность, сосредоточившая в своих руках всю их террористическую мощь. Именно в этой личности следует искать первопричину лжи, коренящейся во власти: его переменчивый курс утверждается как неоспоримое постоянство. Сталин безапелляционно решал, кому быть бюрократом-собственником, то есть кого следует называть «пролетарием у власти», а кого — «предателем на содержании Микадо и Уолл-стрита». Бюрократические атомы соединялись и обретали свои права только в личности Сталина. Поэтому Сталин был властителем мира, абсолютной личностью, для которого уже не существовало высшего разума. «Властитель мира обладает действительным сознанием того, чем он является: универсальной властью над действительностью, воплощённой в кровавом насилии, направленном против Я его подданных». Он одновременно и власть, определяющая незыблемость государства, и мощь, взрывающая его устои.

108

Когда идеология, обладая абсолютной властью, становится абсолютной и превращается из частного познания в тоталитарную ложь, историческое мышление уничтожается настолько основательно, что сама история, даже на эмпирическом уровне, перестаёт существовать. Тоталитарное бюрократическое общество живёт в вечном настоящем, где все находятся под пристальным надзором полиции. Сформулированный ещё Наполеоном принцип «всецело править энергией воспоминаний» воплотился в современную манипуляцию над прошлым, благодаря которой подтасовываются не только толкования или смыслы, но даже сами факты. Но ценой освобождения от всякой исторической реальности является утрата рациональности, которая столь необходима для исторического общества — капитализма. Известно, чего стоило русской экономике научное приложение обезумевшей идеологии, взять хотя бы самонадеянное невежество Лысенко. Это вызвано тем, что управляющая индустриальным обществом тоталитарная бюрократия зажата между своей потребностью в рациональности и отказом от рационального — в этом и коренится её главный недостаток по сравнению с обычным капиталистическим развитием. Наряду с тем, что бюрократия хуже решает вопросы сельского хозяйства, она также уступает капитализму и в индустриальном производстве, которое планируется свыше на основе поступающих снизу нереальных сведений, ведь ложь и там и там возведена в принцип.

109

В промежуток между двумя мировыми войнами революционное рабочее движение было полностью уничтожено совместными усилиями сталинской бюрократии и фашистского тоталитаризма, который позаимствовал форму организации у уже испробованной в России тоталитарной модели. Фашизм являлся чрезвычайным средством защиты буржуазной экономики, находящейся под угрозой кризиса и ниспровержения пролетариатом. Фашизм — это объявленное в капиталистическом обществе осадное положение, благодаря которому это общество спасается и совершает срочную рационализацию, позволяя государству в массовом порядке вмешиваться в его управление. Но сама такая рационализация уже была отягощена чудовищной нерациональностью своих средств. Несмотря на то, что фашизм был направлен на защиту консервативной буржуазной идеологии и её основных ценностей (семья, собственность, моральный порядок, нация), объединяя тем самым мелкую буржуазию и безработных, обезумевших от кризиса и разочарованных бессилием социалистической революции, сам фашизм по существу не являлся идеологией. Он был тем, за что себя и выдавал: насильственным возрождением мифа, требующим принадлежности к сообществу, где основополагающими являются архаичные псевдоценности: раса, кровь, вождь. Фашизм — это технически оснащённый архаизм. Этот разложившийся эрзац мифа и воспроизводится в контексте спектакля наисовременнейшими средствами психологической обработки и создания иллюзий. Таким образом, он является важным фактором в формировании современного спектакля, а его участие в уничтожении прежнего рабочего движения превратило его в одну из основополагающих сил современного общества. Однако в связи с тем, что фашизм оказался также и наиболее расточительной формой поддержания капиталистического порядка, ему пришлось покинуть авансцену, где главные роли по-прежнему играют капиталистические государства; его заменили более рациональными и устойчивыми формами этого порядка.

110

Чуть только русской бюрократии удалось, наконец, отделаться от последних следов буржуазной собственности, которые препятствовали её господству над экономикой, не давая присвоить всю собственность себе, и вдобавок мешали добиться признания великих держав на международной арене, она возжелала спокойно наслаждаться властью в своём уголке земного шара. Для этого она решила ликвидировать последнюю вышестоящую инстанцию — и разоблачает сталинизм, ею же порождённый. Но такое разоблачение само остаётся сталинистским и самоуправным, его причины никто не собирается объяснять, а концепцию всё время изменяют, модифицируют, ибо коренящуюся в нём идеологическую ложь раскрывать нельзя. Таким образом, бюрократия не в силах провести либеральные реформы ни в сфере культуры, ни в сфере политики, ибо само её существование как класса зависит от идеологической монополии, так как именно эта монополия служит единственным видом её собственности. Несомненно, идеология уже утратила страсть к позитивному самоутверждению, но и то, что сохраняется в её безразличной банальности, всё ещё способно подавить любую конкуренцию и держать скованной всю полноту мысли. Только поэтому бюрократия так привязана к идеологии и с такой страстью её пропагандирует, несмотря даже на то, что в эту идеологию давно уже никто не верит. То, что некогда было террором, отныне служит поводом для шуток и насмешек, однако никто и не вздумал бы смеяться, если б за спиной не маячил тот же самый террор, от которого так хотелось бы освободиться. И именно в тот момент, когда бюрократия хочет продемонстрировать своё превосходство над миром капитализма, она признаёт себя его бедной родственницей. Подобно тому, как действительная история опровергает претензии бюрократии, а её невежество откровенно противоречит её научным притязаниям, её соперничество с буржуазией в плане создания товарного изобилия заранее обречено на провал, ибо такое изобилие само несёт в себе скрытую идеологию и обычно нераздельно связано с постоянно увеличивающейся свободой иллюзорного выбора, псевдосвободой, которая остаётся несовместимой с бюрократической идеологией.

111

На данный момент претензии бюрократии на идеологическую собственность рушатся уже в мировом масштабе. Власть, изначально нацеленная на интернациональность, но установившаяся лишь национально, теперь должна признать, что более не может поддерживать свою ложную сплочённость за пределами каждой из национальных границ. Неравное экономическое развитие и соперничество различных типов бюрократии, которым удалось вывести свой «социализм» за пределы одной страны, привело к непримиримому и тотальному противостоянию лжи русской и лжи китайской. Отныне каждая бюрократия, находящаяся у власти, или каждая тоталитарная партия, пока ещё только претендующая на власть (там, где после периода сталинизма местный рабочий класс остался без «поводыря»), должна следовать своим собственным путём. Повсеместный распад бюрократического союза ещё более усугубляется внутренним сопротивлением, впервые проявившимся во время рабочего восстания в Восточном Берлине, когда бюрократии было противопоставлено требование «правительства металлургов», и однажды уже приходившем к власти в виде рабочих Советов в Венгрии. Однако эта тенденция при ближайшем рассмотрении является крайне неблагоприятным фактором для развития современного капиталистического общества. Теперь буржуазия теряет своего противника, который тем не менее поддерживал её объективно, иллюзорно сосредоточивая в себе образ отрицания

существующего порядка. Разделение труда между спектаклями подходит к концу, когда псевдореволюционность, в свою очередь, разделяется. Уничтожение рабочего движения произошло благодаря концентрированному спектаклю, который сам уже обречён.

112

Сегодня у ленинизма не осталось иных последователей, кроме различных троцкистских течений, в которых до сих пор упорно отождествляют пролетарский проект с иерархической организацией идеологии, несмотря даже на опыт, показавший всю ущербность данного подхода. Дистанция, которая отделяет троцкизм от революционной критики современного общества, почему-то влечёт за собой его приверженность к средствам, уже проявившим свою негодность в реальной борьбе. Вплоть до 1927 года Троцкий не прекращал тесных контактов с высшей бюрократией, стремясь полностью подчинить её себе, чтобы затем возобновить активную большевистскую политику на внешней арене (известно, что в ту пору, пытаясь скрыть знаменитое «Завещание Ленина», он дошёл даже до того, что оклеветал своего сторонника Макса Истмена, это завещание обнародовавшего). Именно за это своё намерение Троцкий и был осуждён, ибо в то время бюрократия уже осознала себя как контрреволюционный класс, и поэтому и во внешней политике была вынуждена взять контрреволюционный вектор, во имя будто бы проводимой у себя революции. Последующая борьба Троцкого за IV Интернационал имела такой же непоследовательный характер. Всю свою жизнь он отказывался признавать бюрократию как отдельный класс, так как во время второй русской революции он стал безусловным сторонником большевистской формы организации. Лукач в 1923 году назвал эту форму наконец-то обнаруженной связкой между теорией и практикой, при которой рабочие уже не являются простыми «зрителями» того, что происходит в их организации, а сознательно участвуют в её деятельности и за неё переживают. Что же, Лукач приписал в заслуги большевикам то, чего у них и в помине не было. Помимо своей кропотливой теоретической деятельности, Лукач был ещё и идеологом, говорящим от лица власти, той самой власти, которая самым вопиющим образом отрывалась от пролетарского движения, причём сам он верил, заставлял себя верить в то, что он целиком растворяется в этой власти, что он сам — власть. Но затем он узнал, с какой лёгкостью эта власть отрекается и избавляется от своих приспешников, и тогда он разоблачает сам себя, причём самым постыдным и карикатурным образом: он кардинально меняет свои взгляды и превращается в противоположность самого себя и всего того, что утверждал в своей книге «История и классовое сознание». Личность Лукача лучше всех подтверждает правило, справедливое для всех интеллектуалов этого века: величие и справедливость почитаемых ими идей в точности отражает подлость и ничтожность этих интеллектуалов. Впрочем, Ленин и не питал подобных иллюзий насчет своей деятельности, ибо понимал, что «политическая партия не может устраивать экзамен своим членам, чтобы выяснить существуют ли противоречия между их философией и программой партии». Та, действительно существующая партия, чей романтический портрет совершенно некстати нарисовал Лукач, была сплочена лишь для одной особой и конкретной цели: захватить власть в государстве.

113

Неоленинистская иллюзия современного троцкизма встречает отпор и с лёгкостью опровергается реалиями развитого капиталистического общества: как буржуазного, так и бюрократического, поэтому естественно, что она активнее всего пытается утвердиться в формально независимых «слаборазвитых» странах. Дело в том, что там местные правящие классы сознательно называют государственный бюрократический социализм просто идеологией экономического развития. Надо заметить, что в этих странах состав правящих классов является крайне разношёрстным, обычно это буржуазно-бюрократическая смесь. Вся их игра на международной арене ограничивается лавированием между двумя полюсами существующей капиталистической власти, а также между их идеологическими компромиссами (в том числе исламизмом); это лишь подтверждает гибридную сущность их социальной базы и понуждает выбросить из идеологии социализма всё, за исключением его полицейской роли. Бюрократия может сформироваться, возглавив национально-освободительную борьбу и аграрные бунты крестьян; и именно поэтому, после захвата власти в Китае, она много раз пыталась применить сталинскую модель индустриализации даже в менее развитых странах, чем Россия в 1917 году. Бюрократия, способная провести индустриализацию, может сформироваться из мелкой буржуазии или из военных кадров, уже захвативших власть, как это было в Египте. В иных случаях бюрократия, сложившаяся во время войны как полугосударственное руководство, будет пытаться найти компромисс в конфликте, чтобы затем слиться со слабой местной буржуазией — так было в Алжире в конце войны за независимость. Наконец, в бывших чёрных африканских колониях, которые до сих пор остаются зависимыми от американской либо европейской буржуазии, местная буржуазия складывается (чаще всего на основе власти племенных вождей) через обладание государством. Там иностранный империализм остаётся истинным хозяином экономики и отдаёт компрадорам в собственность государственную власть в обмен на беспрепятственный вывоз из страны сырья — в этом случае государство является независимым от собственного населения, но не от империализма. Здесь речь идёт о некоей искусственной буржуазии, которая не накапливает, а попросту транжирит капитал, полученный от прибавочной стоимости местного труда, а также от иностранных субсидий покровительствующих государств и монополий. Очевидная неспособность этих буржуазных классов выполнять свою нормальную экономическую функцию приводит к тому, что против неё поднимается бюрократия, более или менее приспособленная к местным условиям и желающая захватить достояние этой буржуазии. Однако успех бюрократии в проекте индустриализации изначально содержит в себе предпосылки её последующего поражения, ведь, накапливая капитал, она также сосредотачивает и пролетариат, тем самым содействуя появлению прежде отсутствовавшего внутреннего протестного движения — отрицания.

114

Все эти обстоятельства привнесли новые условия в классовую борьбу, в результате чего пролетариат индустриально развитых стран окончательно утратил всякое желание быть самостоятельным, более того, он оставил даже надежду на такую перспективу, однако сам пролетариат не исчез. Его не уничтожили. Он решительно отстаивает право на своё существование даже при интенсивном процессе отчуждения в современном капитализме, ибо пролетариат — это неисчислимое большинство трудящихся, потерявших всякую способность распоряжаться собственной жизнью, но которые, осознав это, вновь находят

себя как пролетариат, как вынужденное работать на общество отрицание. Пролетариат объективно усиливается по мере того как исчезает крестьянство, и логика заводского труда начинает распространяться также на значительную часть сферы услуг и интеллектуальных профессий. Субъективно этот пролетариат ещё далёк от своего практического классового сознания, причём не только в среде «белых воротничков» — служащих, но и в среде наёмных рабочих, ещё только обнаруживающих беспомощность и ложь политики. Но рано или поздно пролетариат понимает, что не только его отчуждённый труд способствует постоянному укреплению капиталистического общества, но и его представительства, созданные им некогда для собственного раскрепощения, как то: профсоюзы, партии и даже государственная власть, — все они рано или поздно становятся на рельсы коллаборационизма. Из этого он извлекает конкретный исторический опыт, который доказывает, что пролетариат является единственным классом, противостоящим любому постоянному отчуждению и любому разделению властей. Он несёт с собой революцию, которая не может позволить чему-либо остаться вне себя, а также требование постоянного господства настоящего над прошлым и всеобъемлющую критику отчуждения; на основании этого он и должен найти для себя подходящую форму действия. Никакие количественные подачки, никакие иллюзии иерархической интеграции не смогут его умиловить, ибо пролетариат обнаруживает себя отнюдь не когда терпит какую-то отдельную несправедливость по отношению к себе, и даже не когда сражается против этой отдельно взятой несправедливости. Он не способен осознать себя, даже сражаясь против множества несправедливостей; только в абсолютной несправедливости, в том, что его отбросили на обочину жизни, может возникнуть искомое классовое сознание.

115

Всё больше и больше фактов отрицания, протеста множится в наиболее экономически развитых странах, несмотря даже на то, что спектакль старательно пытается их скрыть или исказить. Однако по ним уже можно сделать вывод о начале новой эпохи: после провала первой попытки рабочего восстания рухнуло само капиталистическое изобилие. Когда антипрофсоюзная борьба западных рабочих подавляется, прежде всего, самими профсоюзами, когда бунтарские молодёжные движения оформляют свой первый, пока ещё размытый и нечёткий протест, в котором тем не менее уже выражен их отказ от лживой политики, профанированного искусства и мелочной повседневной жизни, — мы начинаем различать формы новой спонтанной борьбы, которая пока ещё начинается под маской преступности. Это грозное предзнаменование второго пролетарского штурма классового общества. И когда павшие бойцы этой всё ещё деморализованной армии вновь появятся на поле боя, обстановка на котором кардинально изменилась и в тоже время осталась прежней, они последуют за новым «генералом Луддом», который на этот раз направит их на уничтожение машин дозволенного потребления.

116

«Наконец-то найдена политическая форма, при которой может осуществиться экономическое освобождение труда». В XX веке данная форма обрела наконец своё чёткое воплощение в Советах революционных рабочих, сосредоточивающих в себе все законодательные и исполнительные функции и образующих федерацию с помощью

выборных делегатов, которые ответственны перед рядовыми членами, и которых можно отозвать в любой момент. Их фактическое существование доселе было лишь пробой пера, намёткой на будущее, однако Советы немедленно встретили решительный отпор и были разгромлены различными силами, защищающими классовое общество, причём в их числе зачастую оказывалось и их собственное ложное сознание. Паннекук справедливо обвинял власть рабочих Советов в том, что они чаще «ставят проблемы», чем предлагают решения. Но эта власть и создана для того, чтобы проблемы пролетарской революции обретали здесь свои истинные решения. В них воссоединяются объективные предпосылки для возникновения исторического сознания, ведь именно Советы позволяют осуществить активную коммуникацию, где больше не будет места специализации, иерархии и отчуждению и где условия существования становятся «условиями для единства». Именно в Советах, в своей борьбе против созерцания, пролетариат может стать субъектом, так как его сознание равнозначно практической организации, которая и создаётся, потому что само сознание неразрывно связано с последовательным вторжением в историю.

117

При власти Советов, которая обязана восторжествовать в мировом масштабе, пролетарское движение станет своим собственным продуктом, а этот продукт — собственным производителем. Пролетарское движение — это самоцель. Ибо только в нём отрицается отрицание жизни, осуществляемое спектаклем.

118

Появление Советов выявило высшую суть пролетарского движения в первой четверти этого века, однако её никто не увидел, а если увидел — то уж точно извратил, ибо она исчезла вместе с остальным рабочим движением, которое тогда было отвергнуто и уничтожено. Но сегодня, в новую эпоху пролетарской критики, эта истина снова становится видимой в качестве единственного неопроверженного положения побеждённого движения. Историческое сознание может существовать лишь в рамках этой истины, и оно признаёт эту истину, но уже не на периферии отживающего свой век, а в самом центре грядущего.

119

Революционная организация, существующая до власти Советов (ей ещё только предстоит в борьбе обрести истинную форму), по всем вышеперечисленным причинам уже понимает, что не представляет класса. И ей нужно осознать себя, ни много ни мало, как отчуждение от мира отчуждения.

120

Революционная организация — это последовательное выражение теории практической деятельности, которая по ходу своего становления практической теорией, вступает в неодностороннюю коммуникацию с различными видами практической борьбы. Её собственная практическая деятельность и заключается в управлении коммуникацией и последовательностью этой борьбы. В революционную эпоху разложения всеобщего

отчуждения эта организация сама должна признать своё разложение как организации, основанной на отчуждении.

121

Революционная организация должна быть ничем иным, как единой и всесторонней критикой современного общества, а именно критикой, никогда не вступающей в компромисс ни с одной формой власти, основанной на отчуждении, ни в одном уголке земного шара. Она должна быть повсеместно провозглашаемой критикой против любых форм отчуждённой общественной жизни. В борьбе революционной организации против классового общества орудиями являются не что иное, как сущности самих противоборствующих сторон, так как революционная организация не может воспроизводить в себе особенности господствующего общества: иерархию и отчуждение. Она должна постоянно бороться против собственного искажения в царящем вокруг спектакле. У всеобщей демократии революционной организации должно быть только одно ограничение: все её члены должны добровольно признать и присвоить себе всю последовательность её критики, причём эту последовательность должны ещё доказать критическая теория и соотношение между теорией и практической деятельностью.

122

По мере увеличения капиталистического отчуждения на всех уровнях общественной жизни, рабочим становится всё труднее и труднее осознать и обозначить свою собственную нищету, и таким образом, перед ними появляется альтернатива: либо встать на борьбу против всей тотальности своей нищеты, либо превратиться в ничто. Революционная организация должна, наконец, осознать, что не может больше бороться с отчуждением в отчуждённых формах.

123

Пролетарская революция никогда не произойдёт, если не будет выполнено следующее необходимое условие: теория в качестве способа постижения человеческой деятельности должна быть признана и пережита массами. Ей нужно, чтобы рабочие стали диалектиками и использовали это мышление в своей практической деятельности. Таким образом, она требует от простых людей куда большего, нежели буржуазная революция от тех профессионалов, которым было поручено её осуществление; ведь то частичное идеологическое сознание, выстроенное частью представителей буржуазного класса, ориентировалось на центральную часть общественной жизни, на экономику, где этот класс уже находился у власти. Получается, что само превращение классового общества в общество спектакля, в зрелищную организацию небытия, ведёт революционный проект к тому, что бы он выдал наружу свою сущность.

124

На данный момент революционная теория является заклятым врагом любой революционной идеологии и прекрасно это осознаёт.

ГЛАВА V. Время и история

“ «О, джентльмены, жизнь коротка... И если уж мы живем, то живём, чтобы ходить по головам королей».

У. Шекспир «Генрих IV» часть I

125

Человек — «существо отрицающее, он есть лишь в той степени, в которой отрицает Бытие». Человек — это время. Постигание человеком собственной природы неразрывно связано с пониманием развития вселенной. «История сама по себе является важной частью естественной истории, истории превращения природы в человека» (Маркс). И наоборот, эта «естественная история» по-настоящему существует лишь благодаря истории человеческой, той единственной её части, которая схватывает всю полноту истории; подобно современному телескопу, чей чуткий объектив улавливает во времени процесс разбегания туманностей на самых далёких окраинах вселенной. История существовала всегда, но далеко не всё время — в своей исторической форме. Процесс овременения человека посредством общества начинает соответствовать очеловечиванию времени. Бессознательное течение времени заявляет о себе и становится истинным в историческом сознании.

126

Собственно ход истории, пускай ещё неявно, начинается в медленном и неосознанном формировании «действительной природы человека», той «природы, что рождается внутри истории человечества, благодаря созидающему воздействию общества». Но даже общество, владеющее техникой и языком, то есть уже являющееся продуктом собственной истории, все равно осознаёт своё бытие лишь как вечное настоящее. В таком обществе любое познание, сохранённое в памяти старейших его членов, всегда передаётся живущим. Ни смерть, ни размножение не понимаются здесь как законы времени. Время остаётся неподвижным, подобно замкнутому пространству. Однако и более сложное общество, которое наконец приходит к осознанию времени, всё равно продолжает его отрицать, ибо во времени оно видит не то, что проживается, а то, что возвращается. Государственное общество организует время в соответствии со своим непосредственным ощущением природы, по модели циклического времени.

127

Однако, например, кочевники уже давно живут по законам циклического времени, ибо куда бы они ни пришли в своих бесконечных скитаниях, они всё равно найдут всю ту же степь,

всю ту же слабую растительность под ногами. Именно потому Гегель отмечает, что «странствие кочевников является лишь формальным, ибо оно не выходит за пределы однообразных пространств». Когда же общество оседает в какой-то определённой местности, оно неизбежно придаёт ей особенный смысл, путём обустройства этой территории, но в результате оказывается лишь запертой внутри неё. Раньше возвращение в старое кочевье означало также и возврат времени, что обязывало повторить на старом месте те же самые ритуалы и ту же самую последовательность действий. Переход же от пасторального кочевничества к оседлому земледелию упраздняет прежнюю ленивую и бессодержательную свободу и служит началом для тяжёлого, кропотливого труда. Вообще, земледелие, подчинённое ритму смен времён года, является главной основой для окончательного провозглашения циклического времени. Вечность изначально присуща ему: как бы не лютовала зима, лето всё равно возвращается. Такое общество живёт незыблемой традицией, мифом. Миф — это тоталитарная и целостная мыслительная структура, которая оправдывает существующий строй эфемерным космическим порядком. Как мы видим, система уже тогда возникла в рамках общества.

128

В обществе, разделённом на классы, кроме процесса присвоения продуктов человеческого труда, возникает также общественное присвоение времени. Власть, утверждающая своё господство над нищетой общества циклического времени — класс, организующий общественный труд и присваивающий себе его ограниченную прибавочную стоимость, также присваивает себе и временную прибавочную стоимость, возникающую благодаря его организации общественного времени. Только этот класс можно назвать истинно живущим, ибо для него время необратимо. Всё богатство, которое только может сконцентрировать в себе власть и потратить его на пышный, гедонистический праздник своего существования, также используется для растраты исторического времени на поверхности общества. Только собственники исторической прибавочной стоимости обладают знанием сути переживаемых событий, и только они могут получать удовольствие от этих событий. Здесь время не организуется всем обществом, всем миром, как должно было бы, ведь именно на дне общественной жизни создаются материальные богатства. Нет, здесь время протекает над обществом, не затрагивая его. Это время приключений и войн, в котором хозяева циклического общества счастливо проплывают по своей личной истории. Но в равной степени это ещё и время столкновений с чужими сообществами, в результате которого может быть нарушен сам социальный строй. Таким образом, история проходит над людьми, как чёрная грозная туча, как нечто чуждое, чего люди хотели бы избежать и от чего считали себя надёжно укрытыми. Но именно благодаря этим раскатам грома, всполохам на небе истории, в человеке пробуждается позабытое, первобытное чувство страха.

129

Само по себе циклическое время является бесконфликтным. Однако в самом его корне уже заложен конфликт: ведь история, прежде всего, борется за то, чтобы стать историей практической деятельности господ. История является необратимой только на поверхности; однако её ход обеспечивается именно тем необратимым временем, что течёт на дне циклического общества.

130

Существуют так называемые гомеостатические, «застывшие общества», в них историческая активность практически отсутствует, они стараются сохранить всякое, даже самое шаткое равновесие в противостоянии со своими внутренними и внешними врагами: природной средой и другими обществами. К каким только средствам не прибегают эти общества ради примирения! — всё это показывает, насколько гибкой и сговорчивой может быть человеческая натура; однако увидеть это может лишь сторонний наблюдатель, этнограф, вернувшийся из нашего исторического времени. Структура таких обществ отрицает даже само понятие «перемен». Здесь господствует конформизм: он считается единственным человеческим достоинством, и, пожалуй, только страх одичать, опуститься до уровня животных, ещё как-то ограничивает людей в их стремлении к косности. В таких обществах люди должны остаться такими же, чтобы не утратить человеческое лицо.

131

Появление политической власти совпало с последними великими техническими революциями: такими, например, как изобретение плавки железа. Она зародилась на пороге бескризисной эпохи, которая не будет испытывать глубоких потрясений вплоть до появления промышленности, но следует отметить, что одновременно со всем этим началось разложение кровнородственных связей. С тех пор смена поколений перестаёт быть простым естественным циклом и начинает перекликаться с чрезвычайно важным событием: сменой властей. Отныне необратимое время принадлежит исключительно властителю. Главной мерой необратимого времени теперь будут служить династии, а основным оружием — письменность. Именно в письменности язык обретает полную независимость как посредник между сознаниями. Но эта независимость также означает и самостоятельность власти, основанной на отчуждении, как главного связующего звена в обществе. Одновременно с письменностью появляется новое сознание, чьим носителем и передатчиком уже не является живой человек; это — безличная память, память управления обществом. «Письмена — это мысли государства, архивы — его память» (Новалис).

132

Летописи являются идеальным выражением для необратимого времени власти, а также незаменимым инструментом, поддерживающим в определённом русле целенаправленный, вероломный ход времени. Однако это чёткое русло постоянно размывает: от великих империй и их летописей подчас остаётся лишь пепел — это и приводит к забвению циклического, неизменного времени, в котором до сих пор живут крестьянские массы. Собственники истории придали времени определённый смысл: направление, одновременно являющееся и значением. Однако эта история разворачивается где-то в стороне: правители воюют между собой, делят добычу, мирятся и создают союзы, однако низов общества эти, казалось бы, грандиозные и значительные события никак не касаются, ибо всё это происходит отдельно от обыденной действительности. Вот почему история Восточных империй сводится для нас к истории религии: их хронологии ничего не донесли до нас, кроме самостоятельной истории окутывавших их иллюзий. Господа, под покровительством

мифа сделавшие историю своей частной собственностью, прежде всего, владеют ей в качестве иллюзии: в Китае и в Египте они долгое время утверждали за собой монополию на бессмертие души; все их знаменитые ранние династии являются не более чем мифами о прошлом. Но обладание иллюзиями в то время является единственно возможным способом обладания всей историей, как общей, так и частной — историей господ. Усиление власти господ над историей происходит параллельно с вульгаризацией обладания иллюзией и мифом. Всё это происходит по той простой причине, что по мере того, как господа возлагали на себя обязанность обеспечивать посредством мифа постоянство циклического времени, сами они лишь освобождались от него, в чём можно убедиться на примере сезонных ритуалов китайских императоров.

133

Сухая, никем не разъясняемая хронология обожествлённой власти предпочитает, чтобы её подданные воспринимали эту историю лишь как претворение в жизнь каких-то смутных мифических заповедей. Однако она отнюдь не всесильна, её можно преодолеть и сделать сознательной историей, но для этого нужно, чтобы исторический процесс вовлёл в себя массы и был прожит ими. Отсюда возникает новый способ общения между теми, кто признал в ближнем обладателя исключительной, целостной и самобытной реальности, испытал на себе всё многообразие и красочность окружающего мира, и именно в эпоху такого осознания появится основной язык исторического общения. Те, для кого будет существовать необратимое время, откроют в нем одновременно и достопамятное, и подверженное забвению: «Геродот из Галикарнаса излагает здесь добытые им сведения, дабы время не уничтожило деяния людей...».

134

Суждение об истории неотделимо от суждения о власти. Древняя Греция была тем редким государством, где власть и её изменение обсуждалась и понималась — как демократия господ. Именно этим Греция и отличалась от деспотических государств, где власть давала отчёт только себе самой в своих действиях, предпочитая безысходно метаться из стороны в сторону в кромешной темноте, дабы никто не видел её беспомощности: это прекрасно иллюстрируют дворцовые перевороты, которые, даже невзирая на их исход, никогда не обсуждались. Между тем власть, распределённая по греческим полисам, проявлялась лишь в растрате общественной жизни, благоденствие которой поддерживалось подневольными классами, которые были полностью отчуждены от результата собственного труда. «Кто не работает — тот ест». В результате междоусобной борьбы греческих полисов за право эксплуатировать иноземные колонии, отчуждение, ранее присутствовавшее лишь внутри общества, распространилось вовне. Древняя Греция, некогда мечтавшая о всемирной истории, так и не смогла ни объединиться перед угрозой вторжения, ни даже унифицировать календари среди своих независимых городов. В Греции историческое время стало сознательным, но ещё не осознало само себя.

135

Исчезновение богатых греческих городов неизбежно повлекло за собой упадок всей западной исторической мысли, однако реабилитации прежнего господства мифа, как ни странно, не произошло. Во вражде народов Средиземноморья, в формировании и падении Римской империи возникли полуисторические религии, ставшие решающими факторами для нового сознания времени, а также новыми доспехами для власти, основанной на отчуждении.

136

Монотеистические религии были компромиссом между мифом и историей, между циклическим временем, всё ещё доминировавшим в производстве, и временем необратимым, в котором сталкивались и перемешивались целые народы. Вышедшие от иудаизма религии являются абстрактным универсальным признанием необратимого времени, которое отныне становится демократичным, открытым для всех, но лишь в рамках иллюзии. Здесь время неумолимо приближается к своей последней точке, за которой уже не будет ничего, кроме «Царства Божьего». Но даже несмотря на то, что эти религии возникли и утвердились на исторической почве — сами они всё равно остаются в непримиримой оппозиции по отношению к истории. Полуисторические религии устанавливают качественную точку для начала отсчёта времени: Рождество Христово, переселение Магомета, после чего необратимое время даёт отмашку флагом для гонки накопления, которое затем в исламе примет облик завоевания, а в реформационном христианстве — накопления капитала. Однако в религиозной мысли необратимое время превращается в некий обратный отсчёт: отныне все ждут Страшного Суда, после которого можно будет переселиться в новый, лучший мир. Вечность вышла из понятия о циклическом времени, но по отношению к нему сама она стоит особняком. Вечность умаляет необратимость времени, упраздняет историю в самой истории, становясь по ту сторону необратимого времени, превратившись в точку, в которое циклическое время вернулось и самоуничтожилось. Боссюэ скажет: «И через преходящее время мы входим в непрерывную вечность».

137

Средневековье — это недостроенный мир мифа, чьё завершение находилось вне самой эпохи. Этим завершением явился момент, в результате которого циклическое время, всё ещё регулировавшее основную часть производства, было окончательно подточено историей. Отныне необратимость времени можно, безусловно, распознать во всём: в старении организма, в представлении о жизни, как о бесконечном странствии по миру в тщетных поисках смысла; пилигрим — это человек, покинувший циклическое время, ради того чтобы стать символическим олицетворением каждого из нас. Историческая жизнь каждой личности до сих пор выражает себя в сфере власти, в участии в борьбе, ведущейся властью или за власть; однако необратимое время власти существует и распределяется между властителями в рамках направленного времени христианской эры, т. е. в мире, где вера утверждается оружием, и вся деятельность господ вращается вокруг доверия церкви и последующего оспаривания между собой этого доверия. Феодалное общество возникло в результате встречи «организационной структуры завоевательной армии в том виде, который она получила в ходе завоевания» и «производительных сил, обнаруженных в завоёванной стране» («Немецкая идеология»). Но так как у этих производительных сил была

своя внутренняя организация, свой религиозный язык, с которым приходилось считаться, — власть над обществом пришлось делить между собой церкви и государству, причём последнее в свою очередь было расколото из-за запутанных отношений между сюзеренитетом и вассалитетом территориальных ленов и городских коммун. Во всём этом многообразии исторической жизни необратимое время втихомолку захватило глубины общества; в нём стала жить буржуазия в производстве товаров; а в основании и расширении городов, торговом освоении Земли (невиданным по размаху эксперименте, навсегда покончившим с мифической организацией космоса) — это время начало постепенно проявлять себя как основной результат скрытой работы эпохи, в то время как официальное великое историческое предприятие Средневековья потерпело крах вместе с крестовыми походами.

138

На закате Средневековья необратимое время, захватившее общество, воспринималось сознанием, всё ещё привязанным к древнему порядку, в форме одержимости смертью. Это меланхолия была вызвана гибелью последнего мира, где надёжность и незыблемость мифа ещё уравнивала историю; для этой меланхолии весь современный мир казался загнивающим и чудовищно пошлым. Грандиозные восстания крестьян в Европе, кроме всего прочего, были попыткой ответа на историю, насильственно вырвавшим их из пасторального сна, который раньше обеспечивало феодальное покровительство. Именно хилиастическая утопия осуществления рая на земле выводит на первый план то, что некогда стояло у истока полуисторической религии. Ведь первые христианские общины, как и иудейское мессианство, из которого они происходили, на все несчастья и беды эпохи отвечали ожиданием близящегося Царства Божьего и поэтому передавали элементы беспокойства и неповиновения античному обществу. Чуть только христианство стало делиться властью внутри своей империи, оно само добровольно начало развенчивать жалкие остатки своей веры как банальные предрассудки. Именно в этом и заключается смысл утверждения Августина, прототипа одобрения в современных идеологиях, согласно которому, существующая церковь и является, причём уже давно, тем самым желанным царством, о котором все говорят. Социальные бунты хилиастического крестьянства прежде всего ставят себе целью уничтожение этой церкви. Однако не стоит забывать, что хилиазм разворачивается в историческом мире, а не на территории мифа. Упования современных революционеров вовсе не являются наследием религиозной страстности хилиазма, как то утверждает Норман Кон в своих «Поисках тысячелетнего царства». Как раз наоборот, хилиазм, революционная классовая борьба, описанная языком религии, — является современной тенденцией в революционной борьбе, впрочем, ей всё ещё недостаёт исторического сознания. Хилиастам суждено было потерпеть поражение, потому что они не смогли распознать свои действия как революцию. То обстоятельство, что они, прежде чем приступить к активным действиям, ждали, пока Бог им подаст знак свыше, на деле оборачивалось тем, что восставшие крестьяне были вынуждены следовать за вождями, не принадлежавшими их сословию. Крестьянский класс не смог добиться верного осознания того, как функционирует общество, и того, каким же образом следует вести собственную борьбу, потому что ему не хватало сплочённости в своих действиях и сознании, в результате чего крестьянство вынуждено было выражать свои требования и вести войны, сообразуясь с фантазиями о земном рае.

139

Далее для исторической жизни наступает новый этап — Возрождение, реабилитировавшее Античность и обнаружившее в ней своё прошлое и свою правовую основу, но вместе с тем радостно распрощавшееся с вечностью. Необратимое время эпохи Возрождения представляет собой бесконечное накопление знаний и исторического сознания, выросшего из опыта демократических коммун, а также сил, которые их уничтожили. Начиная с Макиавелли, рассуждения о десакрализованной власти будут превосходно описывать государство. В роскошной жизни итальянских городов, в искусстве и праздниках жизнь превращалась в наслаждение мимолётностью времени. Однако это наслаждение мимолётностью само было мимолётным наслаждением. Песня Лоренцо Медичи, которую Буркхардт считал выражением «самого духа Возрождения», является элегией, в которой этот недолгий праздник истории сам выносит себе неутешительный приговор: «Как юность прекрасна, но как скоро проходит она».

140

Постоянное стремление государства к монополизации исторической жизни, осуществляемое поначалу абсолютной монархией (временной формой, предваряющей собой полное торжество буржуазии), выставляет напоказ то, что называется необратимым временем буржуазии. Буржуазия неразрывно связана с рабочим временем, впервые освободившимся от оков циклического времени. С появлением буржуазии работа стала трудом, преобразующим исторические условия. Буржуазия — это первый господствующий класс, для которого труд стал стоимостью. И буржуазия, не признающая никаких привилегий, никаких богатств, если они, конечно же, не являются следствием эксплуатации труда, справедливо отождествила с трудом свою собственную ценность как господствующего класса, и превратила прогресс труда в свой собственный прогресс. Класс, накапливающий товары и капитал, непрерывно изменяет природу путём видоизменения труда, что получается благодаря усиленному стимулированию его производительности. Вся общественная жизнь отныне сосредоточена вокруг показательной бедности двора и тусклого наряда государственной администрации, достигшей действительного мастерства в «королевском ремесле»; отныне утрачена всякая частная историческая свобода. Свобода необратимой временной деятельности феодалов окончательно исчерпалась в проигранных битвах Фронды и восстании шотландцев под руководством Чарльза-Эдуарда. Мир перевернулся в самой своей сути.

141

Победа буржуазии означает торжество внутреннего исторического времени, так как оно является временем экономического производства, которое постоянно, всесторонне преобразует общество. Пока аграрное производство остаётся основной деятельностью человека, циклическое время, всё ещё существующее в низших слоях общества, питает коалиционные силы традиции, сковывающие всеобщее движение. Впрочем, необратимое время буржуазной экономики успешно искореняет эти пережитки по всему миру. История, до сих пор казавшаяся лишь деятельностью отдельных представителей господствующего

класса и поэтому писавшаяся как история событийная, отныне понимается как всеобщее движение, и всякая личность приносится в жертву этому жестокому движению. История наконец открывает свою собственную основу: политическую экономию, а значит, ей становится известно о своём бессознательном, однако все боятся пролить свет на это бессознательное, и оно и дальше остаётся таковым. Получается, что рыночная экономика демократизировала лишь это слепую предысторию, новый рок, над которым никто не властен.

142

История, утвердившая себя в самой сердцевине общества, похоже, начинает исчезать с его периферии. Триумф необратимого времени привёл, помимо прочего, к тому, что оно превратилось во время вещей; это было вызвано тем, что сообразное с законами рынка массовое производство вещей послужило главным оружием его победы. Получается, что именно история стала основным продуктом, который экономическое развитие перевело из разряда труднодоступной роскоши в разряд обыденного потребления, но так вышло, что эта история превратилась в историю абстрактного движения вещей, подмявшего под собой всякое качественное потребление жизни. И если раньше циклическое время всячески содействовало становлению исторического времени, проживаемого индивидами и группами, то господство необратимого времени производства стремится устранить это проживаемое время в рамках общества.

143

Итак, буржуазия заставила признать и навязала обществу необратимое историческое время, однако отказало ему в использовании этого времени. «История была, а теперь её нет», потому что классу собственников экономики, который уже не в состоянии порвать свои отношения с экономической историей, непосредственно угрожает всякое необратимое использование времени, и он всячески пытается его подавить. Господствующий класс складывается из специалистов по обладанию вещами, каковыми они становятся исключительно благодаря обладанию — именно поэтому этот класс обязан связать свою судьбу с поддержанием подобной овеществлённой истории, поддержанием новой неподвижности внутри истории. Попервоначально трудящийся, хотя он и находился на самом дне общества, не был материально чужд истории, ведь лишь благодаря ему общество развивалось необратимо. В выдвигаемом им требовании на проживание исторического времени пролетариат обнаруживает точную и неизменную суть своего революционного проекта, и всякая попытка воплощения этого проекта в жизнь, пускай все они до сих пор не увенчались успехом, напоминает о возможности начала новой исторической жизни.

144

Необратимое время пришедшей к власти буржуазии тоже поначалу заявило о себе посредством утверждения нового календаря и новой точки начала летоисчисления — I года Республики. Но это безобразие продолжалось до тех пор, пока революционная идеология всеобщей свободы, сумевшая смести последние остатки мифической организации ценностей и всю традиционную регламентацию общества, не проявила желание облечься в

римские тоги, иначе говоря, свести понятие свободы к всеобщей свободе торговли. В конце концов рыночное общество обнаружило, что ему придётся восстанавливать былую пассивность, устои которого оно прежде так успешно расшатало ради установления собственного единоличного господства — оно снова «обретает в христианстве с его культом абстрактного человека <...> наиболее подходящее для себя религиозное дополнение» («Капитал»). И тогда буржуазия пошла на уступки этой религии: найденный компромисс касался также и представления времени. Буржуазия отказалась от собственного календаря, её необратимое время влилось в христианскую эру и продолжило её последовательность.

145

С развитием капитализма необратимое время устанавливается и унифицируется в мировом масштабе. Всемирная история становится реальностью, ибо весь мир включается в её временной процесс. Однако то, что история везде становится одинаковой, означает лишь отказ от истории в рамках самой истории. Именно время экономического производства, расчленённое на равные абстрактные промежутки, представляется нам в виде дней. Унифицированное необратимое время — это время мирового рынка и, соответственно, мирового спектакля.

146

Необратимое время производства является, прежде всего, мерой товаров. Следовательно, время, которое нынче официально и повсеместно утверждается как единое общественное время, на самом деле всего лишь выражает чьи-то корыстные интересы и является не более чем частным временем.

ГЛАВА VI. Зрелищное время

“ «Нам ничего не принадлежит, кроме нашего времени; во времени живет даже тот, у кого нет пространства.»

Бальтасар Гарсиан «Карманный оракул или наука благоразумия»

147

Время производства (товарное время) состоит из бесконечного числа одинаковых промежутков. Оно является абстракцией необратимого времени, причём часы отмечают лишь количественное равенство его промежутков. По сути, такое время является меновым. Именно когда в обществе господствует товарное время, «время есть всё, человек — ничто, он всего-навсего каркас времени» («Нищета философии»). Такое обесценивание времени означает его отрицание как «пространства человеческого развития».

148

Всеобщее время человеческого не-развития существует также в своём побочном проявлении: потребляемом времени, которое входит в повседневную жизнь общества, определяемую производством, в виде псевдоциклического времени.

149

Псевдоциклическое время на самом деле является лишь доступной для потребления вершиной айсберга товарного времени производства. Оно обладает всеми его характерными чертами, а именно: наличием равноценных единиц обмена и тенденцией к уничтожению своей качественной составляющей. Но, будучи побочным продуктом того времени, которое предназначено для угнетения частной повседневной жизни и для утверждения этого угнетения, оно должно быть нагружено псевдоценностями и являться в виде вереницы якобы индивидуализированных и неповторимых событий.

150

Псевдоциклическое время является временем потребления текущего уровня экономического выживания, прибавочной стоимости выживания, при этом в повседневной жизни по-прежнему отсутствует выбор, по-прежнему имеются ограничения, но вызванные уже не естественным, природным порядком, а псевдоприродным — результатом разделения

труда. Такое время естественным путём восстанавливает древний циклический ритм, который управлял выживанием доиндустриальных сообществ. Псевдоциклическое время как раз и зиждется на естественных основах циклического времени и создаёт новые похожие комбинации: день и ночь, еженедельный труд и отдых, повторение периодов отпусков и т. д.

151

Псевдоциклическим временем называется время, преобразованное промышленностью. Время, основывающееся на производстве товаров, само, в свою очередь, является потребляемым товаром, причём оно вбирает в себя всё то, что раньше, до крушения прежнего единого общества, различалось как частная жизнь, хозяйственная жизнь, политическая жизнь. Доходит до того, что всё потребляемое время современного общества становится сырьём для новых разнообразных продуктов, которые, будучи выставлены на рынок, заявляют о себе ни много ни мало как о новом расписании, согласно которому общество должно будет в дальнейшем проводить всё своё время. Как гласит «Капитал»: «Продукт, уже существующий в форме, делающей его пригодным для потребления, может, в свою очередь, стать первичным материалом для другого продукта».

152

В любом секторе производства, где удалось достигнуть значительных успехов, капитализм старается наладить продажу так называемых «полностью укомплектованных» блоков времени, каждый из которых представляет собой единый унифицированный товар, включающий в себя некоторое количество различных других товаров. Наиболее интенсивно сейчас развивается сфера услуг и развлечений, и именно поэтому там возникают такие формы оплаты как «всё включено». Это касается и покупки недвижимости, и мнимой смены обстановки, которую мы испытываем, отправляясь всем скопом в отпуска. Это касается и того, как мы подписываемся на культурное потребление и покупаем общение как таковое, посредством разнообразных «ток-шоу» и «встреч со звёздами». Однако не очевидно ли, что подобный зрелищный товар, которым нас потчует спектакль, имеет столь большой спрос лишь потому, что дефицитом стала сама соответствующая реальность!? Разве не ясно, что именно благодаря этому так увеличился спрос на различную бытовую технику, которую можно приобрести в кредит? — посмотрите хотя бы на полосы объявлений в газетах, не трудно убедиться, что такой вид предложений там доминирует!

153

Потребляемое псевдоциклическое время является зрелищным не только как время потребления образов (в узком смысле), но и даже шире: как образ потребления времени. Время потребления образов, т. е. среда обращения всех товаров, одновременно выступает и как некое поле, где всецело задействованы все методы спектакля, и как цель: некая парадигма, одинаковая форма для любого потребления. Известно, что современное общество везде стремится к выигрышу во времени, идёт ли речь о скорости транспортных средств или о приготовления супа из пакетиков; этой идеей постоянно гипнотизируют население Соединённых Штатов, причём время, которое американец проводит за

телевизором, уже достигает в среднем трёх-четырёх часов в сутки. В свою очередь, общественный образ потребления времени довлеет над периодом досуга и отпусков, иначе говоря, событий, потребляемых на расстоянии и желанных только в период предварительного ожидания, подобно любому зрелищному товару. В данном случае товар открыто подаётся как событие реальной жизни, и из года в год мы ждём его циклического возвращения. Но даже в подобных событиях жизни, которые, казалось бы, мы можем лишь действительно проживать, спектакль вновь демонстрирует и воспроизводит себя, становясь даже ещё более интенсивным. То, что было представлено как действительная жизнь, на самом деле разоблачает себя как жизнь ещё более зрелищная.

154

В нашу эпоху принято считать, что наконец-то, мол, вернулось время непрерывного праздника, но на самом деле нынешняя эпоха совершенно лишена каких бы то ни было праздников. То, что при циклическом времени называлось всеобщим соучастием в роскошной растрате жизни, стало невозможным для социума, лишённого всякой общности и роскоши. Все его вульгарные псевдопраздники несут с собой лишь гнусную пародию на общение и раздачу подарков; даже когда им сопутствуют излишние экономические траты, они всё равно приводят лишь к разочарованию и горькому похмелью, которое затем компенсируется обещанием нового разочарования. В спектакле, чем ниже потребительная стоимость текущего времени выживания, тем выше цена, по которой его предлагают. Действительность времени оказалась замещённой рекламой времени.

155

Если потребление циклического времени в древних обществах соответствовало действительно циклическому труду в этих обществах, псевдоциклическое потребление при развитой экономике оказалось в противоречии с необратимым абстрактным временем её производства. Если циклическое время было временем неизменной иллюзии, проживаемой реально, зрелищное время является временем постоянно изменяющейся реальности, проживаемой иллюзорно.

156

Такого понятия как инновация, возникающего в процессе производства вещей, не существует для потребления, которое всегда остаётся повторением одного и того же, только в ещё больших объёмах. Именно потому, что мёртвый труд продолжает господствовать над живым трудом, во времени спектакля прошлое господствует над настоящим.

157

Ещё одной стороной проявления всеобщего дефицита исторической жизни является то, что частная жизнь всё ещё не имеет истории. Псевдособытия, посредством спектакля наваливающиеся всей своей массой на проинформированного о них индивида, на самом деле им не проживаются, и более того, просто теряются в общем потоке, ведь с каждым

новым импульсом, исходящим от спектакля, одно псевдособытие моментально сменяется другим. Далее, получается, что всё действительно переживаемое человеком лишено какой бы то ни было связи с официальным необратимым временем общества и, тем более, находится в прямом противоречии с его псевдоциклическим потребляемым побочным продуктом. Это индивидуальное проживание разделённой, отчуждённой повседневной жизни лишено своего языка, своей концепции, у него нет критического подхода к собственному прошлому, которое невозможно запомнить. С ним нельзя никак установить связь. Оно остаётся непонятым и забытым в угоду ложной памяти спектакля — памяти беспамятства.

158

Спектакль как современная социальная организация паралича истории и памяти, отказа от истории, утвердившаяся на основании исторического времени, представляет собой ложное сознание времени.

159

Предварительным условием для сведения трудящихся к положению «свободных» производителей и потребителей товарного времени являлась насильственная экспроприация их времени. Возвращение этого времени в рамках спектакля стало возможно лишь благодаря этой первичной потере.

160

В труде до сих пор сохраняется биологическая составляющая, и её ни в коем случае нельзя недооценивать; заключается она как в естественной смене циклов сна и бодрствования, так и в очевидности того, что индивидуальная жизнь протекает в необратимом времени. Однако получается, что как раз этой составляющей труда современное производство просто-напросто пренебрегает. Эти элементы не принимаются в расчёт победными планами развития производства и приносятся им в жертву, являясь, тем самым, выражением этой непрерывной победы. Сознание зрителя засосало в воронку фальшивого мироощущения, и теперь он уже не воспринимает жизнь ни как стремление к самореализации, ни как стремление к смерти. Тот, кто однажды уже отказался от потребления своей собственной жизни, уже не в состоянии допускать возможность своей смерти. Реклама страхования жизни внушает такому человеку то, что он будет сам виноват в своей смерти, если заранее не обеспечит нормальное функционирование системы после такой «невосполнимой экономической утраты». Реклама the American way of death, в свою очередь, настаивает на том, что система способна обеспечить подобные условия существования для большинства человеческих видимостей жизни. На всех фронтах рекламного наступления категорически запрещено стареть. Однако даже если бы для всех и каждого был выдуман некий «капитал молодости», его всё равно можно было использовать лишь посредственно, и он никогда бы не стал таким же устойчивым и накапливающимся, как финансовый капитал. Таким образом, социальное отсутствие смерти равнозначно социальному отсутствию жизни.

161

Время, как показал Гегель, проявляется в неизбежном отчуждении — это среда, где субъект реализует себя, себя же утрачивая, где он становится другим ради того, чтобы обрести своё истинное «Я». Однако для господствующего отчуждения верно как раз обратное: отчуждению здесь подвергается тот, кто производит отчуждённую реальность. Благодаря этому всеобщему отчуждению общество, похищающее у субъекта продукт его собственного труда, отделяет его, прежде всего, от его собственного времени. Это социальное отчуждение следует преодолеть, ибо оно мешает и не даёт насладиться всеми возможностями и опасностями отчуждения проживаемого времени.

162

На беспокойной поверхности созерцательного псевдоциклического времени то и дело возникают и вновь исчезают различные мнимые модные течения. Однако под ними всегда существует течение большого стиля эпохи, которое ориентировано на очевидную и тайную необходимость революции.

163

Естественная суть времени, иначе говоря, ощущение его протекания, станет подвластной человеку и обществу, только когда время будет существовать ради человека. Строгие законы человеческой деятельности, а также труд на разных стадиях его развития — вот, что до сих пор гуманизировало и одновременно дегуманизировало как циклическое, так и отчуждённое необратимое время экономического производства. Революционный проект по реализации бесклассового общества, возведённый в принцип исторической жизни, является проектом по уничтожению всякой общественной меры времени в пользу игровой модели необратимого времени для индивидов и групп, модели, в которой дружно сосуществуют множество времён, заключивших между собой вечный союз. В сфере времени это называется программой по полномасштабному претворению в жизнь коммунизма, который, как известно, упраздняет «всё, что существует независимо от индивидов».

164

Миром уже завладела мечта о времени, сознанием которого мир должен обладать, чтобы действительно его прожить.

ГЛАВА VII. Обустройство территории

“ «И тот, кто станет властелином города, издавна привыкшего жить свободно, и пощадит его, пусть от города не ждёт пощады, потому что там всегда сыщется повод для мятежей во имя свободы и своих старых порядков, которые ни за давностью времени, ни за какие благодеяния не забудутся никогда. Что для них ни делай, и как ни старайся, но если не изгнать и не рассеять его жителей, они ни за что не забудут ни названия своего города, ни свои обычаи...»

Макиавелли «Государь»

165

Капиталистическое производство унифицировало пространство, теперь оно уже не граничит ни с какими внешними по отношению к нему обществами. Эта унификация является одновременно и экстенсивным, и интенсивным процессом опошления и обезличивания. Накопление товаров массового производства в абстрактном пространстве рынка привело к разрушению всех региональных и таможенных барьеров, а также корпоративных ограничений средневековья, которые обеспечивали прежде качество ремесленного производства; теперь это привело также к уничтожению автономии и качества мест обитания человека. Сила усреднения и унификации оказалось той самой тяжёлой артиллерией, которой суждено было сокрушить все китайские стены.

166

Отныне только свободное пространство товара имеет возможность постоянно модифицироваться и благоустраиваться ради того, чтобы ещё более отождествиться со своей сущностью и утвердить свои границы и внутреннее устройство.

167

Общество, широким жестом упраздняющее любые географические расстояния, лишь воссоздаёт эти расстояния внутри себя, в виде разделения в рамках спектакля.

168

Туризм, человеческий кругооборот, рассматриваемый как потребление, является побочным продуктом кругооборота товаров, и сводится, по своей сути, к одному единственному развлечению: поехать и посмотреть на то, что уже стало банальным. Наличие экономической организации посещения различных достопримечательностей уже обеспечивает одинаковость этих достопримечательностей. Та же самая модернизация, благодаря которой из путешествия было изъято время, которое раньше тратилось на перемещение в пространстве, отняла у него и реальность самого такого перемещения.

169

Общество, способное самостоятельно воссоздать всё, что его будет окружать, выработало особую технологию для изменения самого рельефа своей территории, т. е. основную базу для поставленной задачи. Урбанизм — это захват капитализмом в собственность человеческой и природной среды; отныне сам капитализм, по мере логического развития к своему абсолютному господству, может и должен перестраивать всё свое пространство как собственную декорацию.

170

Капиталистическая необходимость, удовлетворяемая урбанизмом в форме видимого замораживания жизни, может выражаться — используя термины Гегеля — как абсолютное преобладание «безмятежного сосуществования пространств» над «беспокойным становлением их во времени».

171

Если все технологические силы капиталистической экономики следует воспринимать как орудия для создания отчуждения, то в случае урбанизма мы имеем дело со средством, обеспечивающим общую основу для таких сил: урбанизм возделывает благодатную почву для их развития. Урбанизм является самой главной технологией разделения.

172

Урбанизм является новым эффективным средством для сохранения классовой структуры власти: благодаря ему поддерживается разобщение и атомизация трудящихся, которых условия производства собрали в сплочённую и готовую взорваться в любой момент компактную массу. Долгое время власть вела борьбу за то, чтобы не дать трудящимся окончательно объединиться, урбанизм определил успех этой борьбы. Власть, наученная горьким опытом французской революции, все свои средства и усилия направляла на поддержание порядка на улицах; она добилась своего, ликвидировав улицы. «С возникновением средств массовой коммуникации с большим радиусом действия было доказано, что изоляция является самым действенным средством для удержания населения под контролем» — констатирует Льюис Мамфорд в своей книге «Город в истории». Однако общее развитие изоляции, являющееся плодом урбанизма, должно также включать в себя контролируемую реинтеграцию трудящихся в соответствии с планируемыми запросами производства и потребления. Интеграция в систему подразумевает, чтобы изолированные

индивиды включались в неё совместно изолированными, — поэтому и заводы, и учреждения культуры, и курорты, и спальные районы — все они организованы так, чтобы поддерживать «псевдоколлективность», которая сопровождает индивида даже в семейной ячейке, в семейной тюрьме. Повсеместное использование приёмников зрелищных передач лишь способствует тому, чтобы индивид утолял свою изоляцию господствующими образами, которые и достигли своего господства исключительно благодаря подобной изоляции.

173

Впервые новации в архитектурном стиле, которым ранее отводилась единственная роль — удовлетворять запросы господствующих классов, оказались предназначены непосредственно для бедных. Широчайшее распространение данного способа проживания и его формальная нищета, целиком и полностью вытекают из его массового характера, который скрывается одновременно и в его назначении, и в современных условиях строительства. Авторитарная мысль, которая абстрактно организует территорию в территорию абстракции, является, очевидно, первоосновой для современных условий строительства. Во всех странах, где начинается индустриализация, возникает один и тот же архитектурный стиль, который становится подходящей почвой для внедрения нового вида общественной жизни. Можно лицезреть, что уже преодолены все пределы на пути наращивания материальных сил общества: это проявляется и на примере термоядерного вооружения, и на примере рождаемости (там дело дошло уже до манипуляций с наследственностью), и на примере урбанизма. Однако сознательного господства над этими материальными силами как не было, так и нет.

174

Сейчас мы уже можем наблюдать за саморазрушением городской среды. Наступление городов на сельскую местность, покрытую «бесформенными массами городских отходов» (по выражению Льюиса Мамфорда), напрямую диктуется императивами потребления. Диктатура автомобиля — главного продукта первой фазы товарного изобилия, проявляется в окружающей среде через господство хайвеев, которые расчлениют старые городские центры и требуют ещё большего их рассеяния. При этом осколки незавершённой перестройки городской структуры временно сосредотачиваются вокруг «раздаточных предприятий», гигантских супермаркетов, построенных на пустырях и окружённых парковками. Сами эти храмы ускоренного потребления, по мере того как они вызывают частичную перепланировку городской агломерации, вынуждены проталкиваться ещё дальше в своём центробежном движении, однако остановиться им не суждено, ибо везде они превращаются в перегруженные вторичные центры. Впрочем, техническая организация потребления является всего лишь одним из элементов того ужасающего разложения, что привело город к поеданию самого себя.

175

Экономическая история, в целом развивавшаяся вокруг противоположности города и деревни, достигла наконец такой стадии, на которой оба эти термина утрачивают смысл. Мы можем наблюдать сейчас паралич всего исторического развития, который призван

способствовать независимому развитию экономики в период, когда начинает исчезать и город, и деревня; однако это исчезновение происходит не через преодоление разрыва между ними, а через их одновременное разрушение. Стирание границ между городом и деревней, возникающее от недостатка исторического движения, благодаря которому и должна была бы быть преодолена городская действительность, проявляется в эклектическом смешении их разрозненных элементов, которые покрыли собой наиболее развитые индустриальные зоны.

176

Всемирная история возникла в городах, но своей завершённости она достигла лишь в результате сокрушительной победы города над деревней. По мнению Маркса, одной из важнейших революционных заслуг буржуазии было то, что «она подчинила деревню городу», чей воздух освобождает. Но если история города была историей свободы, то она также была и историей тирании, государственной администрации, управляющей и деревней, и самим городом. Город мог бы ещё быть полем битвы за историческую свободу, но никак не держателем этой свободы. Город — это вотчина истории, так как он концентрирует общественную власть, делая возможным грандиозное историческое предприятие: осознание прошлого. Следовательно, нынешняя тенденция к ликвидации города является всего лишь очередным тревожным симптомом того, что никак не получается подчинить экономику историческому сознанию, а также объединить общество, вернуть ему те силы, которые от него были отделены.

177

Что касается деревни, то там «наблюдается диаметрально противоположная тенденция к изолированности и разобщённости» («Немецкая идеология»). Урбанизация, разрушающая города, восстанавливает в виде одноэтажных пригородов некую псевдодеревню, которой явно не хватает естественных отношений старой деревни, равно как и непосредственных общественных связей, некогда напрямую соперничавших с историческим городом. Новое искусственное крестьянство воссоздаётся в современных условиях проживания и всеобщего контроля спектакля над «обустроенной территорией»: расплывённость в пространстве и ограниченный стиль мышления, которые всегда мешали крестьянству предпринимать независимые действия и утверждать себя в качестве творческой исторической силы, теперь становятся характерными чертами всех производителей вообще. Мировое развитие по-прежнему остаётся целиком за пределами их понимания, как это было и при естественном ритме аграрного общества. Но когда подобное крестьянство, некогда бывшее непоколебимой основой для «восточного деспотизма», и чья расплывённость сама взывала к бюрократической централизации, теперь восстанавливается как один из продуктов, способствующих усилению современной государственной бюрократизации, его апатию приходится исторически фабриковать, а затем и постоянно поддерживать. Естественное невежество уступает место организованному спектаклем намеренному заблуждению. «Новые города» технологического псевдокрестьянства чётко оставляют на земле, где они были построены, следы разрыва с историческим временем; их девиз мог бы быть следующим: «Вот здесь ничего никогда не произойдёт, и ничего никогда не происходило». Очевидно, по причине того, что история, которая всегда должна возникать в городах, —

здесь не возникла, силы исторического отсутствия начинают создавать здесь свой собственный исключительный ландшафт.

178

История, угрожающая этому сумеречному миру, также является и силой, способной подчинить пространство проживаемому времени. Пролетарская революция — это критика человеческой географии, посредством которой индивиды и сообщества должны обустривать территорию и организовывать события способствующие апроприации, но уже не только их труда, но и истории в целом. Пожалуй, это будет похоже на игру, чьё пространство и правила будут постоянно меняться, составляя бесчисленное множество комбинаций. Здесь автономия территории перестанет быть пустым словом, несмотря на то, что её никто не будет снова привязывать к почве, а значит, восстановится реальность перемещения в пространстве и жизни, понимаемой как странствие. А ведь странствие по жизни и заключает в себе весь её смысл!

179

Основная революционная идея по отношению к урбанизации сама по себе не является урбанистической, технологической или эстетической. Она заключается в том, чтобы реконструировать всю среду обитания сообразно с потребностями Советов трудящихся, антигосударственной диктатуры пролетариата, результату дискуссии, подлежащему исполнению. И власть Советов, которая может стать эффективной, лишь преобразуя всю полноту существующих условий, не может ставить перед собой какой-либо меньшей задачи, если она желает быть признанной и хочет познать саму себя в собственном мире.

ГЛАВА VIII. Отрицание и потребление в культуре

“ «Вы серьёзно считаете, что мы доживём до политической революции? — мы, современники этих немцев? Мой друг, вы тешите себя несбыточными надеждами.... Давайте, будем судить о Германии на основе её современной истории — более чем уверен, что вы не станете утверждать, что вся её история вымышлена, а вся сегодняшняя общественная жизнь не отражает действительных настроений народа. Почитайте газеты, какие хотите, и вы убедитесь, что мы не прекращаем (и заметьте, цензура никому в этом не мешает) прославлять нашу свободу и национальное счастье...»

Руге «Письмо Марксу», март 1843

180

В историческом обществе, разделённом на классы, культура является общей сферой познания, а также репрезентацией проживаемого; иными словами, это отделённая объединяющая сила, это разделение интеллектуального труда и интеллектуальный труд по разделению. Культура выделилась из единого общества мифа, «когда объединяющая сила исчезла из жизни человека, а противоположности утратили живые связи между собой и стали абсолютно самостоятельными...» («Различие систем Фихте и Шеллинга»). Добившись своей независимости, культура начинает обогащаться, причём самыми, что ни на есть, империалистическими методами, однако это уже означает закат её независимости. История, создающая относительную автономию культуры, а также некоторые идеологические иллюзии насчёт этой автономности, сама становится историей культуры. И вся победоносная история культуры может быть понята, в свою очередь, как история обнаружения её неполноты и как движение к самоупразднению. Именно в культуре принято искать утраченное единство. Но в этом поиске культура всё равно остаётся обособленной сферой, вынужденной отрицать сама себя.

181

Борьба между традицией и прогрессом является основным принципом внутреннего развития культуры исторического общества и продолжается лишь благодаря постоянным победам прогресса. Тем не менее культурный прогресс является не чем иным, как результатом всего исторического движения, которое, по мере осознания своей сущности, стремится превзойти собственные культурные предпосылки и отдаёт все свои силы, чтобы уничтожить всякое разделение.

182

В процессе накопления знаний об обществе, а также и по мере постижения истории как самого главного элемента культуры, возникает новое догматическое учение, проявляющееся в отрицании бога. Однако «первым необходимым условием для любой критики» является бесконечность самой критики. Там, где больше невозможно поддерживать единственность правил поведения, любое достижение культуры становится предпосылкой для её разложения. Нельзя забывать печальный опыт философии: любая дисциплина, добившаяся полной автономии, обречена на гибель, прежде всего в качестве претензии на полное объяснение всех процессов, происходящих в обществе, и более того, даже как вполне эффективный в своей сфере инструментарий. Нехватка рациональности в культуре, основанной на разделении, как раз и является причиной, обрекающей её на исчезновение, — победа рациональности уже созрела в ней как необходимая потребность.

183

Культура выделилась из истории, обрушившей устои старого мира; но в качестве обособленной сферы она всё ещё остаётся на уровне легитимного дискурса и смысловой коммуникации, т. е. в частично историческом обществе она до сих пор носит фрагментарный характер. Культура является бессмысленным осмыслением мира.

184

Существуют два противоположных исхода, два возможных конца культурной истории: в одном случае произойдёт её преодоление в целостной истории, в другом — она сохранится в качестве мёртвого объекта в зрелищном созерцании. Одно из этих направлений уже связало свою судьбу с социальной критикой, а другое — с защитой классово-власти.

185

Оба этих возможных конца культурной истории, так или иначе, скажутся как на всех аспектах познания, так и на всех аспектах чувственного восприятия; как выяснилось, искусство, в общем смысле этого слова, не смогло добиться подобной широты влияния. В случае познания существует два пути: может произойти либо тупое накопление каких-то обрывочных знаний, которые впоследствии окажутся абсолютно бесполезными, ибо задача одобрения существующих условий рано или поздно приведёт к тому, что познанию придётся отречься от своих собственных знаний. Но может возникнуть и теория практики, которая одна содержит в себе истину любого познания и владеет секретом его использования. В случае восприятия возможно либо саморазрушение под воздействием критики прежнего общего языка общества, либо его искусственное переустройство в рамках товарного спектакля, в иллюзорном восприятии непроживаемого.

186

По мере утраты своей общности, общество мифа также вынужденно теряет контакт и с подлинно общим языком: этот язык не будет обретён снова, пока расщепление образовавшейся инертной лжеобщности не будет преодолено возникновением действительно исторической общности. Когда искусство, являющееся общим языком для социальной инертности, становится независимым искусством в современном смысле этого слова, т. е. выделяется из породившего его религиозного космоса и становится продуктом разделённого индивидуального труда, оно превращается в движение, властвующее над всеобщей историей разделённой культуры. Утверждение независимости искусства означает начало его разложения.

187

Утрата языка коммуникации получила своё прямое выражение в современном процессе разложения всякого искусства, в его формальном уничтожении. Обратное, это движение выражает то обстоятельство, что новый общий язык должен быть заново обретён не в односторонней демагогии, не особо доходчиво рассказывающей всем остальным, что было прожито и чего не хватало в прошлом, а в практической деятельности, которая бы объединила в себе и само действие, и его язык. Дело заключается в том, чтобы действительно добиться общности диалога и игры со временем, т. е. воспроизвести эту общность в поэтично-художественном произведении.

188

Искусство, став самостоятельным, изображает свой мир исключительно в ярких красках. Но одновременно с этим сама жизнь начинает тускнеть, и её уже нельзя омолодить ничем, в лучшем случае, её можно вызывать в воспоминании. Так величие искусства начинает проявляться лишь при полном упадке жизни.

189

Начиная с эпохи барокко, историческое время, вторгшееся в искусство, отпечаталось на самом искусстве. Барокко — это искусство мира, утратившего свой центр, ибо в нём исчез последний признанный средневековым мифический порядок космоса и земного правления: распалось единство Христианского мира, сгинул во тьме призрак Империи. Отныне искусство изменения, искусство эпохи перемен должно само нести в себе эфемерное начало, открытое им в мире. Оно променяло, по выражению Эугенио д'Орса, «вечность на сиюминутность жизни». Театр и фестиваль, театральное празднество стали важнейшими достижениями барокко, в них любая художественная выразительность обретает смысл лишь по отношению к декорации, к воссозданному месту действия. Эта конструкция сама по себе становится центром унификации, и центр этот служит переправой через бурную реку хаоса, шатким равновесием в динамическом беспорядке целого. Та важность, порою чрезмерная, которую приобретала концепция барокко в тогдашних дискуссиях по эстетике, была выражением тех опасений, что художественный классицизм невозможен. Ведь в течение целых трёх веков все усилия, направленные на создание нормативного классицизма или неоклассицизма, привели лишь к появлению недолговечных, надуманных конструкций, которые пользовались внешним языком государства, языком абсолютной

монархии или революционной буржуазии, облачившейся в римские тоги. По следам барокко прошли в дальнейшем все течения от романтизма до кубизма: все они принадлежали, в конечном итоге, лишь ко всё более и более индивидуализирующемуся искусству отрицания, непрерывно обновляющемуся вплоть до окончательного раздробления и отрицания самой художественной сферы. Исчезновение исторического искусства, которое было неразрывно связано с внутренней коммуникацией элиты общества и имело полунезависимую социальную базу в тех частично игровых условиях, которые ещё проживали последние аристократы, также выразило тот факт, что капитализм стал первой классовой властью, объявившей себя свободной от онтологического качества. Его власть, заключающаяся в простом управлении экономикой, привела в конце концов к утрате человеческого достоинства. Искусство барокко, как давно потерянное единство для художественного созидания, вновь как бы воспроизводится в современном потреблении всего художественного прошлого. Историческое познание и признание всего искусства прошлого, ретроспективно представляемого в виде мирового искусства, сваливает его в одну кучу, и этот глобальный беспорядок, в свою очередь, создаёт над собой барочную надстройку — строение, в котором должны смешаться продукты самого барочного искусства и всех его последователей. Отныне искусство всех цивилизаций и эпох может быть понято и принято одновременно. Возникновение целых «коллекций сувениров» из истории искусства означает конец мира искусства. В наш век музеев, когда уже невозможна никакая художественная коммуникация, все созданные творения искусства могут быть приняты на равных правах, ведь никто из них не пострадает от утраты своих особых условий коммуникации, тем более, что сейчас исчезли вообще любые условия для коммуникации.

190

Движение отрицания, пытающееся преодолеть искусство в историческом обществе, где история ещё не была прожита, т. е. искусство в эпоху своего разложения, является одновременно и искусством изменения, и чётким выражением невозможности любого изменения. Чем грандиозней его претензии, тем меньше эти претензии претворяются в жизнь. Это искусство является авангардом лишь поневоле, и поэтому-то оно и не является авангардом. Его авангардизм — в его исчезновении.

191

Дадаизм и сюрреализм — два течения, отмечающие конец современного искусства. Они являются, хотя и лишь относительно сознательным образом, современниками последней великой битвы пролетарского движения; поражение этого движения, заключившее их внутри того самого художественного поля, дряхлость которого они ранее провозглашали, и стало основной причиной их застоя. Дадаизм и сюрреализм одновременно исторически связаны и противоположны друг другу. В этом противостоянии, за которым обе стороны признают важнейший и радикальный вклад в свои течения, проявляется внутренняя недостаточность их критики, которая и там и там была слишком односторонней. Дадаизм стремился упразднить искусство, не воплощая его, а сюрреализм хотел воплотить искусство, не упраздняя его. Критическая позиция, позже выработанная ситуационистами, показала, что и упразднение, и воплощение искусства являются двумя нераздельными аспектами одного и того же преодоления искусства.

192

Зрелищное потребление, сохраняющее старую культуру в застывшем состоянии, а также держащее под контролем любые возникающие в ней отрицающие тенденции, открыто становится в культурном секторе тем, чем оно скрыто является по сути своей: коммуникацией некоммуникабельного. Бедность современного языка с цинизмом официально признаётся как нечто положительное, ведь речь в данном случае идёт о пропаганде примирения с текущим положением дел, — ныне отсутствие любой коммуникации провозглашается с нескрываемым восторгом. Критическая истина этого обеднения, которая отражается на жизни современной поэзии и современного искусства, очевидно, становится скрытой, чуть только спектакль, чья функция — заставить забыть историю в культуре, применяет в псевдоновизне своих модернистских средств ту же стратегию, что помогла в своё время образовать само его ядро. Таким образом и получается, что может провозглашать себя, как нечто новое, школа нео-литературы, которая попросту признаёт, что для неё написанное нужно лишь для последующего созерцания. Кроме того, наряду с простым провозглашением самодостаточности красоты разрушения коммуникации, любая новая тенденция в культуре спектакля (от которой требуется помимо прочего хорошо сочетаться с полицейской организацией современного общества) стремится посредством «комплексных произведений» внести что-то новое в неохудожественную среду, и без того составленную из разрозненных элементов. Особенно это заметно в урбанизме, куда активно внедряются остатки художественности или эстетико-технологические гибриды. На уровне псевдокультуры спектакля всё это является выражением общего проекта развитого капитализма, который нацелен на то, чтобы вновь захватить разобщённого труженика как «личность, полностью интегрированную в коллектив», — эту тенденцию описали современные американские социологи (Райсмэн, Уайт и др.). Повсюду заметен один и тот же проект — перестройка без последующего создания общности.

193

Когда культура становится товаром, она должна стать также ведущим товаром общества спектакля. Кларк Керр, один из самых радикальных последователей этого учения, подсчитал, что на данный момент целостный процесс производства, распределения и потребления знаний уже захватывает ежегодно 29 процентов национального продукта Соединённых Штатов. Кроме того, он предсказывает, что во второй половине столетия культура должна стать главным двигателем в развитии экономики, каким в прошлой половине столетия был автомобиль, а во второй половине предыдущего века — железная дорога.

194

Все отрасли знания, которые ещё пока продолжают развиваться, но уже как мышление спектакля, должны неоправданно оправдывать общество и создавать общую науку ложного сознания. Данное мышление характеризуется тем, что оно не может и не хочет искать собственное материальное основание в системе спектакля.

195

Мышление общественной организации спектакля само затуманивает себе взор той недокоммуникацией, которую оно защищает. Для него остаётся загадкой, что наш мир создаётся в непрерывной борьбе. Специалисты в области управления спектаклем, обладающие абсолютной властью в рамках его системы безответного языка, абсолютно развращены своим опытом презрения и успехом этого презрения, ведь они находят оправдание своему презрению в познании презренного человека, каковым в действительности и является зритель.

196

В рамках специализированного мышления системы спектакля происходит новое разделение труда по мере того, как совершенствование этой системы ставит новые проблемы. С одной стороны, современная социология, изучающая разделение исключительно с помощью концептуальных и материальных инструментов самого разделения, проводит зрелищную критику спектакля. С другой стороны, те дисциплины, где укореняется структурализм, занимаются апологией спектакля, тем самым разоблачая бессмысленные выкладки своего мышления и подтверждая его полную амнезию касаясь исторической практической деятельности. Впрочем, безнадежная недиалектическая критика и дутый оптимизм откровенной рекламы системы, по сути, ничем друг от друга не отличаются — и в том и в другом случае мы имеем дело с покорной, безобидной пародией на мышление.

197

Социология, впервые возникшая в Соединённых Штатах, вынесла на обсуждение условия существования, возникшие на современной стадии развития общества; для этого она собрала и обработала просто невыносимое количество эмпирических данных, но так и не поняла самой сути собственного предмета, потому что ей не хватало имманентной критики. В результате в этой социологии возникает откровенно реформистская тенденция апеллировать к морали, здравому смыслу, совершенно беспомощно призывать к умеренности и т. д. Из-за того, что такой тип критики игнорирует всё то зло, что коренится в самой сердцевине современного мира, она только и делает, что выделяет своего рода негативный излишек, который, на её взгляд, досадно обременяет поверхность этого мира, как паразитический, иррациональный нарост. Даже когда негодование этой доброй воли бывает искренним, она доходит лишь до осуждения каких-то внешних, незначительных издержек системы; она считает себя критикой, но забывает о, по сути, апологетическом характере своих предпосылок и собственного метода.

198

Все те, кто обличает абсурдность и губительные последствия расточительности в обществе экономической избыточности, не понимают, каким целям, собственно, служит эта расточительность. Во имя экономической рациональности они неблагодарно проклинаят тех самых иррациональных добрых ангелов-хранителей, без которых рухнула бы власть

этой экономической рациональности. Так, например, Бурстин, описывая в своём L'Image товарное потребление в американском спектакле, так и не доходит до самого понятия «спектакля», потому что полагает, будто частную жизнь или понятие «честного товара» подобные крайности не касаются. Он не понимает, что сам товар создал законы, «честное» применение которых влечёт за собой не только радикальное изменение частной жизни, но и последующий её захват общественным потреблением образов.

199

Бурстин так описывает крайности отчуждённого от нас мира, как будто этих крайностей в нашем мире и в помине нет. Но «нормальных» законов общественной жизни, на которые он имплицитно ссылается, когда осуждает внешнее царство образов с психологической и моральной точки зрения как «наши чрезмерные претензии», на самом деле не существует ни в его эпоху, ни даже применительно к его книге. Бурстин не может объять всю глубину общества образов, потому что описываемую им действительную человеческую жизнь сам он воспринимает в прошедшем времени, что позволяет ему оперировать даже такими не относящимися к действительности терминами, как религиозная покорность. Суть его трактовки общества заключается в отрицании самого общества.

200

Социология, полагающая, будто функционирующая сама по себе некая промышленная рациональность может быть безболезненно отделена от общественной жизни, способна, если ей не помешать, дойти и до того, что выделит технологии производства и транспортировки из общего промышленного развития. Таким образом, Бурстин обнаруживает, что причинами полученных им результатов были досадные, нечаянные сбои при функционировании слишком уж разросшегося технологического аппарата по распространению образов и чересчур сильная тяга людей в нашу эпоху к псевдосенсациям. Вот и получается у него, что спектакль своим существованием обязан тому, что современный человек является зрителем. Бурстину невдомёк, что массовое распространение сфабрикованных «псевдособытий», которое он изобличает, происходит из того простого факта, что люди в большинстве своём не проживают тех событий, что происходят в современной действительности общественной жизни. Именно потому, что история лишь бесплотным призраком навещает современное общество, на всех уровнях потребления жизни возникает псевдоистория, чтобы сохранить шаткое равновесие современного застывшего времени.

201

В наше время намеренно, а может, и бессознательно, не встречая никаких возражений, утверждается идея о том, что одновременно с застыванием исторического времени происходит и его явная стабилизация. По сути, это тенденция к структуралистской систематизации. Антиисторическое мышление структурализма имеет весьма своеобразный взгляд на мир: его основа — это идея о том, что в мир изначально была заложена некая система, которую никто не создавал, и которая никогда не исчезнет. Должно быть, мечта о диктатуре предзаданной бессознательной структуры над всей социальной практикой была

ошибочно позаимствована из структурных моделей, разработанных лингвистикой, этнологией и даже из анализа функционирования капитализма. Однако при всех своих достоинствах в данном контексте эти модели неприемлемы, как бы ни пытались доказать обратное своими академическими мудрствованиями эти горе-философы: они всего лишь заняты фанатичным восхвалением системы и пошлой подгонкой всякой действительности к существованию системы.

202

Как и во всякой общественно-исторической науке, для того чтобы понимать «структуралистские» категории, всегда следует помнить, что они выражают формы, а также условия существования. Подобно тому, как о качествах человека не судят по его самонению, нельзя оценивать и тем более восхищаться каким-либо определённым обществом, принимая за чистую монету язык, на котором оно о себе рассуждает. «Нельзя оценивать подобные переходные эпохи, исходя из их сознания о себе, наоборот, необходимо прояснять это сознание через противоречия материальной жизни...». Структура — дитя современной власти. Структурализм есть мышление, спонсируемое государством, которое полагает, будто настоящие условия «коммуникации» спектакля — это абсолют. Его метод изучения кода сообщений является всего лишь продуктом, а ещё признанием общества, где коммуникация осуществляется в форме последовательно посылаемых иерархических сигналов. Так что не структурализм служит подтверждением внеисторической реальности общества спектакля, а как раз наоборот, общество спектакля, навязывающееся массам как реальность, служит подтверждением для горячего бреда структурализма.

203

Несомненно, критическое понятие спектакля тоже может быть опошлено и превращено в бессмысленный штамп для социологическо-политической риторики; его очень удобно использовать для объяснения и абстрактного разоблачения всего окружающего мира, но тем самым, оно будет служить лишь для защиты существующей системы спектакля. Ибо очевидно, что никакая идея не может вывести нас за пределы существующего спектакля, в лучшем случае — за пределы уже существующих идей о спектакле. Для того чтобы действительно уничтожить общество спектакля, необходимы люди, которые бы сплотили свои практические силы для конкретного действия. Критическая теория лишь тогда станет истинной, когда объединится с практическим движением отрицания в обществе, а само это отрицание, как возобновившаяся борьба революционного класса, вновь осознает себя, развив критику спектакля. Ведь сама эта критика является теорией текущих условий существования и практических условий современного подавления, но при этом раскрывает завесу тайны над тем, как должно выглядеть отрицание. Эта теория не ждёт чудес от рабочего класса. Для неё ясно заранее, что формулирование новых требований пролетариата и претворение их в жизнь — это долгая и кропотливая работа. Искусственно различая теоретическую и практическую борьбу, нельзя забывать, что, как мы уже определили, даже формулировка и внутренний язык подобной теории не будут убедительны без строго обязательной, ригорической практики. Также не поддаётся сомнению, что тернистая тропа критической теории должна стать уделом и практического движения, действующего на уровне общества.

204

Критическая теория должна сообщаться на собственном языке. Таким языком является язык противоречия, и он должен быть диалектическим как по форме, так и по содержанию. Он является и критикой окружающего мира, и исторической критикой. Это не «низшая степень письма», но его отрицание. Это не отрицание стиля, а стиль отрицания.

205

Сама манера изложения диалектической теории кажется чудовищной и безобразной с точки зрения правил господствующего языка, а также вкуса, воспитанного этими правилами, так как, употребив какие-то конкретные понятия, она всегда заранее знает о том, что они вновь обретут текучесть и поэтому обязаны разложиться.

206

Данный стиль, содержащий в себе собственную критику, должен выражать господство современной критики над всей прошлой. Сам способ изложения диалектической теории свидетельствует о том духе отрицания, который в неё заложен. «Истина не похожа на продукт, на котором мы не можем найти следы создавшего его орудия» (Гегель). Данное теоретическое сознание движения, на котором должен быть чётко виден след самого движения, проявляется через отрицание установившихся отношений между понятиями, а также через ревизию всей предыдущей критики. Неприятие навсегда установленных генетических связей стало настоящей революцией в области мысли, впервые проявленной в эпиграмматическом стиле Гегеля. Молодой Маркс, тогда ещё верный последователь Фейербаха, последовательно заменяя субъект предикатом, добился наиболее последовательного употребления этого мятежного стиля и, в результате, вывел из философии нищеты — нищету философии. Ревизия приводит к ниспровержению устаревших критических выводов, успевших за годы стать недвижимыми догматическими истуканами и превратиться в ложь. Уже Кьеркегор сознательно пользовался данным методом, добавив туда и своё саморазоблачение: «Но несмотря на все старания и уловки, подобно тому, как банку с вареньем всегда возвращают в кладовую после обеда, так и ты под конец неизменно вставляешь какое-нибудь тебе не принадлежащее словечко, тревожащее тебя пробуждённым воспоминанием» («Философские фрагменты»). Именно необходимость отмежеваться от того, что некогда было фальсифицировано и превращено в официально признанную истину, определяет подобное использование ревизии; в этом признаётся Кьеркегор в той же своей книге: «Позволю себе всего лишь одно замечание по поводу твоих намёков, которыми ты пытаешься поставить мне в вину то, что я замешиваю в своих утверждениях заимствованные положения. Я этого не скрываю и не буду также отрицать, что это было сделано намеренно. Если я когда-нибудь напишу продолжение этой книги, в ней я постараюсь называть вещи своими именами и облачать проблемы в исторические наряды».

207

Идеи совершенствуются. Помогает в этом и смысл слов. Плагиат необходим. Его предполагает прогресс. Плагиат, пользуясь авторскими идиомами и языком, уничтожает ложные мысли, заменяет ложное правильным.

208

Ревизия прямо противоположна цитированию, этому теоретическому авторитету, который ложен хотя бы потому, что ему выпала честь стать цитатой, фрагментом, вырванным из контекста, из движения, в конце концов, из самой эпохи, из её общего плана и частного представления. Причём даже неважно, была ли эта цитата для общего плана эпохи верной или ложной. Ревизия же — это текущий язык антиидеологии. Она возникает в процессе коммуникации, и ей ли объяснять, что она ничего не может гарантировать точно!? В своём высшем проявлении она является языком, который не сможет подтвердить ни одна предшествовавшая или сверхкритическая ссылка. Наоборот, именно благодаря её строгой внутренней последовательности, а также с помощью активного использования фактов, только она и может подтвердить подлинность истины, которую она несёт с собой. Ревизия не относит свою основу ни к чему, кроме своей собственной истины, проявляемой в виде актуальной критики.

209

То, что в теоретической формулировке открыто представляется как ревизия, на самом деле способно сокрушить прочнейшую автономию любой теоретической сферы. Происходит это путём насилия, с помощью активизации действия, разрушающего и преодолевающего любой существующей порядок, напоминая тем самым, что существование теории само по себе — ничто, и что она должна познаваться лишь с помощью исторического действия и исторического исправления, в котором и заключается её истинная сущность.

210

Лишь подлинное отрицание культуры способно сохранить её сущность для потомков. Это отрицание не может более оставаться просто культурным. Впрочем, в чём-то оно остаётся на уровне культуры, но уже в совершенно ином смысле этого слова.

211

Лишь на языке противоречия критика культуры унифицируется, поскольку она начинает господствовать над всей культурой, со всей её наукой и поэзией, и поскольку она уже не отделяется от всеобщей социальной критики. Только такая унифицированная теоретическая критика сможет пойти навстречу унифицированной общественной практике.

ГЛАВА IX.

Материализованная идеология

“ «Самосознание существует в себе и для себя потому и благодаря тому, что оно существует для другого самосознания; то есть оно существует лишь будучи признанным и „узнанным“».

Гегель «Феноменология духа»

212

Идеология — это базис мышления классового общества в период конфликтного развития истории. Идеологические догматы никогда не были просто химерами, скорее, деформированным сознанием действительности, и именно в этой роли они стали действительно движущими факторами, приведшими к деформации. И более того, когда материализация идеологии, воплощённая в спектакле и явившаяся результатом добившегося самостоятельности экономического производства, поражает общественную реальность своим острым жалом, она перекраивает всю реальность по своему образцу.

213

Когда идеология, являющаяся, по сути, абстрактной волей к абсолюту и её иллюзией, оказывается узаконенной в рамках абсолютной абстракции и диктатуры иллюзии современного общества, она перестаёт быть просто волюнтаристической борьбой за разделение, становясь её триумфом. Отныне идеологические претензии начинают обладать своего рода пошлой позитивистской точностью: дескать, теперь они уже представляют собой не исторический выбор, а факт. После такого утверждения становятся не так уж и важны частные имена идеологий. А само участие идеологического труда в обслуживании системы понимается теперь лишь в качестве признания некой «эпистемологической основы», притязающей на то, чтобы оставаться в стороне по отношению к любому идеологическому феномену. Материализованная идеология сама по себе безымянна, равно как и лишена всякой выражаемой исторической программы. Подытоживая, можно прийти к выводу, что история идеологий закончена.

214

Вся внутренняя логика идеологии ведёт к появлению «тотальной идеологии», как её определял Маннгейм, то есть к деспотизму фрагмента, который навязывает себя в качестве псевдознания застывшей тотальности, как тоталитарное видение. Это видение уже реализовалось в неподвижном антиисторическом спектакле. Однако данная реализация означает также дезинтеграцию идеологии во всей общественной системе. Вместе с практической дезинтеграцией данного общества должна исчезнуть и идеология — эта последняя нерациональная помеха, перекрывающая доступ к исторической жизни.

215

Спектакль — это идеология *par excellence*, так как во всей своей полноте он проявляет и очерчивает сущность всех идеологических систем, заключающуюся в оскудении, подчинении и отрицании реальной жизни. Материально спектакль является «выражением разделения и отчуждения между людьми». «Ложь, возведённая в новую степень» сосредоточена в самой сердцевине спектакля, в его производстве: «одновременно с массой вещей, будто снежный ком нарастает... новая область чуждых сущностей, которым подчиняется человек». Эта высшая стадия той экспансии, что натравила потребность против жизни. «Жажда денег — это высшая потребность, вызываемая политической экономией, причём, это единственная её потребность» («Экономико-политические рукописи»). Спектакль распространяет на всю общественную жизнь принцип, который Гегель в «Йенской реальной философии» называл принципом денег, т. е. «в себе движущейся жизнью мертвого».

216

Вопреки проекту, предложенному в «Тезисах о Фейербахе», который заключался в реализации философии на практике и, тем самым, в преодолении пропасти между идеализмом и материализмом, спектакль одновременно сохраняет и навязывает в своей псевдоконкретной среде разрозненные черты и идеализма, и материализма. Созерцательная сторона старого материализма, постигающего мир как представление, а не как деятельность (и в конечном счёте идеализирующего материю), целиком претворилась в спектакле, где конкретные вещи автоматически оказались хозяевами общественной жизни. С другой стороны, мечтательная деятельность идеализма также находит своё завершение в спектакле через техническое опосредование знаков и сигналов, которые в итоге материализуют абстрактный идеал.

217

Параллель между идеологией и шизофренией, проведенную Джозефом Табелем в его книге «Ложное Сознание», следует рассматривать в контексте процесса материализации идеологии. Общество стало тем, чем идеология была всегда. Повседневная жизнь, подвластная спектаклю, ежечасно навязывает нам ложное диалектическое сознание и, по сути, побег от практической деятельности. Всё это направлено на то, чтобы люди разучились узнавать друг друга: благодаря галлюцинаторной организации общества возникает ложное сознание, «иллюзия встречи». В обществе, в котором никто не может отличить одного человека от другого, индивидуум уже не способен осознать свою

реальность. Идеология наконец может чувствовать себя как дома: причем этот дом построило разделение.

218

По словам Табеля: «При клинических формах шизофрении неизменно происходит как расстройство диалектики целого (и, в конце концов, разложение этой диалектики), так и расстройство диалектики становления (с кататонией как крайней формой его проявления)». Сознание зрителя заточено в карцер опошленной вселенной. Эта вселенная строго ограничена экраном спектакля, за которым и томится вся личная жизнь зрителя. Теперь он общается лишь с выдуманными собеседниками, которые рассказывают ему исключительно о своём товаре и о политике своего товара. Спектакль по своей сути является отражением в зеркале. В центре его безвкусных декораций находится богато украшенная дверь, через которую, якобы, можно убежать от всеобщего аутизма. Но за этой дверью лишь паутина и пыль — никуда через неё не убежишь.

219

Спектакль стирает границы между «Я» и окружающим миром путём деформации «Я», постоянно одолеваемого отсутствием присутствия данного мира. Таким же образом человек, оказавшийся в спектакле, перестаёт отличать ложь от правды по той причине, что всякая переживаемая правда теряется за реальным присутствием лжи, которая обеспечивается самой организацией видимости. Человек безропотно переносит свою участь, заключающуюся в отчуждении собственной повседневной жизни, тем самым, он опускается до безумия, которое подсказывает ему иллюзорный путь избавления от этой участи, а именно советует обратиться к экстрасенсам и прочим шарлатанам. Данная односторонняя коммуникация очень выгодна для спектакля, ибо располагает к послушному приятию и потреблению товаров. Потребитель во всём хочет подражать, данная инфантильная потребность обусловлена его фундаментальной нищетой. Здесь можно воспользоваться высказыванием, которое Габель употребляет применительно к совершенно иной патологии: «ненормальная потребность выставления себя напоказ в данном случае компенсирует мучительное сознание собственной ненужности».

220

И если логика ложного сознания никогда не сумеет истинно познать себя, то поиски критической истины о спектакле просто обязаны стать истинной критикой. Эта критика должна на практике вести бескомпромиссную борьбу бок о бок со всеми решительными противниками спектакля и признавать, что без них её существование невозможно. Однако не следует вдаваться в крайности и гоняться за немедленными результатами — такая спешка только идёт на руку системе и согласуется с господствующим мышлением, которое и порождает компромиссы реформизма, а также псевдореволюционных недобитков-радикалов. Безумие часто поражает того, кто с ним борется. Если критика действительно хочет выйти за пределы спектакля, она должна научиться ждать.

Самоосвобождение в нашу эпоху должно заключаться в избавлении от материальной базы, на которой зиждется ложь современного мира. Эту «историческую миссию по установлению правды в мире» нельзя поручить ни какому-то изолированному индивиду, ни подверженной манипуляциям разобщённой толпе, но только классу, способному стать разрушителем всех классов, путём прихода к власти неотчуждённой, истинной формы демократии — Советов. Только в Советах практическая теория будет способна контролировать сама себя и ощущать собственное воздействие. Только в Советах индивиды «непосредственно будут связаны с всеобщей историей», только в них может восторжествовать диалог.

Комментарии к «Обществу спектакля» (1988)

“ Посвящается памяти Жерара Любовичи, убитого неизвестными 5 марта 1984 г.

“ «Сколь бы не были безнадежны ситуация и обстоятельства — не отчаивайся. Когда всё вокруг внушает ужас — не трусь. Будучи окружён опасностями — не бойся их. Исчерпав все возможности — положишься на находчивость. Если тебя внезапно атаковали — попробуй сам взять противника врасплох».

Сунь-Тзы «Искусство Войны»

I

Более чем уверен, что появление этих комментариев будут приветствовать от силы пятьдесят или шестьдесят человек; вряд ли они будут интересны кому-либо ещё, особенно принимая во внимание то время, в котором мы живём, а также вес выставленных на обсуждение вопросов. Пусть в некоторых кругах меня признают авторитетом. При этом не стоит забывать, что добрая половина всей заинтересованной публики будет состоять из людей, которые посвятили себя служению господствующей системе спектакля, в то время как другая половина упорно пытается эту самую систему разрушить. Таким образом, мне приходится считаться и с теми, и с другими; причём обе эти группы представляют собой читателей въедливых, хотя и в разной степени влиятельных, а потому, очевидно, я не могу изъясняться с полной свободой. В конце концов, я просто не имею права выдавать столько информации первому встречному.

Итак, наши несчастливые времена вынуждают меня переписать всё по-новому. Некоторые подробности я намерен сознательно опустить, поэтому общий смысл может показаться от этого смутным. Однако читатель наверняка поддастся на лакомую приманку: наверняка ему захочется разведать все отличительные черты нашей эпохи. Невозможно понять общий смысл книги, не прочитав её целиком. Подобно этому тайные предпосылки можно объединить в нечто, чем уже можно запросто манипулировать. Даже химические элементы начинают проявлять свои скрытые свойства, лишь вступая в реакцию друг с другом. Поэтому данная работа будет содержать очень много тезисов, но зато все они будут просты для понимания.

II

В 1967 году, в книге, озаглавленной «Общество Спектакля», я показал, чем уже тогда являлся современный спектакль: абсолютным господством рыночной экономики, достигшим уровня совершеннейшего произвола и безответственности, попутно развившим в себе новые методы управления и контроля над обществом. Беспорядки 1968 года, в некоторых странах растянувшиеся на несколько лет, так нигде и не смогли свергнуть существующий общественный строй и оттого постепенно утихли сами по себе. Спектакль же продолжал наращивать свою силу, увеличивая своё влияние на периферии, одновременно уплотняясь в центре. Более того, он даже овладел новыми приёмами самозащиты, как обычно и происходит с подвергшейся нападению стороной. Когда я начал критику общества спектакля, я особо отметил революционную составляющую данной критики, и это было в духе того времени, однако я уже тогда сознавал, что именно этот момент вызовет больше всего вопросов. Что же касается самого спектакля, меня иногда упрекали в том, что я выдумал его из чистого воздуха, а ещё чаще звучало обвинение, что я дал лиху в расчётах, особенно касаясь единства и глубины проникновения спектакля, а также его действительного воздействия. Должен отметить, что другие авторы, публикуя позже свои книги, отлично продемонстрировали, что я был слишком многословен — можно было о многом и не писать. Всё, что делали мои последователи, — они просто подменяли всеобъемлющее движение какой-то статичной, незначительной деталью, поверхностно описывающей явление, при этом каждый автор стремился продемонстрировать оригинальность, выбирая наименее тревожный и пугающий симптом окружающего мира. Никто не хотел пятнать свои благопристойные научные выкладки, вставляя в них дерзкие исторические суждения.

Тем не менее общество спектакля продолжало развиваться. В 1967 оно уже имело за плечами почти 40 лет истории и, надо думать, времени не теряло. И, если судить по его собственному развитию (которое так никто и не рискнул исследовать), общество спектакля своими удивительными достижениями явно продемонстрировало, что оно эффективно и могущественно как раз в той мере, какую я ему и приписал. Доказательство этого факта имеет не просто академическую ценность, потому как, несомненно, без него не обойтись для осознания единства спектакля. Ведь таким образом спектакль выступает как связанная, деятельная сила и можно узнать, куда эта сила уже успела проникнуть. Все эти вопросы необычайно интересны, ибо только от них зависит, во что выльется следующий социальный конфликт. Так как спектакль сегодня явно могущественней, чем раньше, что же произошло с этой властью? Чего она добилась из того, чего не могла раньше? Короче говоря, как далеко зашёл спектакль! По миру уже достаточно распространилось смутное предчувствие того, что нечто чуждое вторглось в нашу жизнь и заставляет теперь людей жить абсолютно иначе. Однако это чувство сродни тому, как на нас действуют еле заметные изменения климата или других природных условий, с которыми ничего не поделаешь, можно только пожалеть плечами. Более того, некоторые воспринимают это вмешательство в дела цивилизации как нечто неизбежное, и даже порою хотят с ним сотрудничать. Такие люди, думаю, даже не желают знать ни истинных целей этого вторжения, ни того, как они входят в нашу жизнь.

Я намерен выделить некоторые, до сих пор малоизвестные, практические последствия развития спектакля за последние 20 лет. Я не намерен вступать в полемику ни по одному из аспектов данного вопроса: спорить сейчас столь же легко, сколь и бесполезно. Тем более, я

не собираюсь никого убеждать. Не ищите морали в данных комментариях. Они не вносят предложения о желаемом или хотя бы более предпочтительном. Их задача — просто запечатлеть то, что есть.

III

Сегодня уже никто не сомневается в существовании власти спектакля; наоборот, кто-нибудь может задать вопрос: а нужно ли вообще что-нибудь добавлять к данной проблеме? — ведь действие спектакля и без того каждый мог ощутить на своей собственной шкуре. Наиболее удачную иллюстрацию к сказанному предложила Le Monde 19 октября 1987 г.: «Далее если он и существует — нет нужды о нём говорить», — это, собственно, и есть основной закон нашего времени, насквозь пропитанного спектаклем. Точно таким же образом, например, нас уверяют, что якобы не существует стран третьего мира, подменяя этот термин эвфемизмами.

“ «То, что современное общество представляет собой общество спектакля, всем и так ясно. Люди скорее удивятся, если факт его существования кто-нибудь начнёт отчаянно отрицать. Можно потерять счёт книгам, которые описывают данное явление, затрагивающее ныне все индустриально развитые нации, но и не обделяющее также и страны развивающиеся. Но самое забавное, впрочем, то, что все книги, анализирующие и порицающие данное явление, вынуждены сами стать частью спектакля, если хотят привлечь к себе внимание».

На самом деле, зрелищная критика спектакля является не просто запоздалой, но даже хуже — она требует к себе постоянного, неослабевающего «внимания», неизбежно увязая при этом в утверждениях общего характера или лицемерных вздохах; она не многим полезней клоунов, которые щеголяют в газетах своим изысканным правдолюбием.

Бессмысленные дебаты вокруг спектакля, судя по безразличной реакции властителей мира сего, сами организованы спектаклем: уже было наговорено столько пространственных речей по поводу управления спектаклем, что не осталось времени даже на поверхностное обсуждение его саморазвития. Однако не всё упирается в обсуждение спектакля — люди всё больше предпочитают пользоваться термином «media». Но тем самым они описывают лишь простой инструмент, род общественной услуги, которая благодаря своему «беспристрастному профессионализму» знаменует собой становление великой и могущественной империи массовой коммуникации посредством масс-медиа, т. е. такой формы общения, которая однажды и навсегда обрела беспримесную чистоту и ясность. Все её декреты уже приняты заранее, а формальный ритуал их единогласного принятия должен вызывать священный восторг и трепет.

Власть спектакля является настолько же сплоченной и однородной в своей основе, насколько позволяет ситуация, сам дух спектакля взывает к его деспотии. Спектакль частенько предстаёт перед нами в образе зрелищной политики, зрелищного правосудия, зрелищной медицины и иных не менее замечательных медийных фабрикатов. В принципе,

спектакль — это банальная отрыжка, излишек, вырабатываемый СМИ. Причём по своей природе СМИ не заключают в себе ничего плохого, более того, на них возложена ответственная и достойная роль — способствовать развитию общения, коммуникации, однако порою их деятельность приводит к возникновению вот таких досадных излишков. Довольно часто общественные боссы заявляют, что устали от своих медиа наёмников. Ещё чаще они обрушиваются на простых обывателей, точнее на то, каким скотским образом они удовлетворяют свои потребности посредством СМИ. Кажущееся многообразие среди СМИ на самом деле лишь прикрывает процесс унификации внутри спектакля, где всё настойчиво стремится к однообразию. Подобно тому, как логика товара властвует над амбициями капиталистов, а логика войны всегда затмевает частые модификации в области вооружений, так и путаная логика спектакля контролирует избыточное разнообразие медийного сумасбродства.

Среди всего того, что произошло за последние двадцать лет, наиболее важное изменение коснулось охвата, обеспечиваемого спектаклем. СМИ — главный инструмент спектакля — достигли воистину несравненного совершенства, они уже сейчас развиты настолько, что целое поколение оказалось окончательно подчиненным их воле, а значит, воле спектакля. Абсолютно новая обстановка, в которой оказалось нынешнее поколение, позволяет нам точно выделить спектр того, что отныне спектакль будет запрещать и что, наоборот, разрешать.

IV

На теоретическом уровне я бы хотел сделать одно единственное замечание к своим формулировкам, тем более оно обладает далеко идущими последствиями. В 1967 году я различал только две противоборствующие и взаимосвязанные формы власти спектакля: концентрированную и распылённую. Обе эти формы возвышались над реальным обществом, являясь одновременно и целью общества, и средоточием всей его лжи. Первая форма благоприятствовала становлению такой идеологии, которая бы наиболее отвечала желаниям и требованиям определённой персоны — диктатора. Она получила выражение в тоталитарных контрреволюциях: как сталинистского, так и фашистского толка. Вторая же форма действовала иначе: она только потворствовала тому, чтобы рабочий утверждал свою свободу, но лишь в рамках потребления обширного спектра товаров. Эта форма выразилась в процессе американизации мира: процессе, который, несмотря на свои отрицательные стороны, легко прижился во всех странах, где традиционной формой правления являлась буржуазная демократия. Однако с тех пор возник новый вид спектакля. По сути своей он является рациональной комбинацией двух вышеприведённых форм, однако за основу он принял ту форму, которая показала себя более живучей, т. е. распылённый спектакль. Имя ему — интегрированный спектакль. И именно он отныне желает утвердить себя во всемирном масштабе.

И если Россия и Германия в основном были ответственны за возникновение концентрированного спектакля, а Америка — за его распылённую форму, то интегрированный спектакль впервые заявил о себе во Франции и Италии. Появление этой новой формы было обусловлено некоторыми местными особенностями, а именно: важной ролью сталинистских партий и объединений в политической и интеллектуальной жизни,

слабой демократической традицией, долгим единоличным пребыванием у власти правительственной партии, а также острой нуждой каким-либо образом затушевать неожиданно резкий всплеск революционной активности.

Интегрированный спектакль сочетает в себе характерные черты как концентрированного, так и расплывчатого спектакля, но даже более — этот плодотворный союз приводит к тому, что все самые омерзительные стороны этих двух форм спектакля становятся здесь ещё более ядовитыми, чем прежде. Существенно изменилось само воздействие спектакля. Что касается концентрации, в интегрированном спектакле властный центр отошёл в тень: отныне его не занимает ни какая-то определённая личность, ни какая-либо идеология. А с точки зрения расплывчатости, то здесь спектакль как никогда крепко наложил свою лапу на всё продукты общественного развития: от вещей до поведения. Наконец, интегрированный спектакль сумел внедрить себя в реальность в той же мере, в какой его и описывал, а, следовательно, изменил его соответственно со своим описанием. Как результат, реальность уже не воспринимает спектакль как нечто чуждое. Когда спектакль являлся концентрированным, от него воротила нос большая часть общества, когда он стал расплывчатым — недовольных стало меньше, а теперь они и вовсе исчезли. Спектакль отныне пронизывает всё общество. Теоретически легко было предсказать то, что уже подтвердилось на практике. Экономика, своими свершениями перешагнувшая даже через разум, наглядно продемонстрировала: торжество лжи в мировом масштабе привело к тому, что сам мир превратился в фальшивку. И хотя старые книги, как, впрочем, и старые здания и другие произведения искусства, всё ещё оказывают какое-то влияние, однако оно уже обречено и постепенно сходит на нет; ещё чаще все эти артефакты прошлого выделяют и классифицируют с целью поставить их в услужение спектаклю. Ни в культуре, ни в природе уже не осталось ничего такого, что бы ни было запятнано, исковеркано соответственно с потребностями современной промышленности. Даже генетика отныне готова прислуживать этой господствующей силе. Правительство спектакля, отныне обладающее всеми средствами для контроля в целом над производством и восприятием, добивается не только господства над прошлым и настоящим, но и свободно начинает создавать планы по изменению даже далёкого будущего. Никто не следит за его правлением, а потому все его суждения неизменно претворяются в жизнь.

Неудивительно, что при таких условиях создаётся видимость уничтожения разделения труда: данное событие повсюду встречают с необычайным воодушевлением, однако нетрудно заметить, что одновременно с этим повсеместно исчезает сама способность к труду. Банкир может быть певцом, адвокат — доносчиком, булочник может щеголять своими литературными вкусами, киноактёр может стать президентом, а повар — философствовать над различными кулинарными ухищрениями, будто они вехи во всемирной истории. Всякий может присоединиться к спектаклю, если захочет явно, а порой и тайно, сменить род своей деятельности. Здесь приобретение «медийного статуса» обретает куда большее значение, нежели действительная способность заниматься каким-то трудом, а посему нормально, что этот статус становится переходящим; в любом случае каждый имеет право стать своего рода «звездой». Однако для этого он обязан отречься от своей самобытности, слиться со своим медийным образом, и уже только в таком виде продолжать собственную карьеру и купаться в лучах славы. И всё бы хорошо, однако слияние с медиа зачастую подразумевает участие в крайне законспирированной сети контроля над

обществом. Как результат, несмотря на то, что в обществе разделение труда и так существует, возникает новая, ещё более изощрённая его форма; как иллюстрация: кто-нибудь может издать роман, чтобы с его помощью организовать, например, убийство. Подобные примеры не излишни: они просто напоминают, что никому нельзя верить, лишь принимая во внимание его текущий род занятий.

Таким образом, и по сей день главной целью спектакля остаётся превратить всех стукачей в революционеров, а всех революционеров — в агентов охраны.

V

Общество, чьё развитие достигло стадии интегрированного спектакля, можно охарактеризовать несколькими ключевыми принципами: непрерывное технологическое развёртывание, интеграция государства и экономики, тотальная скрытность и подозрительность, неопровержимость лжи, наконец, в таком обществе царит вечное настоящее.

Технический прогресс имеет долгую историю, он заложен в самой сущности капиталистического развития. Иногда технический прогресс подразделяют на индустриальный и постиндустриальный. Его наивысший всплеск пришёлся на первые десятилетия после Второй Мировой войны, и именно благодаря этому прогрессу власть спектакля добилась своего могущества. Технический прогресс поставил общество на колени перед властью специалистов и их субъективных расчётов и суждений. Во всех странах всё явственней намечается окончательное слияние экономики и государства; именно оно и является в последнее время главной причиной столь больших достижений в области экономики. Две эти силы, экономика и государство, заключили между собой и оборонительный, и наступательный союз, что дало им небывалое преимущество: о каждой из них можно сказать, что ей владеет другая сторона, хотя, в любом случае, было бы абсурдом как-либо противопоставлять их друг другу или различать их намерения. Кроме всего прочего данный союз очень выгоден для спектакля, ибо он обеспечивает его господство. Таким образом, первые два из заявленных нами принципов ничем не отличаются друг от друга, а три оставшихся — напрямую следуют из них.

Тотальная скрытность, окутавшая общество, стоит прямой за спиной у спектакля. Только под её сенью спектакль может вить свои тенёта. Благодаря своей неопровержимости ложь обрела совершенно новое качество. Многие уже с серьёзным видом говорят, что истины больше не существует или, что ещё лучше, она существует, но только гипотетически. Неопровержимое враньё подмяло под себя общественное мнение: сначала ему заткнули рот, а затем и вовсе начали делать заявления от его имени. Общественного мнения больше не существует. Очевидно, что это уже привело к серьёзным последствиям для политики, прикладных наук, правовой системы и искусства.

Фабрикация современности в каком-то смысле является своеобразной модой. Но что сейчас происходит с модой? Начиная от одежды и заканчивая музыкой — везде заметен сходный процесс. мода просто забыла о прошлом и, похоже, уже перестала верить в будущее. Осталось одно вечное настоящее. Такой эффект был достигнут благодаря исчезновению

любых преград на пути у информации, мода отныне обречена вечно возвращаться к коротенькому списку тривиальных и избитых решений, страстно заявляемых как нечто абсолютно новое и доселе невиданное. Одновременно с этим в новостях почти перестали встречаться известия о том, что действительно меняется, что по-настоящему важно — их если и включают в новостные блоки, то с большим скрипом. Подобными периодами застоя мир просто-напросто выносит себе приговор.

VI

Уничтожить историческое знание как таковое — вот в чём заключалась главная задача господства спектакля. Начать, как водится, решено было с малого: под нож пустили всю рациональную информацию и комментарии о совсем недавнем прошлом. Это достаточно очевидно и не требует дальнейших разъяснений. Спектакль в совершенстве овладел этой техникой: сначала общество лишается всякого понятия о настоящем, а затем забывается всё то, что худо-бедно, но было понято о вчерашнем дне. Чем важнее какой-либо исторический аспект, тем отчаяннее его стараются скрыть. Пожалуй, за последние двадцать лет ни на что так упорно не изливали грязные потоки лжи, как на события мая 1968. Конечно, если бы нам была известна вся правда о них, мы бы наверняка извлекли оттуда много полезных уроков, однако нас уже опередила власть и свои выводы сделала тайной за семью печатями.

Во Франции, уже около десяти лет прошло с тех пор, как президент республики, давно позабытый, однако всё ещё ошивающийся на поверхности спектакля, наивно выразил удовольствие оттого, что «отныне мы живём в мире без памяти, где неуловимые образы постоянно меняют свои очертания и расплываются, словно круги по воде». Довольно убедительно, особенно для тех, кто посвящен во всё это дело и знает, как здесь себя вести. Конец истории даёт власти долгожданную передышку. Всё, что преподносится под эгидой конца истории, просто обречено на успех, ну или хотя бы на слухи об успехе.

Насколько решительно абсолютистская власть будет подавлять историю, напрямую зависит от меры её имперских интересов или замашек и, в особенности, от наличия действительной способности претворять в жизнь свои угрозы. Цин Че-Хуан-Ти сжёг много книг, но так и не смог избавиться от них полностью. В нашем веке Сталин пошёл ещё дальше, однако, даже несмотря на многочисленных агентов, которых он смог завербовать за границами своей империи, всё равно громадная часть земного шара оставалась вне досягаемости для его карательных органов, и в открытую потешалась над Сталиным и его политикой. Интегрированный спектакль добился на этой стезе куда больших успехов, разработав для этого новые технологии и применив их во всемирном масштабе. Глупость снискала всемирное уважение, и над ней уже нельзя смеяться. Да и смеяться, судя по всему, уже некому.

Естественной сферой деятельности истории было памятное, т. е. нечто объёмлющее все события, последствия которых долго бы оставались явными. И поэтому история была как раз таким знанием, которое должно было бы постоянно испытываться и поддерживаться пониманием, хотя бы отчасти, и таким путём, по выражению Фукидида, прийти к «вечному обладанию». Поэтому история и была мерой той самой неподдельной новизны. Но в

интересах всякого, кто торговал новизной, было уничтожить все средства для её измерения. И что мы видим сейчас? Социальную значимость приписывают лишь преходящему, а также тому, что станет преходящим сразу после того, как переймёт эстафету, заменит собой предыдущее преходящее. Именно на основе такой сиюминутности, когда одна безликая пустышка сменяет другую, СМИ и воссоздают своего рода вечность, заполненную шумной и кичливой ничтожностью. Самое ценное, чего добился для себя спектакль, ставя историю вне закона, накрыв завесой тайны всё недавнее прошлое, заставив забыть сам дух истории, витавший в обществе, — он сумел замести свои следы, скрыть сам процесс своего недавнего завоевания мира. Его власть уже кажется привычной, кажется, что она присутствует испокон веков. Все узурпаторы объединили свои усилия ради одной цели — они хотят, чтобы мы забыли об их приходе, и... преходящей сущности.

VII

Вслед за уничтожением истории современные нам события отдаляются в чуждую и неправдоподобную реальность невероятных рассказней, недоступной для проверки статистики, невнятных объяснений и пространных рассуждений. Лишь работники СМИ имеют право как-либо комментировать идиотизм спектакля, требовать изменений и даже протестовать против него. Но нетрудно догадаться, насколько нелеп этот протест. Даже помимо того, что все эти «профессионалы» на редкость невежественны и попросту глупы, они лично и профессионально заинтересованы в спектакле и поэтому солидарны с обществом, которое он породил; каким-либо образом подвергать опасности могущество спектакля для них смерти подобно. Не стоит забывать, что каждый работник СМИ зависит от хозяйских подачек и других вознаграждений, а потому все они — расходный материал для спектакля.

Все эксперты служат государству и СМИ, и именно таким путём они добились своего статуса. Каждый эксперт отныне привязан к своему хозяину, и, благодаря современной организации общества, для такого эксперта постепенно исчезли все былые возможности быть независимым. Самый полезный эксперт — это, конечно же, тот, кто умеет лгать. И хотя мотивы для этого могут быть различны, эксперты нужны лишь лжецам и дуракам. Когда индивид лишается возможности самостоятельно видеть вещи, всякого рода эксперты с радостью спешат ему на помощь. Когда-то существовали и специалисты по искусству этрусков, и, надо сказать, достаточно компетентные, но лишь до тех пор, пока это искусство не придумали выставить на продажу. В наше время, например, весьма выгодно делать с помощью химии подделки разных знаменитых винных марок, однако продать это вино можно лишь наняв «знатоков» в винном деле, которые и расхвалят богатый новый вкус старого вина. Сервантес верно подметил: «под неказистым плащом частенько скрывается добрый пьянчужка». Человек, который хорошо разбирается в винах, зачастую ничего не смыслит в ядерной энергетике; однако спектакль и рассчитывает всё таким образом, что если найдется один эксперт, который обдурит человека в плане ядерной энергетике, то непременно другой эксперт сумеет сделать то же самое и с вином. Или ещё хороший пример: как известно, синоптики, предсказывая температуру и дожди на последующие сорок восемь часов, зачастую серьёзно ограничены в своих предсказаниях, ибо они обязаны сохранять стабильность в экономике, в бюджетах регионов и туристических фирм. И всё это в то время, когда люди ежедневно совершают столько поездок на дальние расстояния!

Поэтому от синоптиков сегодня так же мало проку, как и от юмористов.

Ещё один аспект исчезновения всякого исторического знания заключается в том, что репутацию любого человека сегодня можно погубить или, наоборот, вознести до небес по одному мановению руки того, кто владеет информацией: информацией получаемой и (что совершенно иное) информацией, передаваемой в эфир. Их способности исказить и лгать просто безграничны! Историческое доказательство, в котором перестаёт нуждаться спектакль, перестаёт быть доказательством. Если даже честь может быть дарована лишь по милости и благоволению спектакля, то и позор может пасть на голову столь же быстро и немилосердно. Известность вне рамок спектакля стала сейчас невероятно редким и подозрительным явлением. Пожалуй, я один из последних людей, удостоившихся такой славы, а иной у меня никогда и не было. Общество официально объявило себя спектаклем. Быть известным вне рамок спектакля — значит стать его врагом.

Прошлое человека может быть переписано полностью, радикально изменено, а то и заново воссоздано на манер русских процессов над «врагами народа», причём без присущей таким процессам грубости. Убивать нынче стало проще. Те, кто управляют спектаклем, а также их сообщники никогда не будут нуждаться в лжесвидетельствах, причём неважно, умелых или неумелых (как могут зрители, безропотные созерцатели окружающего лжесвидетельства, заметить в нём ложь!?). То же относится и к подделке исторических документов, что уже доказало свою крайне высокую эффективность. Поэтому больше нельзя верить ничему, что не видел сам, непосредственно. Однако на деле ложных обвинений особо и не требуется. Чуть только кто-то захватывает сам механизм, отвечающий за всеобщее общественное признание, его точка зрения «нравится — не нравится» автоматически навязывается всему обществу. Спектакль доказывает свои выводы весьма немудрёным способом: зацкливая их, возвращаясь из конца в начало, путём повторения, постоянными ссылками на то, что уже утвердилось в общественном сознании, стало общепризнанным, т. е. на то, чему все являются свидетелями. Схожим образом власть спектакля может запретить всё, что ей вздумается, а спустя какое-то время вновь легализовать тему, если уверится в том, что она стала безопасной и уже не сможет нанести вред.

Организованного общества не стало — всё поглотила толпа, — как не стало замкнутых, самостоятельных и более тесных коллективов, где бы велись задушевные беседы: нет больше различных салонов, кафе или рабочих сходок. Не осталось больше мест, где бы люди могли в спокойной обстановке обсудить действительно волнующие их события, потому как уже никто не в силах на длительное время освободить себя от всепроникающего воздействия СМИ и других сил, предназначенных для усиления этого воздействия. Не осталось ничего даже от относительно свободных суждений тех людей, которые стояли у истоков эпохи Просвещения; да и вообще всех, к примеру, кто основывал своё самомнение лишь на способности объять целиком или хотя бы приблизиться к беспристрастному обзору фактической истории, или хотя бы к вере, что такая история существует. Отныне правды не сыщешь даже в книгах: компьютеризированные каталоги национальных библиотек устроены достаточно хорошо, чтобы не выдавать крамолы и прочих остаточных следов прошлого. Было бы заблуждением считать, что сегодня судья, врач или историк имеют те же обязанности и императивы, что и совсем недавно: дети больше похожи на своё время, чем на отцов.

Если спектакль о чём-то молчит в течение трёх дней, то это «что-то» попросту перестаёт существовать. И наоборот, когда спектакль начинает о чём-то захлебываясь рассказывать, то это «что-то» действительно претворяется в жизнь. Практические последствия, как мы видим, колоссальны.

Мы знаем, по крайней мере, верим в своё знание, что в Греции демократия и история возникли одновременно. Мы также можем доказать, что и исчезли они тоже вместе.

К данному списку одержанных властью триумфов мы должны, тем не менее, добавить один явно негативный результат: чуть только государство прибегает к постоянному и широкому сокращению исторического знания, оно уже не может управляться стратегически.

VIII

Чуть только самопровозглашённое демократическое общество достигает стадии интегрированного спектакля, его, похоже, всюду начинают воспринимать как некое зыбкое совершенство. Однако ввиду его хрупкости оно должно быть неуязвимым для атак со стороны, и более того, его теперь уже вообще невозможно атаковать, ибо общество спектакля является самым совершенным из всех существовавших доселе. Но это общество является хрупким, поскольку оно не в состоянии обуздать свою собственную технологическую экспансию. Однако с точки зрения государственного управления это общество идеально, и доказательством этому служит то, что все желающие править таким обществом ничего не желают менять в его устройстве. К примеру, в современной Европе нет ни одной партии или хотя бы партийной фракции, которая хотя бы на словах желала что-нибудь значительно в нём изменить. Товар не подвластен критике ни как общая система, ни даже как частная форма того хлама, который «капитаны» промышленности в определённый момент выкидывают на рынок.

Везде, где господствует спектакль, может существовать лишь одна единственная организованная сила, но и та будет желать лишь спектакля. Поэтому у существующего порядка не может быть врагов, никто не в состоянии нарушить заговор молчания. Мы счастливо распрощались с дурацкой концепцией, господствовавшей более двухсот лет, по которой общество было открыто для критики или преобразований, для реформ или революций. Однако это произошло не потому, что появились какие-то новые аргументы, — просто старые стали бесполезны. Однако это не принесёт нам всеобщего счастья, скорее, лишь усиления и без того всепроникающих щупалец тирании.

Никогда прежде цензура не была так совершенна. Никогда прежде, ни в каких странах не было столько людей, которые бы искренне считали себя свободными гражданами, но при этом менее всего могли ожидать, что их мнение будет услышано, даже если дело касается их собственной жизни. Никогда прежде им так бесстыдно не ввали. Заранее предполагается, что зритель ничего не знает и ничего не заслуживает. Тот, кто уже занял позицию наблюдателя, никогда не станет действовать: таково основное правило для зрителя. Люди часто ссылаются на Соединённые Штаты как на исключение, потому что там однажды Никсон попал впросак, введя совсем уж неудобоваримые запреты, имевшие, впрочем, определённую историческую подоплёку[1]. Однако это ещё ничего не значит, ведь

совсем недавно Рейган ввел те же самые запреты и остался безнаказанным. Всё больше и больше вещей становятся недопустимыми; запретить можно всё. Поэтому и сплетни ныне ушли в прошлое. Потер Дуэ, старый итальянский государственный деятель, одновременно член официального и параллельного правительства (P2), наиболее проникновенно подвёл итог для той эпохи, в которую вступил весь мир вслед за США и Италией: «Это когда-то были сплетни, а сейчас их нет».

Карл Маркс в «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта» описал невиданное доселе вмешательство государства в дела второй Французской Империи, ошастливленной полумиллионной армией бюрократов: «[Всё] стало предметом для активной государственной опеки, будь то мосты, школы, коммунальная собственность сельской общины, железные дороги, национальное процветание или Национальный Французский университет». В то время уже был поставлен щекотливый вопрос о финансировании партий, и Маркс отметил по этому поводу: «Партии грызутся между собой ради того, чтобы наиболее полно свести свою идеологию к государственной доктрине; сделать это — значит сорвать главный куш». Конечно, это всё может казаться пустым звуком, чем-то ничтожным и безнадёжно устаревшим, однако в это же самое время в государственные спекуляции вовлекаются всё новые и новые города и автотрассы, туннели под проливами и ядерная энергетика, нефтяные вышки и компьютеры, администрации банков и культурные центры, преобразование «аудиовизуального ландшафта» и тайный экспорт оружия, махинации с недвижимостью и производство медикаментов, сельское хозяйство и госпитали, военные кредиты и тайные фонды непрерывно разрастающихся департаментов, связанных с многочисленными службами охраны общественного правопорядка. К сожалению, Маркс остаётся как никогда актуальным, когда в своей книге описывает это правительство, которое «вместо того чтобы ночью решать, а днём действовать — принимает решения днём, а действует под покровом темноты».

IX

Такая идеальная демократия конструирует для собственных нужд непримиримого врага: терроризм. Она желает, чтобы о ней судили по её врагам, а не по достижениям. История терроризма написана самим государством и поэтому крайне познавательна. Зрители, конечно же, не должны знать всю правду о терроризме, однако обязаны обладать некоторыми познаниями, чтобы их легко можно было убедить в том, что по сравнению с терроризмом всё остальное является более приемлемым или в любом случае более рациональным и демократичным.

Впервые репрессивный аппарат достиг совершенства в итальянском пилотном проекте под названием *pentiti*: тогда общество наводнили стукачи. Впервые это явление возникло в XVII веке, после Фронды, в то время таких людей называли «профессиональными свидетелями». Судебная система спектакля наводнила итальянские тюрьмы тысячами людей, обвинённых в развязывании гражданской войны, которая так и не произошла, в массовом вооружённом мятеже, которого на самом деле не было, в заговоре, столь же призрачном как сновидение.

Нетрудно понять, что различные толкования тайны терроризма куда легче согласовать между собой, нежели примирить взгляды двух философских школ, приверженных

совершенно несовместимым метафизическим системам. Кто-то видит в терроризме вопиющий факт манипуляции со стороны различных спецслужб, другие же упрекают террористов в совершеннейшем отсутствии исторического сознания. Впрочем, обладая хотя бы толикой исторической логики, можно быстро убедиться в том, что здесь нет ничего противоречивого: людьми, которые ничего не понимают в истории, можно запросто манипулировать; даже легче, чем всеми остальными. И куда легче привести кого-нибудь к «раскаянию», если убедить его в том, что всё, что он делал и считал актом своей свободной воли, на самом деле уже было кем-то запланировано заранее. Всё это напрямую вытекает из самой военной, тайной формы организации терроризма: для того чтобы поднять людей на борьбу достаточно пары «засланных казачков», столько же требуется и для разоблачения самой организации. Критика при оценке вооружённой борьбы иногда всё же обязана анализировать каждые её проявления в отдельности, не позволяя сбить себя с толку присущим им внешним сходством. Мы можем ожидать, тем более это вполне вероятно с логической точки зрения, что государственные службы безопасности постараются извлечь все возможные выгоды из спектакля, тем более за столь долгое время эта точка зрения уже успела выкристаллизовываться; хотя, конечно, тяжело смириться с тем, что выглядит удивительным и просто-таки кощунственным.

Сегодня главная задача судебно-репрессивной системы заключается в том, чтобы как можно скорее обобщить все виды преступлений. Главное в товаре — это упаковка, или штрих-код с наименованием и ценой. У демократического спектакля все враги на одно лицо, как, впрочем, и сами эти демократии. Поэтому у террористов не может быть права на политическое убежище. Даже того, кто ещё не был обвинён в терроризме, можно назвать террористом, а после быстренько экстрадировать. В ноябре 1978 года, ведя дело молодого работника типографии Габора Уинтера, разыскиваемого правительством ФРГ в основном за печать нескольких революционных листовок, Николя Предэн, полномочный представитель департамента Государственной Прокуратуры при Парижском Апелляционном суде, быстро дал понять, что статья о «политических мотивах», которая могла стать единственной причиной для отказа в экстрадиции по Франко-Немецкому договору 29 ноября 1951 года, в данном случае неприменима: «Габор Уинтер — это общественный преступник, а не политический. Он отказывается принимать законы общества. Настоящий политический преступник не отрицает общество. Он атакует политические, а не общественные структуры, в отличие от Гэбора Уинтера». Понятие о допустимом политическом преступлении возникло в Европе, когда буржуазия успешно ниспровергала прежние общественные структуры. Вообще говоря, природу политического преступления не следует отделять от целей общественной критики. По крайней мере, так было для Бланки, Варлина и Дурутти. Сегодня же возникла тенденция выделить чисто политическое преступление, как некое дешёвое удовольствие, маленький грешок, который вполне можно себе позволить, ведь его, несомненно, никто не вздумает повторять, так как к нему уже все потеряют интерес. Ну, разве что кроме профессиональных политиков, которых за преступления и так редко кто преследует, как, впрочем, и за саму политику. Откроем тайну: на самом деле все преступления и нарушения носят общественный характер. Однако самый худший из всех общественных проступков — это нахально заявлять о том, что ты до сих пор хочешь что-либо изменить в обществе, которое тебя до сих пор терпеливо кормило и поило.

Уничтожить логику было одной из основных задач новой господствующей системы. Задача эта преследовалась разными, однако взаимодополняющими средствами: одни из них включали в себя те технологии, которые спектакль уже апробировал и популяризовал; другие связаны скорее с массовой психологией подчинения.

Как это происходит на уровне технологии? Образы, отбираемые и фабрикуемые каким-то посторонним лицом, становятся единственной связью человека с миром, которая раньше осуществлялась через непосредственное освоение этого мира. Однако, безусловно, нельзя забывать, что образы способны стерпеть любые издевательства над собой, поскольку все вещи можно сопоставить в рамках одного и того же образа и не нарваться при этом на противоречие. Поток образов сметает всё на своём пути, не оставляя зрителю времени на раздумья и рефлексия, заставляет его прогибаться под этим непрерывным и немилосердным ураганом. Подобным образом тому, кто своевольно контролирует эту упрощённую совокупность чувственного мира, кто заправляет движением этого бурного потока и его внутреннем ритмом, совершенно безразлично, что обо всём этом думает зритель. В основании данного практического опыта перманентного подчинения лежит психологическая подоплёка, а именно: человек начинает покорно принимать реальность — это следует уяснить. Помимо обычных тайн, дискурс спектакля, очевидно, старается заглушить всё то, что причиняет ему беспокойство. Он пытается скрыть всё, что следует из его контекста, своё прошлое, свои намерения и рассуждения. Поэтому он совершенно алогичен. Так как никто не смеет ему перечить, он сам начинает перечить себе для того, чтобы подкорректировать собственное прошлое. Иллюстрацией может служить самонадеянное стремление его слуг, постоянно вводящих в обиход новое и, может быть, даже ещё более бесчестное толкование каких-то фактов, с целью раз и навсегда избавить общественность от невежества и ложных интерпретаций. Хотя сами они ещё вчера с привычной своей убеждённостью и упорностью пропагандировали и распространяли то, что сегодня уже называют ересью. Поэтому наказывающую функцию спектакля и невежество зрителя частенько ошибочно принимают за враждебные друг другу факторы, хотя на самом деле они тесно завязаны. То же самое можно сказать и о двоичном компьютерном языке, который служит самым надёжным гарантом того, что компьютер будет постоянно, покорно и ревностно исполнять то, что было кем-то запрограммировано. Компьютер не нуждается в вечном источнике совершенной, беспристрастной и всеобъемлющей логики. Какой прогресс, какие скорости, какое невиданное словарное богатство! Вам словарь по политике или социологии? Выбирайте! Но только один. Вам никуда не деться от этого выбора. Они глумятся над нами — знаем мы, для кого предназначены все эти программы! Поэтому неудивительно, что детей заставляют с малолетства постигать азы Абсолютного Знания компьютерной науки, что они и делают, причём с энтузиазмом. Ведь это же не чтение, где следует напрягать извилины над каждой строчкой — дети зачастую садятся за компьютер ещё до того, как научатся читать. А ведь книги — это единственный способ постичь всё богатство человеческого опыта, накопленное до становления спектакля. Искусство разговора практически умерло, в скором будущем большинство вообще разучится говорить.

Основной причиной упадка современной мысли, очевидно, является то, что для дискурса спектакля вообще нет такого понятия как «ответ», в то время как логика возникла в обществе именно через диалог. Более того, когда настолько велико и распространено уважение к тем, кто общается в рамках спектакля, когда их считают богачами,

счастливчиками и авторитетами, у зрителя возникает желание подражать спектаклю и его алогичности, чтобы тем самым стать индивидуальным отражением всех этих авторитетов. В конце концов, логика — наука непростая, логике никто вас не научит. Наркоманы не изучают логику, она им не нужна, да и если бы они даже пожелали — они бы не смогли её изучить. Лень зрителя переняли интеллектуалы и новоиспечённые специалисты, — все они пытаются скрыть ограниченность своих познаний, тупо вторя догматам и алогичным аргументам, ранее услышанным от авторитетов спектакля.

XI

Принято считать, что те, кто поступают вопреки логике, являются чуть ли не самопровозглашёнными революционерами. Это непозволительное упрощение пошло ещё с тех пор, когда подавляющее большинство мыслило хоть немного, но всё-таки логично, за невероятно малым исключением в виде откровенных идиотов и бунтарей; однако в то время ещё можно было позволить себе такую вольность, ибо она, несмотря ни на что, содержала в себе рациональное зерно. Но сегодня никуда не деться от того факта, что интенсивное поглощение спектакля, как мы и ожидали, превратило большинство наших современников в беспомощных и жалких слуг идеологии. Отсутствие логики, или лучше сказать, потеря способности мгновенно выявлять важное, а также отсеивать незначительное и к делу не относящееся, несоответствующее по смыслу и попросту ненужное — вот симптомы той болезни, смертельную дозу которой намеренно вкололи населению анестезиологи и воскресители спектакля. Однако нетрудно догадаться, что у настоящих бунтарей логики-то побольше, нежели у пассивных жертв. Понятно, что это лишь очередное наглядное доказательство окружающей иррациональности. Хотя надо оговориться: все эти бунтари, щеголяя своими целями и программами, на самом деле ещё и пытаются претворять в жизнь свои практические проекты, пускай за этими проектами зачастую скрывается желание читать какие-то определённые тексты, а затем бахвалиться их пониманием. Они посвятили себя преодолению логики даже на уровне стратегии, которая сама по себе есть поле применения диалектической логики конфликтов; но, как и всем остальным, им просто не достаёт способности ориентироваться при помощи старых, несовершенных орудий формальной логики. Но кого заботят их проблемы!? Сейчас вообще мало кто заботится о своём ближнем.

Индивид, на котором убогое мышление спектакля отпечаталось сильнее, нежели иные аспекты его жизнедеятельности, с самого рождения становится на службу существующему режиму, пускай со стороны его намерения могут казаться прямо противоположными. Он будет в обязательном порядке следовать языку спектакля, так как это единственный язык, который он знает, который он учил. Несомненно, он захочет, чтобы его принимали за врага риторики этого языка, но при этом он будет беззастенчиво использовать его синтаксис. Это один из наиболее важных аспектов установившегося господства спектакля.

Постепенное обнищание старого словарного запаса — всего лишь один из моментов данного процесса. Однако он является знаковым.

XII

Процесс обезличивания неизменно проявляется там, где каждое индивидуальное бытие подчинено правилам спектакля, т. е. ещё больше отдалено от возможности аутентичного переживания, а потому, и от обнаружения собственных предпочтений. Удивительно, но именно постоянное самоограничение является той ценой, которую индивид платит за собственный общественный статус. Подобное существование требует от человека лишь сиюминутного влечения: он обязан купить столь желанный товар-пустышку — и тут же в нём разочароваться. Индивид обречён вечно «отставать от жизни» при этой самоподстёгивающейся инфляции производства товарных фетишей — знаков жизни. Наркотики помогают смириться с такой действительностью, лишь безумие в состоянии от неё избавиться.

Во всех сферах общества, в котором распределение товаров централизовано таким образом, что оно определяет — одновременно и тайно, и иезуитски явно — само понятие «желаемого», иногда случается так, что все личности, которых почитают за ум, иные положительные качества, иногда даже за мудрость, оказываются попросту... вымышленными. Этих персонажей создают специально для того, чтобы они расхваливали какую-то отдельную торговую марку. Единственная задача сейчас — скрыть с глаз долой или как можно лучше замаскировать тот факт, что производственные отношения определяют всё.

Несмотря на часто возникающее намерение наконец-то представить на суд публики статую «героя нашего времени», всесторонне выдающейся личности, и даже невзирая на грозные заявления и попытки претворения в жизнь этой затеи, спектаклю удаётся продемонстрировать как раз обратное: статую невиданного уродца-карлика. Причём это происходит не просто потому, что на месте самого искусства или дискуссии об искусстве обосновалась какая-то отвратительная гнусь, которая не в состоянии воздвигнуть ни одного красивого памятника. Дело в том, что вокруг нас одни шарлатаны сражаются с другими; от этой битвы у публики стыннут поджилки, и все гадают, кто же из них упадёт первым? К примеру, адвокат, который, вообще говоря, призван защищать обвиняемого в судебном процессе, зачастую целиком подпадает под влияние аргументов истца, пускай они такие же дутые, как и его собственные. Иногда также случается, что сам подозреваемый, несмотря на свою невиновность, соглашается с тем, что ему вменяют, а делает он это просто потому, что ему вскружила голову логика обвинения, которая и заставила его увериться в собственной вине (см. дело доктора Аршамбю в Пуатье, 1984 г)[2].

Сам Маклюэн, первый апологет спектакля (к слову сказать, такой идиот, с каким, наверное, никто уже в XX веке не сравнится), в 1976 году вдруг резко сменил свою точку зрения, когда обнаружил, что «всевластие СМИ ведёт к иррациональности», и, опомнившись, стал вопить, что с этим де надо что-то делать. «Мудрец» из Торонто — он несколько десятилетий подряд только и делал, что воспевал свободы, которые открывала перед человечеством «мировая деревня», насладиться житеём в которой каждый может по первому своему желанию. А ведь деревни тем и отличаются от городов, что всегда были движимы конформизмом, изоляцией, мелочной слезкой, всепоглощающей тоской и ожесточёнными сплетнями об одних и тех же семьях. Это как ничто лучше описывает вульгарность современного спектакля, в котором всё перепуталось не хуже кровнородственных связей между династиями Гримальди-Монако, Бурбонов-Франко и теми, кто последовал за Стюартами. Тем

не менее сегодня неблагодарные ученики Маклюэна стараются заставить людей забыть о нём, надеясь устроить свою карьеру, превознося заслуги медиа и славя все их эфемерные свободы. Впрочем, сомневаться не стоит: и трижды не пропоёт петух, как они отрекутся от своих взглядов, причём сделают они это с ещё большей легкостью, чем их несчастный учитель.

XIII

Спектакль ни от кого не утаивает того факта, что чудесный порядок, установленный им, со всех сторон окружают смертельные опасности. Загрязнение океана и уничтожение экваториальных лесов угрожают содержанию кислорода в атмосфере, промышленный рост приводит к возникновению озоновых дыр, радиационные отходы продолжают накапливаться в почве. Для спектакля всё это не имеет особого значения. Он лишь туманно разглагольствует о датах и размерах предстоящего бедствия. И если раньше, до возникновения спектакля, общественность подняла бы по этому поводу невиданный шум и, в конце концов, нашла бы пути решения всех этих проблем, то здесь спектакль попросту сумел всех успокоить.

Демократия спектакля действует куда хитрее и осторожнее, нежели жестокий и прямолинейный тоталитарный диктат. Она может сохранить старое наименование за тем, что было тайком подменено и профанировано в самой своей сути (как пример, современное пиво, говядина или философы). И при этом она с лёгкостью может переименовать то, что прежде использовала тайно. В Англии, например, Уиндскейльский завод по переработке ядерных отходов, после ужасающего пожара в 1957 году, был переименован в Селлафилдский для того, чтобы отвести подозрения и не тратиться на преодоление последствий этого пожара, так как после него во всей округе резко возросла смертность от рака и лейкемии. Спустя тридцать лет, по всем канонам «демократии», общественность счастливо узнала о том, что Британское правительство намеренно засекретило доклад о произошедшей катастрофе, считая, причём небезосновательно, что он поколеблет уверенность общества в безопасности ядерной энергетики.

Практическое применение ядерного распада, как в военных, так и в гражданских целях, требует куда большей степени секретности, нежели другие области промышленности, хотя и они, как мы знаем, достаточно засекречены. Производить жизнь — сиречь лгать — особенно удаётся тем «мудрецам», которых специально отбирают хозяева спектакля. Кроме того, как выяснилось, спектаклю очень выгодно вмешиваться даже в такую, казалось бы, незыблемую область, как систему измерений: сообразуясь с различными критериями, спектакль подправляет старые и создаёт новые эталоны и меры для того, чтобы впоследствии жонглировать ими по своему усмотрению, запутывая зрителя пересчётами с одной единицы на другую. Если уж мы заговорили о радиации, то вот, посмотрите: измеряя её уровень, каждый может выбрать себе единицу измерения по вкусу: кюри, беккерели, рентгены, рады или же сантигрэи, рэмы, не забывая и о скромных миллиардах и сивертах, которые составляют порядка ста рэмов. Не правда ли, напоминает старую британскую денежную систему, которая не раз играла злую шутку с иностранцами ещё в те далёкие дни, когда Селлафилд назывался Уиндскейлом[3]?

Каждый может представить себе, какой бы точности и скрупулезности достигла бы в XIX веке военная наука, если бы теоретики стратегии, чтобы не выдавать слишком много секретной информации нейтральным комментаторам или вражеским историкам, неизменно описывали бы военные кампании следующим образом:

«Начальная фаза боевых действий состояла из серии боёв, в ходе которых, с нашей стороны, сильный наступательный отряд под командованием четырёх генералов встретил неприятельские силы в размере 13,000 штыков. В дальнейшем разразилось яростное сражение на определённом участке. Наша наступающая армия насчитывала 260 пушек и 18,000 сабель тяжёлой кавалерии, в то время как ряды противника насчитывали не менее 3,600 пехотных лейтенантов, 40 капитанов гусар и 24 капитана кирасир. Последовавшая серия наступлений и отступлений с обеих сторон показала, что сражение зашло в тупик и победителя определить невозможно. Наши потери были меньше, чем обычно бывают при таком длительном и кровопролитном сражении, при этом они были ощутимо больше потерь, которые понесла армия Александра Македонского при Марафоне, однако гораздо меньше тех, что понесли Пруссаки под Йеной».

В подобном примере специалист может в принципе определить, сколько же войск всё-таки участвовало в сражении. Зато, как и требовалось, ход военных действий остался тайной.

В июне 1987 года Пьер Баше, заместитель директора по техническому оснащению государственного предприятия Electricite de France, рассказал о новейшей доктрине по безопасности атомных электростанций. По его мнению, установка специальных клапанов и фильтров поможет легко избежать крупных катастроф, таких как растрескивание или взрыв реактора, которые в любом случае затронут весь «регион». Такие катастрофы якобы происходят по причине чрезмерного сдерживания реакции. Когда возникает опасность того, что электростанция может взорваться, он предлагает плавно уменьшать давление в реакторе, покрывая при этом радиоактивными осадками лишь ограниченную область диаметром несколько километров, напрочь забывая о том, что эта область может быть самым рискованным образом расширена в любую сторону по одной лишь воле ветра. Он снимает завесу тайны над «благоразумными» экспериментами, которые проводились в течение двух последних лет в Кадараше и Дроме, и которые «дали понять, что выбросы заражённого газа при этом бесконечно малы, — в самом худшем случае они несут с собой один процент от радиоактивности самого реактора». Однако правда ли, что этот один процент «в среднем» не так уж страшен? Надо сказать, раньше мы старались сделать так, чтобы риска вообще не было, за исключением совсем уж невероятных ситуаций. Однако опыт последних лет вынудил изменить данное суждение: так как чрезвычайные ситуации могут произойти всегда, следует избегать лишь порога, когда они перерастают в настоящие катастрофы, а сделать это, как выясняется, довольно просто. Достаточно заражать территорию потихонечку, помаленечку, «в среднем». И вправду, кто не согласится с тем, что ограничивать себя традиционными ста граммами водки в день и выдерживать такой режим в течение нескольких лет полезнее для здоровья, нежели напиваться до потери пульса, как это делают поляки?

Нам вдвойне не повезло, что мы столкнулись со всеми этими тревожными проблемами в то время, когда уже физически невозможно услышать хотя бы единственное возражение к

диктату спектакля, а также когда сама власть начала верить, что думать ей не нужно. В самом деле — она уже не в состоянии думать, ведь спектакль ограждает её от какой-либо ответственности за свои несогласованные и бредовые решения и суждения. Вы же все такие убеждённые демократы — так почему вы не хотите выбрать себе более осмотрительных и трезвомыслящих хозяев?

На международной конференции экспертов, которая проходила в Женеве в 1986 году, рассматривался один очень простой, но важный вопрос: о всемирном запрете на производство фреона. Этот газ в последнее время начал быстро разрушать и без того тонкий озоновый слой атмосферы, который защищает нашу планету от пагубного воздействия солнечных ультрафиолетовых лучей. Даниэль Вериль, представлявший одну дочернюю компанию Elf-Aquitaine и в этом качестве присутствовавший как член французской делегации, твёрдо встал на защиту фреона и сделал одно рациональное замечание: «потребуется целых три года, чтобы разработать заменитель для фреона, и стоить он будет в четыре раза дороже». Но мы знаем, что хрупкий озоновый слой никому не принадлежит, хотя бы из-за своей недостижимости, а потому он не может иметь рыночной стоимости. Этот индустриальный стратег продемонстрировал оппонентам своё нескрываемое наплевательское отношение к экономике, сказав буквально следующее: «Очень опасно основывать индустриальную стратегию на императивах окружающей среды».

Тот, кто давным-давно начал критику политэкономии с того, что обозначил её как «окончательное отрицание гуманизма», не ошибся. Мы ещё увидим, как она в конце концов нас всех сожрёт.

XIV

Иногда говорят, что современная наука проникнута раболепием перед запросами прибыли, однако никакого открытия в этом нет. Что нового в том, что экономика в открытую объявила войну всему человечеству, посягнув не только на наши жизненные возможности, но и на саму нашу надежду на выживание. Вот поэтому-то наука и решила встать на службу господствующему порядку спектакля, отказавшись при этом от своей бывшей оппозиции к любому рабству, несмотря на то, что она провела в этой оппозиции значительную часть своей истории. А ведь, заметьте, до этого наука была относительно самостоятельной. Ну что же, она старательно изучила подвластную ей долю реальности и решила сделать свой незаменимый вклад к всё возрастающим экономическим ресурсам. Чуть только всевластие экономики стало бессмысленным (а именно этим и характеризуется зрелищное время), она поспешила уничтожить последние следы бывшей независимости науки, одновременно и в методологии, и в практических рабочих условиях для её «исследователей». Раньше задачей науки было познание мира, улучшение жизненных условий. Сейчас от науки требуется немедленное и безусловное оправдание всего, что в этом мире происходит. Общество спектакля срубило раскидистое дерево научного познания для того, чтобы сделать из него полицейскую дубинку — причём так нагло и безапелляционно оно поступило далеко не только с наукой. Чтобы вслепую подчиняться социальному заказу и неизменно оправдывать окружающее бытие, мыслить, собственно, и не нужно, достаточно просто быть натренированным до такой степени, чтобы откликаться на первый зов спектакля. О, презренные времена! Наука с невиданным рвением и абсолютно добровольно подалась в

проститутки!

Вполне естественно, что с первыми симптомами наступившего декаданса буржуазного общества возникли науки-апологеты. С ужасающей быстротой разнеслись по свету все эти многочисленные «человеческие» лженауки. Даже современная медицина, за которой прежде числилось огромное множество разных заслуг, таких как победа над оспой или проказой, позорно капитулировала перед лицом радиационного и химического заражения. Очевидно, что сегодня медицина уже не имеет права защищать здоровье людей от вредного воздействия окружающей среды — для фармацевтических компаний и, более того, для всего государства это стало бы настоящим вызовом. Причём не просто потому, что современной науке стыдно показывать свою запущенность, а скорее по той причине, что кроме пустых разговоров она уже ни на что не способна.

В ноябре 1985 два профессора, Эвен и Эндрю из Лэнекского госпиталя, поспешили уведомить общественность о том, что они нашли эффективное лекарство от СПИДа, о чём якобы свидетельствовали опыты над четырьмя пациентами, которые длились одну неделю. Спустя два дня после сделанного заявления эти пациенты всё-таки умерли, и несколько других докторов, возможно, из зависти, что их исследования не зашли так далеко, а возможно, и просто из жалости к умершим, обвинили профессоров в их излишнем стремлении праздновать победу. Особенно их возмутило то, что их претенциозное заявление было сделано всего за несколько часов до того, как состояние пациентов резко ухудшилось. Но Эвен и Эндрю в своё оправдание бесстрастно заявили: «в конце концов, пускай уж будет ложная надежда, чем никакая». Впрочем, этим невеждам не дано понять, что такими аргументами они отвергают сам научный дух. Ещё задолго до того, как таких людей стали брать на работу в больницы, подобными доводами ограждали себя от нападков и гнева толпы всякого рода шарлатаны и целители.

Официальная наука зашла в тупик. В лучших традициях общества спектакля она, потрясая своей новизной и материальной оснащённостью, притягивает к себе откровенных фигляров: фокусников, балаганных зазывал и клакеров. Неудивительно, что похожим образом вылезает на свет со свалки истории и возвращает себе былую славу всякая нечисть: провидцы и секты, навроде дзен-буддистов или мормонов. Невежество масс всегда служило хорошей опорой для власти, к примеру, только под его прикрытием можно искусно пользоваться пробелами в законодательстве. Стоит ли удивляться поэтому, что власти стало выгодно распространение безграмотности и суеверий? Особенно поражает лицемерие ЮНЕСКО: когда речь шла о неграмотности в отсталых странах — всё было нормально, но чуть только похожее явление вдруг начало проявляться и в так называемых развитых странах, пожалуйста: вместо «неграмотности» возникло новое определение: «языковые трудности». Доигрались: ждали Груши, а дождались Блюхера. Теперь эта национальная гвардия экспертов живо и лихо заменит определение «неграмотность» на «языковую трудность». Ну что же, и «лжепатриот» иногда может послужить на благо нации. Чуть только этот дикий неологизм прижился в преподавательской среде, с данным определением, как и следовало ожидать, опять произошла метаморфоза: если раньше неграмотными считались те, кто никогда не учился читать, то людьми с «языковыми трудностями» сегодня считаются те, кто уже учились и учились хорошо (раньше ведь в школах преподавали лучше и следили за успеваемостью строже), но чуть только

представилась такая возможность — быстренько читать разучились. Такое объяснение никого не должно успокаивать — оно, наоборот, должно обескураживать! Ведь это не научно — вывить явление и даже не задуматься над его причинами и тем, как с ним бороться. Никогда такого не было, чтобы прогресс породил тупоумие, и чтобы аналитический и практический застой шли рука об руку.

XV

Более столетия назад А.-Л. Сарду в своём «Новом словаре синонимов французского языка» выявил ряд нюансов, которые не следует забывать при использовании слов «лживый», «обманчивый», «жульнический», «обольстительный», «коварный» и «каверзный». Если взять эти слова и сделать из них своего рода цветовую палитру, то ей можно будет нарисовать отличный портрет общества спектакля. Он пишет:

«„Лживый“ (лат. fallaciosus) — приспособленный или приученный к обману, насквозь им пропитанный; определение данного прилагательного эквивалентно превосходной форме слова „обманчивый“. „Обманчивое“ — это то, что обманывает или каким либо образом вводит в заблуждение. „Лживое“ — это то, что обманывает намеренно, с определённой целью — ввергнуть в заблуждение, причём делает это с искусственной и сбивающей с толку уверенностью, тем самым злоупотребляя доверием. „Обманчивый“ — это более общее и гибкое понятие; неясные намёки, смутные очертания — всё это можно оценить как „обманчивое“. В то же время „лживое“ подразумевает двуличность, умышленный обман, жульничество. Например, речь софиста, его клятва или рассуждение являются именно лживыми. Слово „лживый“ имеет определённое сходство со словами „жульнический“, „обольстительный“, „коварный“ и „каверзный“, однако отождествлять их не стоит.

Слово „жульнический“ включает в себя все формы лицемерия или скрытности, которые применяются с целью кого-то оскорбить или нанести ущерб, сюда включается притворство, клевета и т. д. „Обольстить“ — значит втереться кому-то в доверие, чтобы затем самым жестоким и немилосердным образом обмануть. „Коварный“ — значит полный ловушек. „Каверзный“ — это нечто берущее врасплох. Слово „лживый“ включает в себя большинство из этих определений».

Жалко только, что во времена Сарду ещё никто не мог расписать подобным образом слова, характеризующие опасности, с которыми сегодня сталкиваются большинство революционных организаций. Увы, доктринёры «вооружённой борьбы» никогда не принимали во внимание различий между выражениями: «введённый в заблуждение», «спровоцированный», «засланный», «манипулируемый», «узурпированный» и «купленный».

XVI

Не так давно к нам из России, наряду с другими полезными новшествами, используемыми при руководстве государством, была импортирована относительно новая концепция дезинформации. Она открыто поддерживается определенными силами в обществе, точнее, теми людьми, которые в своих руках держат фрагменты политической и экономической власти. Прямая задача дезинформации — поддерживать существующий строй, т. е.

охранительная функция. Очевидно, что официальной истине может противостоять только дезинформация, исходящая от враждебных, или хотя бы конкурирующих сил, которые заинтересованы в злонамеренном подлоге. Дезинформация — это не просто отрицание факта, угодного власти, это даже не пропаганда факта, который не устраивает власть — это настоящая паранойя. В отличие от обыкновенной, прямолинейной лжи, дезинформация должна в обязательном порядке содержать в себе определённую долю истины, которой будет нарочно манипулировать противник. Вот почему дезинформация так пришлась по душе апологетам господствующего общества. Власть, слишком отвлекающаяся на дезинформацию, уже сама перестаёт верить в свою правдивость, однако знает, что в состоянии сделать любую более или менее ценную критику чем-то незначительным, т. е. слить её вместе с другими помоями в огромный чан дезинформации. А раз нет критики — то и ошибок власти никто не заметит.

По сути, дезинформация — это пародия на правду. Кто-то ворчит, что это плохо, кто-то утверждает, что это глупо. Однако выше мы упомянули, что её может распространять лишь враг существующего общества, но кто же этот враг? Понятное дело, что это не терроризм, ибо в самой его онтологии заложен серьёзнейший изъян, который ни за что не позволит ему кого-либо «дезинформировать». Из-за своей этимологии и из-за того, что всё ещё свежа память о тех локальных конфликтах середины XX века, в которых выясняли силы Восток и Запад, концентрированный и расплывчатый спектакли, капитализм интегрированного спектакля всё ещё делает вид, что бюрократический тоталитаризм — его главный враг. Впрочем, сейчас главным врагом начинают называть ещё и террористические организации с присущим им боевым духом, хотя можно найти бесконечное число доказательств того, что и терроризм, и бюрократический тоталитаризм всегда с удовольствием помогали в развитии и подкидывали новые идеи интегрированному спектаклю. Однако любая установившаяся власть, несмотря даже на то, что в ней самой неизменно происходит мелкая грызня, никогда не забывает давний лозунг, брошенный сразу после начала Первой Мировой войны немецкими интернационалистами: «Главный враг — внутри». Тогда их, впрочем, подняли на смех, и никакого резонанса заявление не получило, да и сейчас власть старается не особо афишировать этот лозунг. Но следует отметить, что в XIX веке дезинформацию непременно назвали бы «опасным развлечением». Ведь она ставит под угрозу всё то неизбывное счастье, которое современное общество дарит всем, кто ему доверяет, счастье, которое явно перевешивает все существующие риски и возможности разочарования, существующие в мире. И каждый, кто обрёл это счастье в спектакле, согласится с ценой, которую за него заплатил; все, кто думает иначе, автоматически переносятся в разряд дезинформаторов.

Итак, спектакль ярко выступает против дезинформации, однако это только уловка, чтобы отвести от себя подозрения: вдруг внутренний язык спектакля сам по себе содержит дезинформацию? Что тогда? Но пусть пока спектакль потешит себя надеждой, с научным пафосом утверждая, что дезинформация может быть только в том, что противоречит спектаклю.

Не так давно во Франции различные СМИ начали лепить на себя ярлыки: «У нас нет дезинформации!» Понятное дело, что это всего лишь ловушка. Больные на голову профессионалы медиа до сих пор верят или, по крайней мере, хотят верить в то, что они неподвластны жёсткой цензуре. Однако современная концепция дезинформации, выполняющая

защитную функцию, никогда не предназначалась для пассивной обороны, она не предполагает строительства линии Мажино и Великой китайской стены, которые бы смогли полностью оградить общество от дезинформации. Вовсе нет, дезинформация должна присутствовать и при этом казаться чем-то вездесущим и всепроникающим. Тем более, зачем защищать спектакль тогда, когда его никто не атакует? Это привело бы лишь к тому, что концепция дезинформации износилась раньше времени — тем более что для её опровержения подчас бы пришлось пользоваться такими фактами, о которых широкая публика, в принципе, знать не должна. Власти на самом деле и не нужно, чтобы дезинформация полностью исчезла. К тому же они не в состоянии этого добиться — они могут лишь относиться с подозрением к любой информации. Дезинформация предназначена для контраатак. Её держат в резерве на случай, если вдруг кто-то начнёт говорить правду.

А что если возникнет опасность появления нерегулируемой дезинформации, которую начнёт продвигать какая-либо заинтересованная партия или сторона? Вдруг этой новой дезинформации поверят, она выйдет из-под контроля и затмит собой прежнюю, обузданную дезинформацию? Бояться нечего — власти наймут ещё более обученных и прозорливых специалистов-манипуляторов, которые сочинят ещё пущую дезинформацию. Чему удивляться — дезинформация распространяется в мире, где истину уже не проверишь и не отыщешь.

Когда выяснилось, что критику невозможно замолчать, на помощь пришла синкретическая концепция дезинформации. К примеру, если текст покажется неудобным, то достаточно и минуты, чтобы объявить: «данный текст содержит дезинформацию о спектакле!» Или, что то же самое, «он несёт вред для демократии!» И всё! Текста уже как бы и нет!

Не важно, как именно спектакль определяет дезинформацию. Следует уяснить, что дезинформация служит государству здесь и сейчас, напрямую подчиняется ему или его подельникам. Дезинформация на самом деле стала неотъемлемой частью всей существующей информации и, конечно же, главной её характеристикой. О ней можно говорить лишь там, где общественная пассивность поддерживается путём банального запугивания. Дезинформация существует только там, где исчезло само понятие «дезинформация», и наоборот.

В те далёкие времена, когда ещё идеологии сражались между собой, отчаянно споря и выражая свои «за» и «против» по каждому аспекту реальности, существовали фанатики и лжецы, но не было «дезинформаторов». Однако спектакль привёл мир к «консенсусу», и его слава уже никому не позволяет честно выступить «против» или от всей души быть «за». Если спектаклю что-то не нравится, если он чувствует опасность — он призывает на помощь дезинформацию, и та, не долго думая, ставит на лоб грозному врагу своё клеймо и отправляет его тем самым на свалку истории. К примеру, после 1968 года в политической жизни возникло немереное число любителей угоститься на дармовщинку, «prositus», с удовольствием способствовавших становлению интегрированного спектакля. Они и стали первыми профессиональными дезинформаторами: они заявляли, что якобы приобщились к критике, но одновременно с этим упрямо уклонялись от любых конкретных действий. При этом они даже не давали ссылок на тех, у кого они надёргали элементы своей «критики», без тени смущения, выдавая получившийся шанхай идей за своё изобретение.

XVII

В 1967 году, перефразировав известную максиму Гегеля, я заметил, что «если мир перевернуть с ног на голову, истина в нём станет ложью». Сейчас, спустя много лет, оказалось, что я даже не сгустил краски: повсеместно, куда бы вы ни заглянули, везде вы убедитесь, что это так.

В нашу эпоху классическое искусство предаётся забвению — его попросту перестают понимать, а ничего нового уже не создаётся. Повсеместно эксплуатируется невежество. Смысл истории теряется, вкусы извращаются, зато лапшу на уши нам уже начали вешать в централизованном порядке. Достаточно подкупить экспертов и оценщиков, чтобы их руками контролировать мир: рыночная стоимость здесь решает всё. Взять хотя бы музеи и коллекционеров, особенно американских, — для того, чтобы поддерживать свою репутацию они послушно втридорога покупают на аукционах всякую дребедень, а потом ещё хвастаются, что смогли обмануть хитрых аукционных крыс. Такая же ситуация с Международным валютным фондом: закабалив полмира своими кредитами, он снискал только славу и уважение.

Фальшь подчинила себе вкусы общества и сожгла мосты к любой аутентичности. Само определение «подлинности» было подменено таким образом, чтобы оно больше походило на понятие «подделки».

Американцы — самая богатая и современная нация в мире, а потому они и схватили главный куш в этой погоне за фальшивым искусством. Не стоит обольщаться тем, что они спонсируют восстановление Сикстинской капеллы и Версаля: теперь фрески Микеланджело не будут уступать в яркости и свежести красок диснеевским мультфильмам, а оригинальные интерьеры Версаля заблестят фальшивой позолотой и будут отлично гармонировать со сделанными в Техасе нарядами для восковой фигуры короля Людовика XIV.

Суждение Фейербаха о том, что в его эпоху «образ предпочитают вещи, копию — оригиналу, представление — действительности, а видимость — бытию» было полностью доказано обществом спектакля. Причём это теперь касается даже тех сфер, на которые в XIX веке данное правило не распространялось, например, на индустриальный капитализм. Вот почему буржуазия так рьяно вдруг принялась отстаивать интересы музеев, встала на сторону беспристрастной исторической критики и занялась меценатством. Впрочем, также поражает их навязчивое желание заменить всё настоящее — искусственным. Например, на площади Согласия в Париже лошадей Марли заменили пластиковыми копиями, так как оригинальные статуи начали разрушаться под воздействием выхлопных газов, то же самое произошло и с римскими статуями на въезде в Сен-Трофим в Арле. Ну что же, фотографии у туристов получатся даже лучше чем прежде.

Но больше всех отличился, конечно же, Китай, выставив недавно на встречу с иностранными делегациями целую армию промышленных чиновников — жалкое подобие терракотовой армии Первого императора. Это было бы смешно, если бы не было так грустно. У каждого чиновника было по десятку советников, но ни один из них не знал ничего про Китайское

искусство, да и вообще не знал ни о чём, кроме промышленности. «Извините, у компьютера нет данных по этому предмету». Пожалуй, впервые в истории случилось так, что страной правят люди, которые ничего не смыслят в искусстве, не могут отличить подлинник от подделки. Страшно подумать в какую пропасть заведут мир все эти идиоты, которые надменно величают себя экономистами и управленцами.

XVIII

Наше общество насквозь пронизано секретностью. Тут и «вольные каменщики», тщательно скрывающие консолидированное могущество своих членов; сюда относятся и всякого рода «государственные тайны», которые освобождают государство от любых рамок закона. Что уж тут говорить о том, на какие ухищрения подчас решаются производители, когда хотят с помощью рекламы представить свой низкопробный товар как верх научного прогресса. А чего стоят экстраполяционные прогнозы, в которых власть отмечает таинственное действие на себя тех факторов, которые она уже вроде бы победила. Впрочем, можно сделать и много других наблюдений.

В городах и окрестностях всё больше становится мест, куда закрыт доступ зевакам и непосвящённой публике, как, впрочем, и шпионам. И хотя не все они имеют военное назначение, охрана их строится именно по военной модели. Внутри таких объектов не допускаются не только случайные прохожие, но даже и полиция, чьи полномочия в последнее время сократились до выслеживания и наказания простейших, в основном бытовых правонарушений. Вот почему Альдо Моро был узником именно тюрьмы «Potere Due», из которой можно было при желании убежать, но в которую нельзя было попасть.

Всё больше и больше становится людей, которых готовят и обучают исключительно подпольной деятельности. Одни из них владеют секретными архивами, т. е. имеют доступ к засекреченным данным и анализам. Другие заняты тем, что ищут способы: как наиболее эффективно манипулировать этими секретными данными и как заставить их работать на себя. Ну и, наконец, есть ещё и третьи, так называемые «люди действия», которые, собственно, и разгребают жар.

Год от года вкладывается всё больше и больше средств в агентов разведки и влияния, благо обстоятельства этому только потворствуют. Новые условия общества интегрированного спектакля привели к тому, что критика ушла в подполье, однако не потому, что захотела спрятаться, а потому, что её затолкала туда громоздкая система принуждения и господствующего мышления. Понятное дело, что произошло это не само собой, — кто-то сначала прощупал почву, а затем применил вполне привычные и традиционные методы для её уничтожения — само собой, они были подпольными: активно использовалась провокация, внедрение агентов влияния и другие способы дискредитации аутентичной критики в пользу фальшивой — заранее подготовленной для этой благой цели. Словно снежный ком растёт всеобщий обман, создаваемый спектаклем, — материалом для этого роста служит ложь тысяч и тысяч отдельных индивидов. Отсутствие логики приводит к тому, что многие судебные разбирательства, подчас фальсифицированные от начала до конца и скатившиеся оттого в бездну иррациональности, поступают в ведение таких вот «чрезвычайных» экспертов. Доходит до того, что если преступление не получается объяснить, на него

просто наклеивают ярлык «суицид».

Мы уже привыкли к массовым казням: казнят правых и виноватых; с террористами, или с теми, кого за них считают, открыто борются террористическими методами. Моссад организовал убийство Абу Джихада, SAS[4] может таким же образом начать убивать ирландцев, а параллельная полиция GAL[5] — басков. Понятно, что свои цели террористы выбирают не случайным образом, однако что движет ими — остаётся для многих загадкой. Кто-то считает, что железнодорожную станцию в Болонье взорвали специально для того, чтобы укрепить рейтинг правительства Италии; кто-то сомневается в действительном существовании «бригад смерти» в Бразилии; кому-то не верится, что мафия может сжечь отель в США, для того чтобы в штате скорее приняли закон о легализации рэкета. Но какие мотивы были тогда у безумных брабантских убийц[6]? Здесь уже ничего подходящего на ум не приходит. *Cui prodest!* — когда в этом деле замешано столько разных интересов! Как результат, в обществе интегрированного спектакля наша жизнь и смерть подчинена воле случая.

Если СМИ или полиция невзначай пустят какой-нибудь слух, то он немедленно — в крайнем случае, после нескольких повторений в эфире — станет общеизвестным и доказанным фактом. Мифическая власть спектакля может запросто уничтожить неугодную ей личность, окружив её непроницаемым ореолом молчания, а потом, сменив гнев на милость, даровать ей жизнь обратно. Их воскрешение всегда запрограммировано, специалисты, доказывая их существование, извлекают доходяг из небытия, словно джиннов из бутылки. А пока в их услугах не нуждаются, они мирно дремлют себе где-то между Ашероном и Летой, толком не похороненные спектаклем. «Домой вернулся моряк, домой вернулся он с моря!»[7]. Кровавый террорист сбрил бороду и явился ко двору в нарядном костюме. И даже неуловимый вор теперь ничего не крадёт, а мирно заведует кофейней на Монмартре.

Однако так делается не везде. Зачастую власть защищается посредством инсценировки ложных атак, направленных, на первый взгляд, против самой власти, однако уже то, с каким рвением и полнотой данные атаки освещают СМИ, можно догадаться об их истинном заказчике. Так было, например, с нелепым захватом Кортеса (испанского парламента) членами испанской гражданской гвардии во главе с Техеро Молина. Однако за этим неудавшимся путчем, который подавили в течение 24 часов, как-то затерялось другое *pronunciamento*, куда более важное для политической жизни Испании. Ещё похожий пример — провал французских спецслужб при проведении спецоперации в Новой Зеландии в 1985, которой можно расценивать как очень хитрый стратегический шаг. Общественность, кажется, слишком негодовала по поводу всевластия спецслужб? — пожалуйста, теперь все убедились, что спецслужбы не только ставят перед собой нелепые цели, но и не в состоянии толком проводить спецоперации. Наконец, уже все, кажется, согласились с тем, что нашумевшие поиски нефти прямо под центром Парижа, о которых так громко трубили осенью 1986 года, затевались только для того, чтобы проверить, насколько изумится население, будет ли оно возмущено, если его вдруг начнут выгонять из собственных домов ради проведения совершенно бесполезных с экономической точки зрения геологоразведочных работ.

Что уж тут говорить о том, как посредством администрации президента США в Иран незаконным путём переправлялось оружие! И хоть бы кто-нибудь спросил: кто же на самом деле управляет США — главной силой в так называемом демократическом мире? Более того! Кто, чёрт возьми, управляет этим самым демократическим миром!?

Впрочем, надо зреть в корень: в мире, который отдал себя в услужение экономической необходимости, никто не знает действительной стоимости производимого товара. А было бы чертовски интересно узнать, сколько на самом деле стоит весь этот ширпотреб!

XIX

В начале 1988 года генерал Норьега неожиданно прославился на весь мир. Он был неофициальным диктатором Панамы, командуя Национальной гвардией в стране, в которой нет армии. Панама, вообще говоря, — это не суверенное государство: именно она существует ради своего канала, а не наоборот. Её валютой является американский доллар, да и «армия», которая правит страной, по сути, тоже является иностранной. Поэтому, точно также как и генерал Ярузельский в Польше, Норьега полностью посвятил свою карьеру охране оккупационного режима, выступая начальником полиции. Так как сама Панама не приносила ему большого дохода, он импортировал наркотики в США, а затем переправлял «панамские» деньги в Швейцарию. Он работал на ЦРУ против Кубы, и для того, чтобы обезопасить себя и свои махинации, он пролил свет на импорт наркотиков в США через Панаму таким образом, чтобы всем показалось, что в это дело замешана Гавана. К зависти Вашингтона, его главным советником по безопасности был никто иной, как Михаэль Харари — бывший офицер Моссада, бесспорно лучший специалист в этой области. Когда США наконец решили избавиться от Норьеги, и несколько американских судов осторожно предъявили к нему претензии, он тут же заявил, что всегда был готов защищать себя от посягательств: ему не страшны ни иностранцы, ни свой собственный мятежный народ. Он тут же встал под знамёна антиимпериализма и тем самым заручился поддержкой общественности и менее эксцентричных бюрократических диктаторов Кубы и Никарагуа.

Вряд ли генерала Норьегу можно назвать типично панамским явлением: он продаёт и подделывает всё и вся. Тем же самым, если присмотреться, занят сегодня весь мир. Он является наиболее колоритным представителем интегрированного спектакля, именно таким деятелям спектакль обязан своими успехами во внешней и внутренней политике. Спектаклю нужны такие государственные деятели и такие государства, такие генералы, такие капиталисты. Норьегу можно назвать героем нашего времени, и если кто-то захочет прийти к власти и остаться надолго у её руля, тот должен брать с него пример. Не только в Панаме происходят такие чудеса — это примета нашего времени.

XX

Клаузевиц в своё время точно подметил, что знание должно рано или поздно стать властью. Это в высшей степени справедливо для спецслужб: именно из знания они черпают свою славу и свою воистину виртуозную манеру действия. Спектакль, как известно, подавляет любое проявление деятельности человека, а также очень не любит распространять информацию о деятельности других людей: понятно, что для спецслужб это совершенно

неприемлемо, и поэтому они тщательно отгородили себя от спектакля. Однако в этом убежище, как затем выяснилось, они оказались не одни — вместе с ними там окопались и другие личности, анализирующие предметы действительности и предпринимающие тайные действия над ними. Не так давно мир облетело сенсационное известие: оказалось, что на Маргарет Тэтчер одно время очень сильно давила Британская разведка и даже готовила на неё покушение, т. е. сегодня спецслужбы даже в состоянии сместить премьер-министра, если его деятельность покажется им опасной. Как результат, спектакль снова ввязывается в «Великую игру» шпионских страстей[8].

«Теория заговоров», возникшая в XIX веке, была наивным и откровенно реакционным суеверием, особенно в то время, когда массами руководили не какие-то полумифические масоны, а вполне реальные, крупные и могущественные общественные организации. Однако современные горе-бунтовщики воротят от них нос и более склонны верить слухам и домыслам, а также книгам с громкими названиями. Они призывают бороться с мировым злом, но при этом сами не желают и пальцем пошевелить — мечтателей всегда вгоняет в скуку потребность что-либо делать. Государство замечает данный факт и пользуется им.

Почти все события мировой политической жизни и — что, наверное, даже более важно — внутренней политики сегодня истолковываются и отображаются в стиле провокаций спецслужб.

Везде зрителю мерещатся ловушки, дезинформация и двойные толкования, причём одно из этих толкований, возможно, призвано затмить собой другое, ну и т. д. Спектакль заточил нас в невыносимо скучный мир непостижимого. Реальность превратилась в утомительный, бесконечный детективный роман, столь же интересный, сколько ловля чёрного кота в тёмной комнате.

Телевидение показало красивую картинку и сопроводило её наглой ложью, а обыватели-идиоты ей поверили. В полуэлитарных кругах принято считать, что всё вокруг — амбивалентная мистификация, которую кто-то тайно «сконструировал» неизвестным кодом. Более посвященная элита уже старается выявить истину, однако постоянно сомневается и путается, несмотря на всю свою посвящённость, доступ к тайным знаниям и самоуверенность — они тщатся найти саму квинтэссенцию истины, однако их влечение остаётся безответным.

XXI

Секретность господствует над миром, прежде всего, как секрет господства. Согласно спектаклю, секретность — это всего лишь досадное, однако необходимое исключение из общего правила, по которому информация в современном мире избыточна и доступна каждому. Ещё интегрированный спектакль утверждает, что его «свободный мир» — это всего лишь оболочка, исполнительный орган власти на службе у всеобщей демократии. Но в спектакль на самом деле никто не верит. Что бы ответили зрители, если бы их вдруг спросили: «что вы думаете о существовании секретности в современном мире?» И правда, как вы допускаете, что секретность правит миром и, более того, вашей жизнью в этом мире? В мире, о принципиальных реалиях которого вы даже и не подозреваете? Действительно,

сейчас никто не замечает секретность во всём её первозданном совершенстве и функциональной универсальности. Все допускают, что в ведении специалистов, может быть, и существуют какие-то секретные области, при этом надо сказать, что многие уверены в своей собственной секретности.

Ла Боэси в своём труде «Discours sur la servitude volontaire» наглядно показал, что власть тирана с особой ревностью и подобоострастием поддерживает прежде всего определённый круг лиц, которые обоснованно или нет, но верят, что помогать власти — вполне в их интересах. Именно таким путём многие политики и профессионалы СМИ, опасаясь потерять свой иммунитет, активно пользуются своими связями и оказанным доверием. Если им доверят доступ к секретной информации, они ни за что её не подвергнут критике, и лишь закроют глаза на то, что в ней принципиальные аспекты реальности, подчас, скрыты. Благодаря великодушию своих покровителей они видят чуть больше карт, чем все остальные; причём не важно, что эти карты могут оказаться фальшивыми — правил игры они всё равно не знают. Поэтому они немедленно отождествляют себя со своими кукловодами и начинают дружно презирать «невежество» толпы, хотя сами ничуть не лучше. Те крохи информации, которые тирания отпускает своим приспешникам, зачастую отравлены ложью: их нельзя проверить, но ими можно запросто манипулировать. Однако те рады и таким жалким крохам, ибо они позволяют себя мнить хотя бы ненамного выше тех, кто вообще ничего не знает. Основная задача таких «профессионалов» — повышать авторитет власти и делать её как можно более непостижимой. Главная привилегия этих специалистов перед обычными зрителями, которые по дурости своей ещё наивно верят, что что-то понимают, заключается не в том, что эти эксперты действительно знают и понимают больше, а в том, что они верят, будто знают больше!

Власть не так глупа, как кажется — она ясно понимает, что её необузданное и бесконтрольное правление рано или поздно приведёт к огромному числу крупных катастроф, как экологического (например, химическое заражение воздуха), так и экономического характера (мировые финансовые кризисы). Одно время она, правда, заявляла, что в состоянии справиться со всеми этими неудачами, но и это было всего лишь дезинформации.

XXII

За последние два десятилетия существенно возросло число громких убийств. Были убиты Кеннеди, Альдо Моро, Улаф Пальме; убивали министров и банкиров, одного или даже двух Римских пап, а также некоторых, кто был ценнее всех их вместе взятых. Что самое интересное, ни одно из этих преступлений так и не было раскрыто. Создаётся такое впечатление, что это просто лишние марионетки пустили в расход, причём никто не задался вопросом о том, кто, собственно, главный кукловод в этом театре. Характер всех этих убийств был примерно одинаков, как одинаково нелепыми и беспомощными были официальные заявления по их поводу. Синдромы этой социальной болезни быстро распространились по всему обществу: раньше такое безобразие происходило лишь на самом Олимпе государственного устройства (в общем-то, традиционной сфере для подобного рода преступлений), а также в самой низине общественного устройства: в области рэкета и преступных разборок, где уже давно шла непримиримая борьба между профессиональными

мафиози. Доселе между этими пластами общества было относительно спокойно, но теперь даже в середине общественного устройства стало опасно находиться — ведь именно там столкнулись интересы власти и мафии.

Не было отбоя от попыток объяснить, пролить свет на данные загадки, свести их к обычным преступлениям: кто-то винил во всём некомпетентность полиции, тупость судей, поспешные разоблачения прессы, кризис в спецслужбах, подкуп свидетелей, а кто-то и вовсе утверждал, что эти убийства устроили сами полицейские. Однако Эдгар Алан По уже задолго до этого пролил свет на истину в своём рассказе «Убийство на улице Морг»:

«Мне кажется, данное дело было намеренно признано неразрешимым: уж слишком оно было одиозным. В этом и кроется разгадка преступления... В расследованиях, которые нынче проводятся, уже не так часто задаётся вопрос „что же произошло“, всех больше интересует — „что здесь произошло из того, что не происходило прежде?“»

XXIII

В январе 1988 колумбийская наркомафия выпустила особое коммюнике, нацеленное на то, чтобы изменить общественное мнение по поводу своего предполагаемого существования. Сегодня любая мафия первым делом должна доказать, что она не существует или, по крайней мере, является жертвой лженаучной клеветы; и именно в этом она, прежде всего, схожа с капитализмом. Однако мафия оказалась в неприятном положении — она так рьяно опровергала собственное существование, что невольно стащила покрывало с тех, кто пользовался ей как козлом отпущения. Вот что гласило вышеупомянутое коммюнике: «Мы не принадлежим к мафии политиков и бюрократов, финансистов и миллионеров, мы не имеем ничего общего с монополистической и нефтяной мафией, мы не заключаем мошеннические миллионные контракты и, тем более, не связываемся с мафией СМИ».

Несомненно, авторы данного коммюнике были заинтересованы, кроме всего прочего, чтобы их действия расценивались как банальные незаконные, преступные деяния, они хотели слиться с общим потоком, заливающим всё современное общество. Также мы не ошибёмся, если предположим, что эти люди, хотя бы из-за своего ремесла, знают, о чём говорят. И знают больше, чем большинство людей. Мафия расцвела буйным цветом на почве современного общества. Её мировая экспансия проходит с невиданной быстротой — столь же быстро по свету распространяются и другие продукты труда, которыми спектакль лепит свой мир. Мафия растёт одновременно с быстрым развитием информационных технологий и промышленным производством продуктов питания, вместе с урбанизацией и трущобами, неграмотностью и разветвлёнными сетями спецслужб.

XXIV

Мафию в США занесли эмигранты-рабочие из Сицилии; примерно в это же самое время на западном побережье разразилась клановая война между китайскими триадами, т. е. изначально мафия была банальным архаизмом, пережитком, прижившимся на новом месте. Рождённая из нищеты и обскурантизма, мафия даже не смогла наладить связи с Северной Италией. Все были уверены, что чуть только государство станет более совершенным, она

исчезнет без следа. И понятно, ведь раньше мафия процветала лишь за счёт «защиты» угнетённых меньшинств, пуская свои корни за городом, где не действовали законы буржуазного общества, и куда боялась совать свой нос рациональная полиция. Мафия могла только защищаться, и то для этого она в состоянии была позволить очень немногое: так, «убрать» свидетелей, нейтрализовать полицию и судей, ну и конечно, поддерживать требуемый уровень секретности в своей сфере влияния. Однако ожидания не сбылись, и мафия лишь почувствовала новый прилив сил, когда восторжествовал новый обскурантизм, вначале расплывчатого, а потом и интегрированного спектакля. Окончательная победа секретности, покорность толпы, полная потеря логики, всемирный прогресс трусости и продажности — сделали своё дело. Отныне мафия преобразилась и стала современной агрессивной силой.

«Сухой закон» в Америке (кстати, показательный пример того, как государство предъявило претензию на всеобщий авторитарный контроль, и что из этого вышло) довлел над организованной преступностью в течение более чем десяти лет. Именно с тех пор мафия, обогащённая новыми силами и опытом, ударились в политику, выборы, коммерцию, активно стала развивать рынок профессиональных киллеров, начала задавать тон в некоторых областях внешней политики. Во время второй Мировой войны правительство США щедро перечисляло мафии средства для того, чтобы облегчить вторжение в Сицилию. Прошло время — алкоголь легализовали; теперь его место заняли наркотики — главный товар нелегального потребления. Далее мафия вплотную приступила к дележу собственности, занялась банковскими махинациями, политикой на высшем уровне, государственными делами, а затем и зрелищной индустрией: телевидением, кино и журналами. И уже, по крайней мере, в Соединённых Штатах точно, мафия опутала своими щупальцами музыкальную индустрию, как, впрочем, и любую другую сферу деятельности, в которой коммерческий успех продукта зависит от относительно сплочённой группы лиц. На них поэтому легко оказывать давление. Можно взятками (мафия на это денег не жалеет), а если взятки не помогают, то и банальными угрозами — всё равно ей никто не в состоянии дать отпор. Мафия подкупает диджеев и тем самым определяет, какой именно музыкальный товар будет пользоваться популярностью в новом сезоне. А вы ещё удивляетесь, почему по радио крутят такую убогую безвкусицу.

Воодушевившись своим успехом в Америке, мафия и в Италии обрела невиданную силу. После периода политического перемирия с параллельным правительством она получила право безнаказанно убивать начальников полиции и магистратов, что впоследствии вошло в историю под понятием «политический терроризм». Похожая эволюция японской мафии в относительно независимых условиях хорошо иллюстрирует единство эпохи.

Нельзя противопоставлять друг другу мафию и государство и тем более пытаться что-то этим объяснить — они никогда не враждовали. Теория только подтверждает то, что уже доказано на практике. Мафия — не чужак на этой земле, она чувствует себя здесь как дома. В рамках интегрированного спектакля, мафия — это идеальная модель любого развитого коммерческого предприятия.

Мы живём в удивительное время: сегодня даже политическое убийство может запросто сойти с рук, в каком-то смысле на него начинают смотреть сквозь пальцы. Сумасшедших на улицах становится всё больше и больше, однако куда примечательней то, что все вокруг начали перенимать их язык. СМИ дают такие идиотские объяснения к событиям не потому, что их заставляет это делать какое-то абстрактное царство террора и ужаса — вовсе нет. Как раз тот факт, что такие объяснения имеют место — внушает ужас.

Давайте взглянем, какое объяснение давали политическим убийствам до того, как современное общество прогнулось под железной пятой спектакля, и после. Итак, 31 июля 1914 года, Европа накануне первой Мировой, Рауль Виллен убивает Жана Жореса. Никто не сомневался, что Виллен, хотя и был немного неуравновешенным человеком, убил Жореса по политическим мотивам, так как до этого попал под влияние правых экстремистов, которые и убедили его в том, что Жорес представляет угрозу для национальной безопасности. К слову, эти экстремисты недооценили силу патриотического крыла в Социалистической партии — и не важно, убили бы Жореса или позволили ему дальше проповедовать свою антивоенную интернационалистическую позицию, — всё равно партия поддержала бы действия Антанты.

А теперь представим себе, что бы произошло, если бы такое событие случилось сегодня. На помощь к полиции и журналистам тут же прилетели бы «эксперты» по «общественным вопросам» и «терроризму» — они тут же рассказали бы, что Виллен — известный психопат, и что он до этого планировал сразу несколько убийств. Причём все его жертвы, не взирая на их политические взгляды, чисто случайно выглядели и одевались в точности как Жан Жорес. Психиатры бы это тут же подтвердили, а журналисты, в свою очередь, быстро разносили бы эту радостную весть, тем самым подтвердив свою собственную компетентность и беспристрастность как истинно авторитетных экспертов. Официальное полицейское расследование немедленно бы отыскало нескольких людей с хорошей репутацией, готовых засвидетельствовать тот факт, что 31 июля Виллена обидел официант в «Cafe du Croissant» на Монмартре, и тот на весь зал поклялся отомстить хозяину этого заведения, угрожая убить его лучшего клиента, а потом достал револьвер и застрелил Жореса.

Это только в прошлом всё тайное рано или поздно становилось явным. Впрочем, надо сказать, Виллену повезло, и французский суд его тогда оправдал. Его расстреляли только в 1936 году в самом начале Испанской революции — угораздило же бедолагу переехать на Балеарские острова!

XXVI

В условиях, когда государство установило гегемонию над управлением производством и когда спрос на все товары непосредственно зависит от степени централизации информации и рекламы в рамках спектакля, к которым вдобавок обязаны приспособляться формы распределения, повсеместный рост тайных обществ и сетей вполне отвечает современному способу получения выгоды при управлении экономикой. Это естественный продукт концентрации капитала, производства и распределения. Всё что не развивается — обречено на вымирание, при этом ничто, никакое предприятие не сможет развиваться, если оно не приспособится к ценностям, технике и методам современного спектакля, государства и промышленности. В конечном счёте экономика нашей эпохи диктует, чтобы все люди были

связаны между собой взаимными узлами зависимости и защиты.

Как раз здесь мы и убеждаемся во всей пронизательности и истинности известной сицилийской поговорки, ныне признанной во всей Италии: «Если у тебя есть друзья и есть деньги — ты можешь насмехаться над законом». В интегрированном спектакле законы перестают действовать. Их сочиняли ещё тогда, когда никто и представить себе не мог, каких высот достигнут новые технологии производства, и что, собственно, производство и распределение будут регулироваться совсем иными типами соглашений. Уже не важно, что думает публика, не важно, какие у неё вкусы. Спектаклю они уже не помеха, ведь опросы общественного мнения, выборы и прочие «модернизации-реструктуризации» проводятся отныне под его патронажем. И не важно, кто победит на этих выборах — преданным покупателям всё равно на них всучат самый паршивый товар, потому что выборы ради этого и устраиваются.

Распространённые толки о «правовом государстве» пошли как раз с тех пор, когда демократические государства перестали быть таковыми. Причём вряд ли можно назвать случайным тот факт, что данное выражение обрело популярность где-то в 1970 году и, что особенно симптоматично, в Италии. Сегодня в законах изначально создаются лазейки, чтобы ими могли воспользоваться те, кто располагает для этого средствами. В некоторых случаях нелегальные, мошеннические операции выступают дублёрами-двойниками вполне законных экономических сделок, отчего те становятся ещё более выгодными; как пример: мировая торговля оружием, особенно что касается наиболее технологичных и засекреченных образцов. Многие сделки в бизнесе нынче столь же бесчестны, как и вся наша эпоха. Но это не просто некоторые господа выбрали для себя путь обмана и мошенничества — к этому принудила их само наше время.

По мере развития рекламных и контролирующих сетей, которые определяют и обслуживают интересы эксплуатируемых участков рынка, также развиваются услуги и частных спецслужб, причём от людей, готовых предоставить свои услуги в данной области, просто отбоя нет; причём это вовсе необязательно отставные полицейские или другие блюстители государственных интересов и безопасности. Их тайные сети опутали весь земной шар. При виде того, кто их нанял, они тут же вытягиваются в струнку и выказывают чудеса преданности и признательности. Такую готовность добровольно служить редко где сыщешь в буржуазную эпоху.

Мы все чему-то учимся у своих предшественников. Не стоит сомневаться: государственные мужи тоже читали заметки Лукача о концепциях законности и незаконности. Естественно, их вынудило к этому новое, решительное, отрицательно настроенное поколение, которое впоследствии кануло в лету, — Гомер говорил: «Как поколения листьев, мы поколенья людские». Как и мы, государственные деятели были вынуждены составить свою точку зрения на данный вопрос, тем более, в обществе спектакля ни мы, ни они уже не питали никаких иллюзий по его поводу. Напоследок могу сказать следующее: мы бы, возможно, и рады были посвятить свою жизнь какой-нибудь незаконной деятельности, да сами к тому времени жили в подполье.

Фукидид в своей «Истории» хорошо описал особенности одного олигархического заговора того времени, причём его перипетии наводят на мысли о той ситуации, в которой сегодня оказались мы.

«Тем не менее, Ассамблея и Совет, избранный по жребию, продолжали собираться. Однако на них не принималось решений, которые были бы неуютны партии заговорщиков; на самом деле все ораторы состояли в этой партии, и все их речи готовились заранее. Горожане трепетали перед их могуществом, а потому никто не желал оказаться у них на пути. А если кто-то и пытался — его немедленно убивали, причём никто не хотел расследовать данные преступления или предпринимать какие-либо действия против тех, кто был заподозрен в их совершении. Наоборот, люди покорно переносили происходящее. И даже если человек помалкивал, он всё равно благодарил фортуны за то, что его до сих пор ещё не тронули — вот насколько все были запуганы. Заговорщики мерещились им везде, люди окончательно потеряли веру в себя, сосед косо смотрел на соседа, брат — на брата. Угнетаемые страхом, люди даже не могли пожаловаться друг другу или поделиться переживаниями, потому что опасались за свою голову; даже в семьях люди перестали доверять друг другу. Члены демократической партии уже не могли смотреть друг на друга без подозрения: каждый думал, что его коллега связан с заговором. И на самом деле, среди заговорщиков немало было таких, кого ни за что нельзя бы было заподозрить в связях с олигархией. Однако именно они и были в основном ответственны за то, что большинство граждан перестали друг другу доверять, и именно они обезопасили меньшинство заговорщиков, посеяв семена раздора и подозрительности в Ассамблее»[9].

Что же, история иногда имеет свойство повторяться. Я уверен, когда-нибудь эти Комментарии ещё послужат при написании истории спектакля. Спектакль — это не то, на что мы могли бы просто закрыть глаза. Его возникновение стало главным событием нашего века, причём мало кто дерзнул его хоть как-нибудь описать. Возможно, в иных обстоятельствах я бы и не принялся за эту работу, удовольствовавшись первым своим трудом по данной теме, оставив право развивать её другим. Однако в сложившейся ситуации непохоже, чтобы кто-нибудь, кроме меня, решился на это.

XXVIII

Сети рекламы и контроля органично стыкуются с сетями разведки и дезинформации. Раньше человек уходил в подполье, чтобы противостоять режиму. Ныне же конспирация в почёте и является хорошо оплачиваемой и весьма достойной профессией. При господстве спектакля люди конспирируются, чтобы поддерживать это господство, чтобы в очередной раз утвердить конспирацию как залог благоденствия спектакля. Конспирация — это неотъемлемая часть спектакля.

Власть намеренно создаёт поводы для своего рода превентивной гражданской войны, чтобы предугадать все возможные пути развития событий. Для этих целей создаются «специальные подразделения», готовые вступить в бой по первому зову интегрированного спектакля. Их тактика заключается в том, чтобы развязать бойню ещё до того, как началось восстание. Прецеденты уже были, в худшем случае власть может решиться на операцию, аналогичную той, что была вовремя проведена в Мехико в октябре 1968 года и носила

кодовое название «Три культуры»[10]. Безусловно, такой вариант припасён на самый крайний случай. Необоснованные, случайные убийства являются весьма полезным инструментом для правительства, но только если они относительно часты и вызывают широкий резонанс, особенно важен резонанс — только благодаря нему стрелка общественных предпочтений может качнуться в ту или иную, выгодную для правительства, сторону. Такие убийства вовсе необязательно должны быть выборочными, *ad hominem*. Чем случайней выбор новой жертвы — тем больше резонанс.

Далее, даже разрозненные элементы культивированной социальной критики начинают упорядочиваться. Спектакль теперь уже не доверяет академикам и профессионалам СМИ: их традиционная ложь, выдаваемая за критику, уже всем приелась, и необходима новая, более совершенная критика, которую можно эксплуатировать ещё более эффективным образом, и которую будут контролировать другие, лучше обученные профессионалы. Всё чаще на глаза попадают довольно-таки выдающиеся тексты за подписью совершенно неизвестных авторов, а то и вовсе анонимные. Достаточно полезная тактика, особенно если учесть, что всем надоели привычные клоуны спектакля, хочется чего-нибудь новенького — и именно поэтому такие тексты встречаются «на ура». Зачастую они посвящены темам, которые никогда не затрагивал спектакль и, что особенно важно, в них используются весьма оригинальные доводы, основанные на совершенно очевидных фактах, которые прежде никто не догадывался приводить. Что же, прямо на наших глазах светлые умы нашей эпохи добровольно идут в рабство режиму, пройдёт ещё много времени, прежде чем они поймут, во что они влипли. То, что для кого-то станет первым шагом в карьере, менее посвященных заведёт в ловушку.

В тех случаях, когда дискуссия рискует зайти в тупик, искусственно создаётся новая псевдокритика; и из двух точек зрения спектакль, по своему подлому обыкновению, выдвинет ту, которой будет проще манипулировать, благодаря её расплывчатости. Таким образом, любая дискуссия может быть обновлена и начата заново при первой же необходимости. Примечательно, что чаще всего это происходит с громкими дискуссиями о том, что утаивают СМИ: содержат ли эти дискуссии конструктивную критику? — безусловно. Верны ли многие аспекты этой критики? — вполне. Однако акценты у этой критики почему-то постоянно бывают смещены. Темы и выражения в вышеупомянутых текстах кажутся уж больно искусственными, высосанными из пальца. Порою кажется, что они были сгенерированы компьютерной программой, в которую кто-то заложил критическое мышление. В этих текстах всегда присутствуют пробелы, которые с первого раза и не заметишь: в них абсолютно нет перспективы на будущее, и это пугает. Они напоминают муляжи орудий, у которых есть лафет, есть ствол, но нет бойка. К несчастью, эта критика поверхностна, и хотя ей не занимать искренности, и зачастую она метко попадает в цель, однако все её положительные стороны блекнут из-за её односторонности. Желает ли эта критика стать беспристрастной? Едва ли. Её разоблачает то, что она никак не хочет раскрывать свою первопричину: ведь именно из государства она когда-то вышла, и к государству стремится вернуться.

Помимо этой анти-журналистской лжекритики ещё существует вполне организованная тенденция к распространению слухов, которые, как известно, являются побочным продуктом зрелищной информации, так как каждый, пускай и бессознательно, стремится

получить хоть какую-то толику последней; пускай даже бы она была ложной — в неё всё равно уверуют. Вообще говоря, слухи зародились как наивное суеверие, самообман. Впрочем, не так давно благодаря разведке появились такие люди, которые специально были натасканы на то, чтобы пускать слухи, немедленно удовлетворяющие запросам населения. На основе наблюдений решено было внедрить на практике теорию, которая была сформулирована ещё 30 лет назад, а корнями уходила ещё глубже — в американскую социологию рекламы. По этой теории существуют так называемые «законодатели мод», толкачи, т. е. такие индивиды, которые провозглашают: «делай как я»- и люди добровольно тянутся за ними, стараясь один в один повторять их поступки. Только сейчас данная теория построена не на добровольном следовании примеру, а на строгом подчинении. Помимо традиционных специалистов недавнего прошлого вроде академиков и профессионалов СМИ, полицейских и социологов — спектакль ухитрился нанять себе новых нахлебников, причём средства на них выделяются как из бюджетных, так и из внебюджетных фондов. Ни в коем случае нельзя тупо и упорно, механически применять к изменившимся условиям устаревшие модели, как нельзя игнорировать опыт прошлого. «Рим перестал быть Римом», а мафиози — ворами. Службы разведки и дезинформации сейчас столь же кардинально отличаются от полицейских и осведомителей былых времён (к примеру, от жандармов и шпионов Второй Империи), как и вообще все современные спецслужбы — от Второго Отделения образца 1914 года.

Искусство умерло, и теперь нет ничего проще, чем спрятать шпика под личиной художника или артиста. СМИ так и трубят о мнимом величии пошлых, не пойми откуда взявшихся клонов нео-дадаизма, которые уже принялись создавать целые замки и дворцы из мусора. При таком процессе вполне понятно, почему шпионы и прочие агенты государственных сетей принуждения с такой лёгкостью выдают себя за артистов. Как грибы после дождя возникают абсолютно пустые псевдомузеи и псевдоисследовательские центры, посвященные творчеству никогда не живших личностей, с тем же успехом создаются репутации журналистов-стукачей, историков-стукачей и писателей-стукачей. Несомненно, Артюр Краван обладал даром предвидения, когда написал в своём «Maintenant»: «Скоро на улицах нам будут встречаться исключительно художники и артисты, и придётся немало постараться, чтобы отыскать в толпе простого человека». В своё время парижские бедняки любили язвить: «Здравствуйте, добрые артисты! Надеюсь, вы и вправду добрые». Конечно, они говорили не совсем так, но в такой форме их острота ещё более актуальна.

Мы вынуждены принимать мир таким, какой он есть. Сегодня мы становимся свидетелями того, как коллективное авторство начинает практиковаться почти во всех крупных издательствах, точнее в тех, что приносят своим владельцам наибольший доход. Всё равно, только газеты имеют право удостоверить псевдонимы, а потому они с радостью ими жонглируют, сочетают, меняют местами, а то и вовсе подменяют искусственными мозгами. Задача современных авторов — выражать идею и стиль жизни эпохи, но не потому, что они действительно хотят их выразить, а потому что им это приказали. Вот и получается, что поистине независимыми сейчас являются лишь литературные антрепренёры, которые с умным видом рассказывают нам о том, что Дюкасс ссорился с Графом Лотреамоном, настаивают, что Дюма и Мэккет — два разных человека, подмечают, что не стоит путать Эркманна и Чатриана, и что Ценсье и Даубентон — совершенно разные вещи[11]. Можно смело сказать, что все современные авторы — последователи Рембо, особенно что касается

утверждения: «Я — это не я, а кто-то другой».

Вся история общества спектакля вела к тому, чтобы секретные службы начали играть в нём главную роль; так и получилось, чуть только власть и сила этого общества достигли должной концентрации. И хотя они скромно именуют себя «службами», на самом деле именно они определяют главные интересы общества. Они не знают коррупции — они могут лишь верой и правдой служить обществу спектакля. Так ревностно служат, пожалуй, только вперёд смотрящие на корабле посреди бескрайнего океана. Спектакль привёл всё тайное к триумфу и теперь вынужден нанимать для собственного управления всё больше и больше специалистов в области тайного. Эти специалисты не обязательно должны быть бюрократами — это индивиды, которые в разной степени освободили себя от контроля государства и бюрократии.

XXIX

Главное рабочее правило для интегрированного спектакля, ну или по крайней мере для тех, кто заведует его делами, состоит в том, чтобы сделать всё возможное для поддержания его строя. Это означает, что для нужд спектакля следует привлекать любой новый инструмент, сколько бы он ни стоил. Разработка новых механизмов воздействия становится самоцелью и единственной движущей силой системы, способной хоть как-то подстегнуть её развитие, поэтому эти механизмы навязываются обществу без каких-либо раздумий. Хозяева спектакля, несомненно, любой ценой желают сохранить существующую «систему общественных отношений между людьми», но они также обязаны следить за техническими инновациями, чтобы и их наследникам было чем руководить. Это касается также и спецслужб, которые своей грудью защищают господствующий режим. Если какое-то орудие труда было усовершенствовано, то оно в любом случае должно быть использовано, пускай даже ради этого придётся изменить условия окружающей среды. Поэтому чрезвычайные меры всюду становятся делом привычным и обыденным.

В некотором смысле, сплочённость общества спектакля доказывает правоту революционеров, которые настаивали на том, что даже ничтожнейшую деталь системы нельзя изменить, не изменив всю систему. Однако эта сплочённость также подавила любые революционные настроения в современном обществе, выбив у них из-под ног любую социальную почву, где бы они могли найти выражение: от профсоюзов — до газет, от рабочих кварталов — до книг. Достаточно было мановения руки, чтобы высветить всю безрассудность и беспомощность этой тенденции. Да и на индивидуальном уровне сплочённость общества спектакля способна подавить или, ещё лучше, подкупить любые возможные формы протеста.

XXX

Спецслужбы могли бы быть куда опасней, но, по счастью, они слишком увлекаются амбициозными замыслами по всеобщему абсолютному контролю над обществом и оттого закономерно сталкиваются с трудностями. Существует следующее противоречие: спецслужбы кропотливо, день за днём собирают информацию о различных индивидах, причём собрали уже какие-то непомерные, гигантские горы досье, однако времени на

анализ и выявление их действительной ценности у них просто не остаётся. Количество разведанных постоянно приходится сокращать, при этом много важной информации попросту теряется, а то, что остаётся, — всё равно недоступно для прочтения из-за своего объёма. Разведкой и иными службами по манипуляции населением никто не руководит, они не координированы. Между ними кипит ожесточённая борьба, один потенциал современного общества желает задавить другой, однако не стоит обольщаться — все они одним дёгтем мазаны.

Эта борьба также является состязанием. Каждый её участник переоценивает способности как своих агентов, так и агентов противников. Любая страна, не говоря уже о транснациональных альянсах, на текущий момент обладает каким-то невероятным числом полицейских и разведывательных служб. Причём эти спецслужбы могут быть не только государственными, но и даже надгосударственными. Также не счесть мелких частных компаний, которые предлагают свои услуги в области надзора, безопасности и разведки. Вполне естественно, что у транснациональных корпораций есть собственные спецслужбы; но куда интереснее то, что они есть и у менее крупных национальных компаний, которые до сих пор преследуют собственные цели на национальном и, реже, международном уровне. Ядерно-энергетическая группа будет отчаянно сражаться против нефтяной группы, несмотря даже на то, что они принадлежат одному и тому же государству и в каком-то смысле диалектически объединены желанием поддерживать высокий уровень цен на нефть на мировом рынке. У каждого предприятия есть собственные спецслужбы, которые призваны бороться с саботажем и, в случае надобности, организовывать акты саботажа против конкурентов. Так, например, компании, строящие подводные туннели, кровно заинтересованы в том, чтобы морские паромы тонули чаще — для этого они не брезгуют подкупом газет, чтобы те без промедления, но и без особых подробностей, рассказывали о подобных катастрофах. Одновременно с тем компания, соперничающая с Sandoz[12], может запросто отравить источники подземных вод в долине Рейна, нимало не заботясь при этом об экологических последствиях. Тайным разведывательным службам не привыкать — забота у них такая. Все эти организации плотно теснятся вокруг тех, кто в ответе за государственный разум, *Raison d'Etat*, причём каждый хочет добиться своей гегемонии над смыслом. Поэтому смысл и теряет сегодня всякий осязаемый центр.

Одерживая победу за победой, вплоть до 1968 года современное общество свято верило в то, что его все любят. Однако с тех пор оно было вынуждено расстаться с этим заблуждением — теперь оно предпочитает, чтобы его боялись. Уж оно-то знает, что его «атмосфера невинности исчезла навсегда».

Поэтому все те тысячи интриг, которые оплетают и сотрясают современное общество, так или иначе связаны с действующим режимом. Поэтому всё более и более переплетаются разнообразные тайные сети, растут объёмы подпольной деятельности, и одновременно с этим все они последовательно и оперативно интегрируются в экономику, политику и культуру. Во всех сферах общественной жизни не продохнуть от шпионов, дезинформаторов и подпольщиков — различать их становится всё труднее. Порою интриги разрастаются настолько, что их уже невозможно не заметить, тогда они начинают интерферировать, будоражить другие сети интриг — одни профессиональные шпионы начинают следить за другими, даже не зная толком, зачем они это делают, иногда они

сталкиваются в толпе, но не узнают друг друга. Кто за кем следит? Кто отдал такой приказ? К кому тянутся нити интриг? Этого мы не узнаем никогда, мы можем лишь подозревать об их настоящих целях. Когда никто не может с полной уверенностью сказать, что им не манипулируют, что он не жалкая тряпичная кукла в этом театре, — даже кукловод не знает наверняка, отзывается ли кукла на его движения. И в любом случае, даже если и отзывается — всё равно это не значит, что кукловод выбрал верную стратегию. Иногда маленькие тактические успехи способны привести великую армию к разгрому.

Состоя в одной сети и, очевидно, преследуя одни и те же цели, одни её элементы запросто могут плевать на гипотезы и заключения других элементов и, более того, даже на решения их контролирующего ядра. Но можно догадаться — когда вся информация, а порою и сами объекты наблюдения, являются вымышленными от начала и до конца, или серьёзно фальсифицированными, или неверно интерпретированными, все выкладки этих новых инквизиторов могут запросто пойти насмарку. Однако куда проще обвинить кого-то, нежели заставить его работать на себя. Поэтому борьба кипит не только за источники информации, но и за источники фальсификаций.

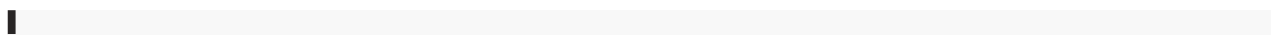
Поэтому мы можем смело заявить, что режим терпит убытки. Он охватил своим влиянием всё социальное пространство, соответственно увеличив число своих агентов-соглядатаев и арсенал своих приёмов. Однако спецслужбы начали шпионить и строить заговоры друг против друга, тем самым истощив свои людские запасы, а также обесценив свои приёмы.

В результате мы пришли к принципиальному противоречию: оказалось, что все они внедряются, оказывают давление и шпионят за... пустым местом, — ведь по идее они должны следить за теми, кто хочет разрушить существующий строй. Но можем ли мы наяву увидеть эту подрывную деятельность? Конечно, едва ли можно назвать ситуацию революционной, но это только правительство может беспечно закрывать на неё глаза. Оно так давно не сталкивалось с отрицанием, что благополучно забыло о нём. Поэтому отрицание превратилось в смутную, хотя и неприятную угрозу, а спецслужбы, в свою очередь, от банального безрыбья были вынуждены уйти из своей привычной сферы деятельности. Раньше службы надзора и внедрения действительно были вынуждены бороться с проявлениями отрицания в обществе, обстановка к тому обязывала. Сейчас же они опустили до того, что плетут интриги и отрицают друг друга, причём делают это с помощью ещё более совершенных методов спектакля. И манипулируют они сегодня уже не террористами, а теориями.

XXXI

Бальтасар Гарсиан, большой авторитет в области исторического времени, метко подметил в своём «Карманном оракуле»: «Будь то слова или действия — всё следует измерять временем. Мы должны выбирать, пока можем; время не ждёт, оно накатывает как волна».

Омар Хайям был менее оптимистичен:

«Мир я сравнил бы с шахматной доской:
То день, то ночь. А пешки? — мы с тобой.
Подвигают, притиснут, — и побили;
И в темный ящик сунут на покой».[13]

XXXII

Французская Революция внесла огромные изменения в военное искусство. Как мы знаем, в её результате Европа была быстро поработана Наполеоном. Именно из опыта тех войн Клаузевиц заключил, что существует разница между тактикой, которой силы руководствуются для того, чтобы одержать победу в отдельно взятом сражении, и стратегией, которая учит, как использовать уже одержанные победы для достижения более обширных военных целей. Однако к тому времени данная теория ещё не была до конца доказана, да и развивалась неравномерно. Также следует отметить, что большую роль сыграли глубокие социальные сдвиги во Франции, которые привели к созданию большой, мобильной и решительно настроенной армии, которая могла легко сняться с насиженных мест и отправиться в далёкие походы, оставаясь при этом относительно неотягощённой складами и обозами. Однако вскоре вражеская сторона сумела должным образом ответить на этот вызов: в Испании французы столкнулись со столь же сильным народным энтузиазмом; в России — с недружелюбными и совершенно необъятными просторами; а после начала освободительной войны в Германии — и со значительно превосходящими их по численности силами. Так что не стоит недооценивать тот коренной перелом, который французы внесли в тактику. Наполеон основывал свою стратегию на следующем любопытном соображении — он всегда действовал так, как будто уже одержал победу, так сказать, взял её в кредит, и поэтому выстраивал из всех возможных манёвров своей армии ту искомую последовательность, которая привела бы её к победе. Только так, решительно отбросив ложные идеи, и можно было добиться столь решительного прорыва.

Но для возникновения новой тактики недостаточно было просто избавиться от ложных идей, требовались и другие нововведения, о которых мы уже вскользь упомянули выше, — необходимо было найти средство для того, чтобы избавиться от закоряченных порядков. Новобранцам во времена Наполеона особенно доставалось за то, что они не могли держать строй и стрелять по команде. Вместо этого они рассыпались в цепь и вели беспорядочную стрельбу во время наступления. На сегодняшний день уже все признали, что только независимый огонь является эффективным, и что муштровка была самым пагубным фактором в военных действиях того времени. Несмотря на постоянную демонстрацию в сражениях и то, что скорость и дальность стрельбы непрестанно совершенствовалась, в конце XVIII века все поголовно военные мыслители с негодованием отвергали данные выводы, более того — дебаты по этому вопросу шли практически весь следующий век[14].

По аналогии, установление господства спектакля стало тем самым глубоким общественным сдвигом, радикально изменившим искусство управления государством. Вместо того чтобы стоять по стойке смирно под градом пуль, солдаты инстинктивно начали залегать, окапываться и разбегаться в цепи — так и здесь налицо упрощение искусства управления государством, которое вполне спонтанно назрело на практике, но которому все ещё недостаёт теоретического обоснования. Уже всем ясна пагубность старых предрассудков,

однако предостережения нынче бесполезны: пыль веков всё ещё застит умы многим правителям, не позволяя им понять то, что каждый день отлично демонстрируется и доказывается на практике. Не только непосвящённый охлос сейчас всеми правдами и неправдами стараются убедить, что он живёт в старом, привычном для него мире, который на самом деле уже был уничтожен, — порою и сами правители страдают от этого абсурдного убеждения. Они почти уже осознали, какая титаническая сила оказалась в их руках, однако всё ещё брезгают с нею считаться. Однако скоро они перестанут мешкать. Тот, кто достиг столь много такими малыми средствами, обязательно пойдёт ещё дальше. Не стоит думать, что если они так долго не могли вникнуть в новые правила своей игры, не могли отказаться от своего варварского благородства, то так навсегда и останутся фанатами архаичных форм в отношении реальной власти. Несомненно, спектакль явно не предназначен для того, чтобы кончить как просвещённый абсолютизм. Мы обязаны заключить, что неизбежна смена ролей в слаженной труппе тех, кто служит интересам режима и, даже прежде всего, тех, кто в ответе за охрану режима. Тут дело серьёзное — такая рокировка не может произойти на сцене спектакля. Она произойдёт внезапно, как удар молнии, о которой мы узнаём только после того, как нас ослепит её вспышка. Эта смена ролей подведёт убедительный итог работе современного спектакля и произойдёт вдали от посторонних глаз, тайно, даже несмотря на то, что она коснётся самых высших эшелонов власти. Здесь уже не будет места хилым и слабым — изберут лишь тех, кто преодолел все испытания. Тот, кто займёт центральное место в этом мире, обязан знать, на что он способен.

XXXIII

Тот же Сарду писал:

“ «Слово „напрасно“ относится к субъекту, „тщетно“ — к объекту; „бесполезный“ — значит никому не полезный. Если человек не достиг цели в результате своей работы, лишь потратив своё время и силы, — значит он работал „напрасно“. Если же человек работал и не достиг ожидаемой цели из-за того, что работал неправильно, — значит он работал „тщетно“. Если я не могу преуспеть в завершении какой-то работы, я работаю напрасно, т. е. я бесполезно трачу своё время и усилия. Если же работа, которую я делал, не принесла ожидаемых плодов, я не достиг цели — я работал тщетно, т. е. делал нечто бесполезное...

Иногда говорят, что человек работал напрасно, если его не вознаградили за проделанную работу или не одобрили её; в этом случае человек тоже потерял зря время и усилия, однако он сам и его работа в этом не виноваты. Прделанная работа могла быть очень даже хороша».

Париж. Февраль-апрель 1988 года.

Примечания

- 1 Так называемое дело «Watergate», связанное с выемкой документов из избирательной комиссии и преследованием демократов.
- 2 Дело доктора Аршамбю. В 1984 году, надо полагать, из жалости, коллеги доктора Аршамбю по клинике отключили аппараты искусственного дыхания у нескольких пациентов, находящихся в реанимации. Позднее точно было установлено, что сам Аршамбю не принимал участия в данном преступлении, однако настоящие преступники так и не были найдены.
- 3 В Великобритании и некоторых её колониях до 1970 года действовала следующая денежная система: 4 фартинга = 1 пенни, 12 пенсов = 1 шиллинг, 2 шиллинга = 1 флорин, 5 шиллингов = 1 корона и, наконец, 20 шиллингов = 1 фунт (соверен).
- 4 SAS — английская антитеррористическая служба.
- 5 GAL — испанская антитеррористическая служба.
- 6 Безумные брабантские убийцы — в начале 80-х Бельгия была потрясена кровавой серией убийств. Вооружённая банда совершала рейды по супермаркетам, убивала каждый раз в среднем шесть-семь человек, забирала какую-то ничтожную сумму из кассы и благополучно скрывалась. Впрочем, упорно ходили слухи, что выбор жертв был не случаен, и что убийцы были членами неонацистских организаций.
- 7 «Домой вернулся моряк, домой вернулся он с моря!» — начальные строки «Реквиема» Р-Л Стивенсона.
- 8 «Великая игра» (The Great Game) — широчайшая по размаху шпионская борьба между Российской империей и Великобританией за право обладать Индией. Термин был введен в рассказе «Ким» Редьярдом Киплингом.
- 9 Фукидид. «История», книга VIII, глава 5.
- 10 Операция «Три культуры». 2 октября 1968 года полиция открыла огонь по студенческой демонстрации, проходившей на площади Трёх культур в Мехико. Последовало две недели кровопролитных столкновений: полиция расстреливала митинги и университетские корпуса. В результате погибло более пятидесяти студентов.
- 11 Конечно, Исидор Дюкасс — это и есть Граф Лотреамон. Август Мэккет — видный историк, соавтор Дюма-отца. Эмиль Эркманн и Александр Чатриан — два писателя-романиста родом из Аляски, которые писали в соавторстве. «Ценсье-Даубентон» — собственно, название одной из станций парижского метрополитена.

12 Одна из крупнейших мировых корпораций, занимающаяся производством медикаментов.

13 Омар Хайям. Рубаи. 272. Перевод Тхоржевского.

14 Обстоятельный анализ этой революции в военном искусстве дал один из крупнейших специалистов в данной области Фридрих Энгельс: «Солдат опять-таки оказался толковее офицера: именно он, солдат, инстинктивно нашёл единственную боевую форму, которая до сих пор оправдывает себя под огнём ружей, заряжаемых с казённой части, и он с успехом отстоял её вопреки противодействию начальства». (Энгельс Ф. «Анти-Дюринг», отдел II, гл. III).